

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Пров. 1985

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

60

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

60

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова.

А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Е. И. КРУПНОВ

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА¹

Советская историческая наука, в отличие от буржуазной, вскрывает весь сложный и многообразный путь исторического развития отдельных стран и народов, начиная с древнейших времен, на основе марксистско-ленинской теории и марксистского анализа вещественных исторических источников и освещаемых ими социальных и культурных явлений прошлого.

Не зная вещественных материалов, служащих для бесписьменных эпох человечества нередко единственными и наиболее объективными историческими источниками, нельзя ни правильно осветить отдельные этапы экономического и культурного развития того или иного народа, ни проследить возникновение в глубоком прошлом и развитие тех элементов, которые составляют характерные и специфические особенности хозяйства и культуры современных народов. Выяснение важнейших вопросов — происхождение того или иного народа и сложение его культуры — неминуемо должно увести нас в глубокую древность и связать с археологией. Только имея широкую историческую перспективу, можно приступить к исследованию сложившейся общности территории, экономики и языка, а также условий, создавших психический склад и культуру современных народов. Без привлечения археологических материалов изучение истории любого общества или страны будет неполным.

Советская археология, вооруженная марксистско-ленинской методологией, на основе изучения памятников материальной культуры, стремится раскрыть «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений»². Интерпретация археологических объектов становится у нас нередко подлинно историческим исследованием, а добываемый археологами вещевой материал все больше и больше используется в трудах наших ученых, занимающихся изучением истории нашей Родины и сопредельных стран.

Археологический материал играет важнейшую роль при освещении ранних эпох в сводных трудах и учебниках по истории русской культуры, истории Украины, Грузии, Армении, народов Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Эстонии, Якутии и пр.

¹ Статья излагает основные положения доклада, прочитанного в Институте истории им. ак. Джавахишвили АН Грузинской ССР, в Гос. Музее Грузии им. ак. Джанашиа в мае 1954 г. и на заседании Ученого совета ИИМК АН СССР в январе 1955 г. Сокращенное изложение доклада опубликовано в журнале «Вопросы истории», № 2 за 1955 г., стр. 165—169.

² К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 8, 1936, стр. 301, прим. 89.

Ряд обобщающих историко-археологических работ: «Ремесло древней Руси», «История древней Карелии», «Древняя история Южной Сибири», «Древнейшая история севера европейской части СССР», «Очерки по истории неолитических племен юго-восточной Европы», «Древний Хорезм», «История и культура Урарту», «Древняя история Кабарды», «История народов Среднего Поволжья и Прикамья», «Волжские болгары» и другие работы написаны археологами и главным образом на археологических материалах.

Советская археология превратилась в крупный самостоятельный раздел советской исторической науки, с четко определенными задачами и специфической методикой научного исследования. Достижения советской археологии и заслуги отдельных археологов в разработке важнейших историко-археологических проблем получили широкое признание. Звания лауреатов Сталинской премии удостоены 12 археологов (из них Б. А. Рыбаков дважды).

Перед археологами Советского Союза встали новые и большие задачи по восстановлению подлинно научной истории СССР, отдельных республик и областей.

Эти задачи советские археологи могут решить, только повышая теоретический уровень своих работ, развивая критику и самокритику, добываясь истины в обмене мнениями, совершенствуя методику исследований, опираясь на методы точных наук.

Определенная роль в выполнении этих почетных задач падает и на отряд советских археологов, которые посвятили себя изучению древней и средневековой истории многонационального Кавказа, как одного из древних культурных очагов на территории СССР, в ряде случаев имевшего общие исторические судьбы с судьбами других южных областей нашей страны.

Достойное выполнение этой задачи — дело чести каждого советского археолога-кавказоведа.

Народы Кавказа с их многовековой высокой культурой, в ряде областей сложившейся уже в условиях первого на территории нашей страны классового общества и государственности (Урарту), давно привлекали внимание исследователей. Открытие самых древних в СССР стоянок первобытного человека (шелльских и ашельских), факты древнейших связей с цивилизованными странами Древнего Востока и вместе с тем самобытный характер культурного развития, первое государственное образование (Урарту), градостроительство, раннее появление гончарного круга, столь же раннее индустриальное развитие выделки бронзы, а затем и железа и другие свидетельства культурного прогресса оправдывают исследовательский интерес к народам Кавказа, к их истории и культуре.

Уже то обстоятельство, что с изучением прошлого Кавказа по существу связывается выяснение происхождения целого комплекса древних народов особой самобытной языковой семьи (иберо-кавказской), связанных с древнейшей цивилизацией Востока, еще до выступления на историческую арену народов индо-европейских, семитических и тюркских, заставляет дело изучения истории Кавказа считать одной из актуальнейших задач.

Интерес к прошлому Кавказа стимулируется еще и необходимостью разоблачения разного рода теорий и концепций, созданных буржуазными учеными, искажавшими самобытную историю кавказских народов. Знакомство с особенностями культурного развития населения различных районов Кавказа лишний раз убеждает в незыблемости марксистского положения о неодинаковом процессе исторического развития ряда областей в силу социальных и природных (географических) условий, в которых протекал процесс развития того или иного общества.

За более чем столетний период историко-археологического изучения, особенно в советское время, в области археологии Кавказа достигнуты крупные успехи. Они выражаются не только в замечательных полевых открытиях,

но и в постановке важных научно-исторических проблем. Кратко подводя итоги, можно отметить следующие достижения кавказоведения.

1) Впервые открыты и исследованы древнейшие на территории СССР стоябища людей эпохи нижнего палеолита (в Армении, Грузии и на Северо-Западном Кавказе) и намечены пути к освещению этого наиболее раннего этапа развития человеческого общества.

2) Значительно продвинуто изучение памятников верхнего палеолита (в Грузии—стоянки Девис-Хврели, Сакажиа, Мгвимеви, Сагварджиле и др.).

3) Заложено плодотворное начало изучению неолитических культур на Северном Кавказе (Агубеково, Нальчикский могильник) и в Закавказье (Одиши, Ханлар, Тетрамица, Кистрик и др.).

4) Созданы предпосылки к правильному научному решению проблемы общекавказского, а не только Куро-Аракского энеолита (Шингавит, Элар, Бешташени, Кюльтапа, Сталинири, Хаченагет, Мингечаур, Каякент, Луговое и др.), выявление которого является крупным достижением археологов Закавказья.

5) Доказано самостоятельное развитие металлургии меди на Кавказе и установлены древние районы выработки предметов эпохи бронзы.

6) Сделан ряд первоклассных открытий в области изучения памятников бронзового века Закавказья (Триалети, Кировакан, Узунлар, Кызыл-Кала, Зурнабад, Агдам и др.) и поставлен вопрос о существовании самостоятельной и блестящей культуры в Закавказье в эпоху средней бронзы и об ее связях с культурами Древнего Востока и Северного Кавказа середины II тысячелетия до н. э.

7) Исследован ряд крупнейших памятников Закавказья, таких, как могильники Самтавро и Мингечаура, изучение которых позволяет полнее выявить особые и самостоятельные культуры в центральном Закавказье в разные периоды эпохи бронзы. Принципиальное значение изучения этих памятников заключается в том, что здесь получен многочисленный новый научно обоснованный материал огромного хронологического диапазона, обеспечивающий возможность разработки хронологической шкалы и археологической периодизации материальной культуры не только Грузии и Азербайджана, но и всего Кавказа, с эпохи ранней бронзы и кончая средневековьем.

8) Созданы научные предпосылки для выделения на Кавказе самостоятельных археологических культур эпохи поздней бронзы и раннего железа и для установления соответствия этих культур с известными этническими общностями. Так, некоторыми исследователями сделаны попытки установления культуры урартов, колхов, иберов и народов Северного Кавказа (культуры: «восточно-грузинская», иберская, колхидская, кобанская, каякенто-хорочоевская и др.). Таким образом, появилась возможность более точного выяснения вопросов этногенеза народов Кавказа и по археологическим данным, разумеется, в контакте с антропологами, этнографами и лингвистами.

9) Сделаны блестящие открытия при изучении культуры народов Закавказья урартского и античного периодов (Кармир-блур, комплексы Мцхета, Армази, Клдееи и Гарни) и обеспечена возможность постановки и решения проблемы сложения местных рабовладельческих обществ и возможности решения проблемы эллинизма применительно к культуре Закавказья.

10) Получен новый археологический материал, свидетельствующий о широких взаимосвязях племен и народов Кавказа с окружающим миром древности и поставивший перед исследователями вопрос о связях Кавказа со скифо-сармато-аланскими племенами Предкавказья и со странами Передней Азии и Средиземноморья.

11) Положено прочное начало исследованию городской культуры народов Закавказья и культуры племен Северного Кавказа эпохи раннего средневековья (раскопки городов Уджарма, Урбниси, Рустави, Двина и др.). Исследователи пытаются установить характер производственных отношений

и национальных культур в раннефеодальных обществах Закавказья и проследить процесс классового образования у племен Северного Кавказа.

12) Приступлено к планомерному археологическому исследованию памятников городской и сельской культуры народов Кавказа эпохи позднего средневековья (раскопки ряда памятников Грузии, Армении и Азербайджана). Опыт этих раскопок дает возможность и на археологическом материале выяснить состояние производительных сил и положение производителей материальных благ. Расширение этих работ позволяет ставить проблему взаимоотношения города и деревни в разных феодальных обществах Кавказа и полнее выявлять общие элементы и национальные черты культуры.

Кратко перечисленные нами результаты археологического изучения Кавказа, главным образом, характеризуют блестящие успехи в области полевых исследований и в меньшей степени отражают достижения исследовательской мысли в разработке научной проблематики, хотя справедливость требует отметить, что отдельными учеными поставлено немало важных проблем, сделаны попытки их решения, а некоторые вопросы и успешно разрешены (например, проблема взаимоотношений Урарту с Закавказьем и Древним Востоком, вопрос о широком использовании на древнем Кавказе сурьмы как ценного заменителя олова при производстве бронзовых сплавов в эпоху бронзы и др.).

В активе научной деятельности коллектива кавказоведов, в первую очередь закавказских археологов, — первоклассные исследованные памятники материальной культуры Кавказа, вполне достойные того, чтобы советская археология могла выступить с ними на международной арене. Мцхета, Самтавро, Армази, Кармир-блур, Гарни и Мингечаур наряду с другими замечательными памятниками, открытыми на территории нашей страны, должны составлять гордость советской археологии, советской исторической науки.

Оценивая выдающиеся успехи кавказской археологии, следует отметить, что их достижению в значительной степени способствовало то, что в ряде республик и областей Кавказа были созданы, в порядке осуществления национальной политики Коммунистической партии и Советского Правительства, научно-исследовательские институты, филиалы АН СССР и академии наук союзных республик. Концентрация различных научных сил в республиканских академиях наук и в других научных учреждениях обеспечили известные успехи и в области археологии Кавказа.

Но эти успехи были бы еще большими, если бы не только на местах, но и в центре, в Академии Наук СССР (в Москве и Ленинграде), вопросам кавказоведения, в том числе и кавказской археологии, уделялось больше внимания.

Достаточно сказать, что в штате Института истории материальной культуры АН СССР, являющегося центральным ведущим археологическим учреждением страны, до последнего времени состояло всего пять кавказоведов (из них в Москве только один). За последние 15 лет Институтом, не считая отдельных статей, выпущено всего четыре книги, посвященные кавказской тематике: одна монография, два тома «Материалов и исследований по археологии Северного Кавказа» и тематический выпуск «Кратких сообщений» ИИМК. Причем все эти издания почти не освещают археологии Закавказья. Следует отметить, что разработка важнейших общих вопросов древней истории и археологии Кавказа в Институте ведется медленными темпами.

Если не считать ежегодных встреч археологов Москвы и Ленинграда с отдельными археологами Кавказа на сессиях Отделения исторических наук АН СССР и на пленумах ИИМК, посвященных итогам археологических исследований, то следует признать, что до последнего времени настоящей деловой связи в работе ИИМК и местных научных учреждений не было. Это весьма печально сказывалось и сказывается на темпах выпол-

нения важных мероприятий, например на подготовке двух первых томов «Очерков по истории СССР», на составлении списка археологических памятников всесоюзного значения, подлежащих охране.

В итоге, и в настоящее время мы далеки еще от возможности составить сводную историю населения замечательного (по своим этнографическим и историко-культурным особенностям) края, каким является Кавказ с древнейших времен. Причина этого кроется в неравномерности историко-археологического изучения разных областей Кавказа (Дагестан, как и весь Северо-Восточный Кавказ, например, оказался наименее изученным краем).

Оценивая состояние исследовательской работы в области археологии кавказских научно-исследовательских учреждений, следует отметить неравномерное развитие исследований на Кавказе в целом. Если в центрах закавказских республик, Тбилиси и Ереване, научно-исследовательская работа в области археологии и древней истории ведется довольно успешно, то в таких крупных краевых и областных городах и центрах автономных республик Северного Кавказа, как Ставрополь, Краснодар, Грозный, Орджоникидзе, Махачкала, Нальчик, Черкесск, Майкоп и Пятигорск, где есть высшие учебные заведения (даже союзного значения), филиалы Академии Наук СССР (как в Махачкале), специальные научно-исследовательские институты и музеи краеведения, исследовательская работа в области археологии ведется очень слабо, часто силами одиночек энтузиастов-археологов, причем увязки в работе между отдельными учреждениями, иногда находящимися даже в пределах одной республики, нет. Какой-либо координации или согласования между закавказскими республиканскими академиями наук до последнего времени не было. Случайная научная связь выражалась лишь в обмене взаимной информацией о проделанной работе на научных сессиях, далеко не регулярно организуемых той или иной академией наук Закавказья, республиканским или областным научно-исследовательским институтом Северного Кавказа (например, ежегодные сессии Кабардинского научно-исследовательского института).

Очень показательны, что даже на первой объединенной научной сессии, организованной усилиями трех закавказских академий наук в марте—апреле 1954 г. в Баку, на обсуждение участников археологической секции не были поставлены общие проблемные вопросы, разрешение которых важно для изучения всего Закавказья.

На Бакинской сессии, наряду с тем, что на ней вновь были продемонстрированы большой научной ценности результаты полевой деятельности закавказских археологов, выявилась и разобщенность работников Азербайджана, Грузии и Армении. Оторванность и даже некоторая отчужденность порождала ненормальные явления, когда плановая тема сотрудников одной академии наук разрабатывалась без всякого учета источников (именно по данной теме), имеющихся в соседних академиях и музеях; древние археологические культуры иногда изучались чуть ли не в пределах современных административных границ, часто из-за незнания источников, хранящихся в соседней республике.

В целях ликвидации подобных явлений, разумеется, отрицательно сказывающихся на ценности обобщений, секция археологии Бакинской сессии выразила справедливое пожелание — шире практиковать взаимное общение археологов Кавказа путем участия на подобных сессиях (которые желательно проводить не реже одного раза в два года), более массового участия в тематических совещаниях, в научных командировках и в прочих формах научного общения.

До самого последнего времени командировки рядовых научных работников, разрабатывающих ту или иную проблему, в соседние научные центры и даже в Москву или Ленинград, где имеются богатейшие сравнительные материалы, были крайне редким явлением. Это нельзя признать нормальным.

Нельзя дальше оправдывать и невероятно затянувшуюся подготовку к публикации ценнейших материалов из раскопок в Мцхета, Армази, Багинети, Мингечауре, Раче и на других объектах Закавказья. Краткие брошюры о замечательных комплексах материальной культуры из большинства этих пунктов полиграфически далеко не совершенны, причем изданы без резюме на русском языке (брошюры Г. А. Ломтатидзе о Мцхета-Самтавро и Г. Ф. Гобеджишвили — об успехах грузинской археологии).¹ Практически эти первые публикации недоступны для большинства советских историков и археологов и до сих пор остаются совершенно неизвестными для широкого круга советской интеллигенции. Таким образом, закавказскими археологами слабо используется единственная форма внедрения своих достижений в практику культурного и научного строительства. Президиумы Грузинской, Армянской и Азербайджанской академий наук должны принять решительные меры к быстрейшему и полиграфически качественному изданию трудов Мцхетской, Кармир-блурской, Гарнийской и Мингечаурской археологических экспедиций.

Осуществление этого мероприятия заметно уменьшит разрыв между накоплением материалов и их исторической интерпретацией и публикацией, до последнего времени наблюдающийся в практике работы историко-археологических учреждений Закавказья.

Особенно неблагоприятно с развитием археологических исследований обстоит дело на Северном Кавказе, все еще недостаточно хорошо изученном для того, чтобы можно было осветить древнюю историю всего многонационального края.

По существу, ни одно научно-исследовательское или культурно-просветительное учреждение Северного Кавказа (кроме Краснодарского историко-краеведческого музея) систематической работы по изучению своего края не вело, часто из-за недостатка внимания к археологии. Некоторые же достижения, имеющиеся в области археологических исследований на Северном Кавказе, являются результатом работ центральных учреждений Москвы и Ленинграда.

Основная причина слабости научно-исследовательской работы в учреждениях Северного Кавказа заключается в отсутствии какого-либо руководства ею. Научного центра, который руководил бы, планировал, направлял и контролировал деятельность этих учреждений, не существует. Так, например, Северо-Осетинский, Кабардинский, Черкесский, Адыгейский научно-исследовательские институты, созданные при советах министров автономных республик или облисполкомах, по существу предоставлены самим себе и остаются без единого научного руководства.

Следствием такого положения явились разного рода ошибки и извращения в освещении важных вопросов происхождения истории и культуры того или иного народа Северного Кавказа, допущенные в работах, изданных отдельными институтами (националистические ошибки в работах сотрудников Северо-Осетинского института и Дагестанского филиала АН СССР).

Вторая причина слабого состояния исследовательской работы в крае — отсутствие на местах иногда подготовленных кадров археологов. Даже в Дагестанском филиале АН СССР, перед которым стоят большие задачи по изучению своей республики, до последнего времени не было сильной квалифицированной археологической группы. До сих пор нет специалистов археологов в штате республиканских, областных и крупных районных музеев таких городов, как Ставрополь, Грозный, Ordжоникидзе, Махачкала, Нальчик, Майкоп, Пятигорск.

¹ Только в 1955 г. Издательство АН Грузии выпустило в свет брошюру Г. А. Ломтатидзе «Археологические раскопки в Мцхета» на русском языке и опять, к сожалению, с далеко не совершенными фотоиллюстрациями.

В штатах высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов Ставрополя, Краснодара, Орджоникидзе, Нальчика и Черкесска числится по одному археологу, и они не могут обеспечить должный размах археологических исследований.

Между тем и перед археологами-кавказоведами стоят большие и ответственные задачи; главная заключается в том, чтобы, полностью освободившись от пережитков пагубного влияния марризма, значительно повысить теоретический, идейный уровень работ в области кавказоведения. Как и всем советским ученым, нам надлежит вести непримиримую и принципиальную борьбу со всякого рода теоретическими ошибками и заблуждениями, с проникновением в советское кавказоведение враждебной буржуазной идеологии, с разного рода националистическими тенденциями, приводившими к искажениям истории народов Кавказа.

Археологам-кавказоведам давно пора усилить подготовку серьезных источниковедческих работ — важного звена в научной работе, без чего немислимо разрешение частных и общих научных вопросов и прежде всего уточнение хронологии памятников. Давно пора также уделить внимание и теоретическим обобщающим работам, подлинному историческому освещению добытых материалов. В этом отношении археологи-кавказсведы находятся еще в долгу перед исторической наукой.

Важнейшая задача, стоящая перед историками и археологами-кавказоведами, — составление на основе документального материала сводного марксистского труда по истории Кавказа с древнейших времен.

Эта задача может быть успешно выполнена лишь после того, как будут написаны очерки по истории отдельных народов и областей Кавказа. В ряде республик и областей Кавказа в настоящее время ведется напряженная работа по переделке первых изданий учебников истории или подготовке новых популярных текстов «Историй». Авторским коллективам, работающим над составлением этих трудов, необходимо учесть все критические замечания нашей партийной и советской печати по первым опытам и добиться выхода в свет полноценных исторических работ, отвечающих современным требованиям советской науки. Выпуск в свет этих трудов справедливо относится к первоочередной задаче историков и археологов кавказоведов.

Для дальнейшего поступательного развития кавказской археологии крайне необходимо заметно повысить и оживить научно-исследовательскую и полевую работу научных и культурно-просветительных учреждений края. Целевая направленность и широкое развертывание работы даст в руки археологов новые ценные материалы для освещения важнейших узловых вопросов древнейшей, древней и средневековой истории Кавказа.

В области палеолита перед кавказоведами открываются широкие возможности разработки проблем становления на Кавказе самого примитивного человеческого общества. Исследования палеолитических памятников разных этапов их развития на Кавказе помогут пересмотреть старые заключения, уточнить хронологию палеолита и выяснить хозяйственную основу и социальную организацию человеческого коллектива наиболее раннего этапа истории человечества.

Следующий культурный этап общественного развития на Кавказе — неолитическая эпоха — наименее изучен. Неолит Кавказа, как, впрочем, и почти всего нашего Юга, гораздо хуже исследован, чем неолит Севера. По существу в изучении неолитических культур на Кавказе сделаны лишь первые шаги. Плодотворно начатые работы по исследованию памятников неолита на Северном Кавказе и в Закавказье требуют успешного продолжения. Их результаты облегчат разработку древнейшей истории народов Кавказа, решение проблемы расселения древнего населения, помогут выяснить процессы формирования племен и их взаимоотношения друг с другом и проблеме соответствия неолита Кавказа с неолитом Юго-Восточной Европы.

В связи с обнаружением типологически сходных памятников переходной поры от камня к металлу в разных районах Закавказья и Северо-Восточного Кавказа (в восточных районах Грозненской области и в Дагестане) перед специалистами, изучающими культуру кавказского энеолита, встают заманчивые перспективы изучения этой культуры в общекавказском масштабе и окончательного уточнения ее датировки. Можно думать, что расширение границ изучения кавказской энеолитической культуры позволит уточнить ее локальные варианты и выяснить судьбы раннеземледельческих племен Кавказа, причины их расселения и взаимосвязей с населением Передней Азии и в первую очередь Ирана.

Для изучения производственной деятельности населения Кавказа бронзового века особо важны работы, помогающие решить вопросы, связанные с зарождением и развитием местной кавказской металлургии меди и других цветных металлов. Нужно продолжать начатые перспективные археологические работы в местах древних горнорудных выработок меди и сурьмы (в Геби, Брили и др.), важные для научного освещения древней сырьевой базы, снабжавшей растущую кавказскую металлургию и обеспечивавшей сырьем еще в эпоху ранней бронзы даже далекие степи Украины.

Исходя из материалов уже открытых памятников бронзового века разных периодов его развития (типа Майкопа, Триалети, Кировакана и др.), необходимо окончательно установить их соответствие с памятниками древнего Востока, наметить ареалы распространения племенных групп — носителей культур, представленных этими памятниками, а также попытаться установить соответствие выделяемых археологических культур с известными этническими общностями, т. е. попытаться уточнить ранние этапы этногенеза народов Кавказа по археологическим данным.

Нужно сделать попытку определения времени становления иберо-кавказской этнической общности и установления ее древних связей с индоевропейцами еще до появления на Кавказе иранских элементов (в лице скифов), разумеется, в пределах возможностей, обеспечиваемых археологией. В частности, давно назрела необходимость решить проблему «культур крашеной керамики» (типа Кзыл-Ванкской) и попытаться установить отношение ее носителей к индоевропейским группам населения Малой Азии (хеттам, точнее неситским племенам и их культуре). Необходимо также окончательно выяснить происхождение культуры таких этнических массивов Северного Кавказа, как адыго-черкесо-кабардинского и дагестанских народностей, а также осетинского народа.

При изучении культур позднебронзового и раннежелезного века особое внимание следует уделить исследованию бытовых памятников, освещающих производственную деятельность населения Кавказа эпохи поздней бронзы. Нужно также стремиться выделить и изучить локальные варианты соответствующих культур, например кобанской, колхидской и других. Это можно сделать, используя наблюдаемую разницу в морфологии керамики, ее орнаментации и в формах погребальных сооружений. Таким путем можно установить множественность родственных племен или отдельных родоплеменных групп, культура которых отличается по указанным признакам. Подлинно научной разработкой подобных вопросов будет положен конец и разногласиям в наименовании по существу родственных культур, наблюдающейся в работах наших закавказских коллег, произвольно употребляющих термины «ходжалы-кедабекская культура», «ганджа-карабахская», «човдар-калакентская» и т. д.

Можно полагать также, что при успешном решении подобных вопросов станет еще очевиднее неправомерность употребления и переноса таких чисто этнографических понятий, как «восточногрузинская» или «североармянская» культура, в глубочайшую древность (для наименования археологических

культур конца II в. и рубежа II и I тысячелетий до н. э.), что еще практикуется в среде археологов Грузии и Армении.

Большой важности задачи остаются в области изучения условий возникновения классов, появления первых государственных образований и формирования культуры рабовладельческих обществ на Кавказе. Ценнейшие итоги систематического исследования памятников урартской культуры (раскопки Б. Б. Пиотровским Кармир-блур и др.), явившиеся основой для развития советского урартоведения, а также работы, далеко продвинувшие вперед изучение древней истории Передней Азии и Закавказья (исследования Г. А. Меликишвили), блестящие открытия на Кавказе памятников разных периодов античной культуры — все это обеспечивает возможность постановки и решения крупных исторических и историко-культурного характера проблем, например о взаимоотношении культуры Кавказа и античного мира.

В этой связи нельзя не отметить, что распространенное в грузинских исторических кругах мнение о существовании в Грузии древних (с VI—V вв. до н. э.) рабовладельческих государственных образований — Колхидского и Иберийского царств со своими столицами — требует более серьезной аргументации и археологическими источниками, особенно существование Иберийского государства.

С каждым годом все увеличивающееся число находок на Кавказе предметов киммерийского и скифо-сарматского типа ставит перед кавказоведами задачу правильного осмысления этого материала как показателя оживленных и в разных формах проявляющихся древних связей населения Юго-Восточной Европы и Кавказа. Особенно интересной представляется проблема взаимосвязей Скифии и Кавказа, причем при разработке этого вопроса, разумеется, необходимо учитывать и факты первого появления на Кавказе скифских вещей (происхождение которых точно установлено в степных районах Юго-Восточной Европы) и дальнейшее, уже местное их производство по скифским образцам (особенно наконечников стрел), что, конечно, вполне возможно.

Необходимо продолжить успешно начатые исследования раннесредневековых городов Закавказья и памятников, характеризующих период становления классового общества на Северном Кавказе, в частности аланского общества с X в. н. э. Нужно серьезно заняться выяснением состояния производительных сил, положения производителей материальных благ и дать верное представление о характере производственных отношений в том или ином обществе определенного периода, выяснить характер культуры и религиозных представлений. Последняя тема требует особенно серьезной разработки применительно к Северному Кавказу, ибо археологические материалы указывают на более раннюю дату распространения христианства, чем это принято считать по письменным документам.

Не менее сложные и большие задачи стоят перед изучающими историю народов Кавказа эпохи позднего средневековья. В изучении материальной культуры этой эпохи на Кавказе (кроме, может быть, Грузии) сделано еще очень мало. Ряд городов, крепостей и сельских населенных пунктов остается еще неисследованным, тая в себе неоценимые материальные источники для суждения о производстве, домашнем хозяйстве, быте и культуре разных слоев населения. Для столь позднего времени показания археологических материалов, казалось бы, не так убедительны, однако в действительности в решении многих исторических вопросов роль вещественных источников все еще остается большой. Примером могут служить последние блестящие открытия в Новгороде Великом, уточнившие наши представления о культуре и грамотности населения древнего Новгорода.

Раскопки соответствующих памятников позволят не только глубже разработать проблемы взаимоотношений города и деревни в феодальных обществах Закавказья, проблему ремесла, но и выявить типические черты ма-

териальной, а иногда и духовной культуры, присущие определенным этническим группам населения Северного Кавказа.

Несомненно, пристального внимания, особенно со стороны археологов, изучающих историю Северного Кавказа, заслуживает вопрос первого появления славян на Кавказе и характер их взаимоотношений с местными племенами. Последними раскопками в Черкесии и на Тамани уже обнаружены признаки этих связей, которые должны являться предметом изучения и со стороны кавказоведов.

Приведенные исследовательские задачи не исчерпывают, конечно, всего круга вопросов, связанных с древней и средневековой историей народов Кавказа. Их, разумеется, гораздо больше. Указаны лишь общие проблемы, подлежащие научной разработке в ближайшие годы.

Понятно, что при изучении всех этих общих и больших проблем исследователи должны выяснять и частные, конкретные вопросы, важные для освещения культуры определенного периода, например характер взаимосвязей и взаимовлияний разных культур, степень проникновения привнесенных элементов и их роль в формировании местной культуры.

Последние вопросы имеют более важное значение, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что многие археологи, подпавшие под влияние марровской схемы «синстадиального» развития, увлекались автохтонизмом, что приводило к полному отрицанию каких-либо взаимовлияний или воздействий извне, даже в области развития военной техники. Многие авторы считали культурно-исторические процессы и отдельные явления результатом только самобытного, внутреннего развития. Истории же известны другие примеры. История повествует о процессах, протекающих на той или иной территории, в том числе и на Кавказе, не в изоляции, а при тесном взаимодействии племен и народов.

Искусство историка должно заключаться в том, чтобы уметь при наличии совершенно очевидных признаков посторонних влияний выявить самобытный характер и национальную специфику в культуре того или иного народа.

Основой истории, основой всякого исторического труда должна быть хронология. Разработка хронологической шкалы памятников Кавказа и отдельных его областей, а также периодизация древней истории Кавказа должны всегда находиться в кругу задач кавказоведов.

Среди других задач, носящих уже вспомогательный характер, нужно упомянуть составление археологических карт, подытоживающих полевые работы в каждой республике или области Кавказа и служащих основой для планирования дальнейших работ. Нужно также в каждой республике Закавказья, в системе академий наук, упорядочить выдачу открытых листов на право производства археологических раскопок, создав специальные комиссии по рассмотрению отчетов о произведенных раскопках, обеспечив их рецензирование, обсуждение и утверждение. Например, в Азербайджане и в Армении такого контроля за производством раскопок нет.

Необходимо добиваться большей плановости в организации экспедиций и в исследовании отдельных памятников материальной культуры, не допуская самотека. Нужно, чтобы экспедиционная работа определялась только требованиями проблемного плана научно-исследовательских учреждений.

Для плодотворного разрешения перечисленных задач необходим ряд мероприятий и организационного порядка.

Следует ввести в практику совместной работы всех археологов-кавказоведов организацию тематических совещаний или конференций по основным вопросам кавказоведения в области археологии. На Кавказской секции сессии отделения исторических наук АН СССР 25 апреля 1955 г. было вынесено решение о проведении такого совещания осенью 1956 г. в одной из столиц Закавказской республики. На совещаниях в первую очередь нужно будет

выработать общую программу изучения древней истории и археологии Кавказа и наметить задачи, требующие быстрого разрешения. Нужно также усилить производственный контакт Института истории материальной культуры АН СССР со всеми научно-исследовательскими институтами, ведущими работу в области кавказской археологии.

Для более успешной разработки основной проблематики желательно было бы создание в ИИМК специального сектора кавказской археологии, укомплектовать его квалифицированными сотрудниками и расширить прием и подготовку аспирантов по археологии и древней истории Кавказа.

Учитывая явный недостаток кадров археологов-кавказоведов, вполне своевременно поставить перед Министерством высшего образования СССР вопрос об учреждении специального курса по археологии Кавказа на кафедрах археологии при исторических факультетах, хотя бы центральных университетов.

Вполне целесообразно шире практиковать проведение совместных археологических экспедиций и осуществление совместных изданий научных трудов Институтom истории материальной культуры АН СССР и научно-исследовательскими институтами той или иной республики Кавказа. Как показывает опыт, подобная практика содействует укреплению деловых и научных связей республиканских и центральных научных учреждений.

Учитывая большую научную ценность добытых в различных республиках и областях Кавказа археологических материалов и недостаточность публикации их, нужно принять меры к оживлению издательской деятельности в области археологии во всех научных и культурно-просветительных учреждениях Кавказа, сделав в ближайшие годы полученные археологические материалы достоянием широкой научной общественности СССР и за рубежом.

В связи со слабым состоянием научной работы в области истории, археологии и этнографии, проводимой научно-исследовательскими институтами, состоящими при советах министров и облисполкомах национальных автономных республик и областей Северного Кавказа, которые по существу не имеют единого научного руководства, назрела острая необходимость поставить вопрос об организации научного руководства деятельностью указанных институтов со стороны АН СССР путем создания на Северном Кавказе единого научного органа (единого северокавказского филиала АН СССР), координирующего, направляющего и контролирующего деятельность северокавказских научно-исследовательских учреждений.

Таковы меры организационного характера, осуществление которых безусловно поможет историкам и археологам Кавказа добиться нужного перелома в своей работе.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЮБИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ОКРЕСТНОСТЯХ
ГОРОДА СТАЛИНИРА
(Юго-Осетия)

Впервые археологические разведки северо-восточных окрестностей г. Сталинира были произведены С. И. Надимашвили, выявившим энеолитическое местонахождение в районе глиняных разработок, близ кладбища Згудрис Гверда, где им найдены типичная для энеолита керамика, в том числе хорошие образцы посуды с отпечатками ткани, и кремневый асимметричный стреловидный вкладыш¹. Вторым интересным археологическим объектом, первоначально обследованным С. И. Надимашвили, был холм Кулбакеби в 500 м восточнее сел. Осприси.

В ноябре 1949 г. холм Кулбакеби посетила группа археологов во главе с Б. А. Куфтиным и Е. Г. Пчелиной. Среди подъемного материала — древняя керамика, кремневые орудия, глиняная статуэтка барана, многочисленные отщепы обсидиана.

В 1950 г. нами были произведены дополнительные археологические разведки в отмеченном районе. Границами его являлись: на севере — холм Кулбакеби, на востоке — сел. Осприси, на юге — место выемки глины на кладбище Згудрис Гверда, на западе — коренной берег р. Большая Лиахва. Северная часть участка известна местному населению под общим названием Кулбакеби, южная — под названием Згудрис Гверда. Между ними расположен глубокий Осприсский овраг, по дну которого протекает ручей.

В местности Кулбакеби параллельно Осприсскому оврагу проходят еще два — Кулбакебский и Промежуточный, которые зарождаются у холма Кулбакеби. Все три оврага прорезают нижнюю часть юго-западного склона невысокой горы Кособиант и простираются в широтном направлении; устья оврагов выходят в пойму р. Большая Лиахва.

На широкой плоской площадке², разделяющей низовья оврагов Промежуточного и Осприсского, по обломкам человеческих костей и фрагментам керамики установлено наличие древних погребений в трех смежных пунктах: в центре площадки, в разрушаемой Осприсским оврагом южной части ее и на склоне коренного берега, который является западным, обращенным к реке склоном этой же площадки. Эти пункты, повидимому, представляют отдельные участки большого древнего могильника³, расположенного на площадке Междуовражной, на ее южном и западном склонах.

¹ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIV-В, 1947, стр. 69, 74—78.

² В дальнейшем для удобства площадка будет называться «Междуовражной». Названия отмеченным трем оврагам также даны условно.

³ По предложению Е. Г. Пчелиной, могильник, ввиду обилия скорпионов на занимаемом им участке, назван «Скорпионовым склоном».

В марте 1950 г. на западном склоне площадки нами найден медный топорик энеолитического облика (рис. 1—4). Топорик (длина 10 см, наибольшая ширина лезвия 4,8 см) аналогичен топору, происходящему из

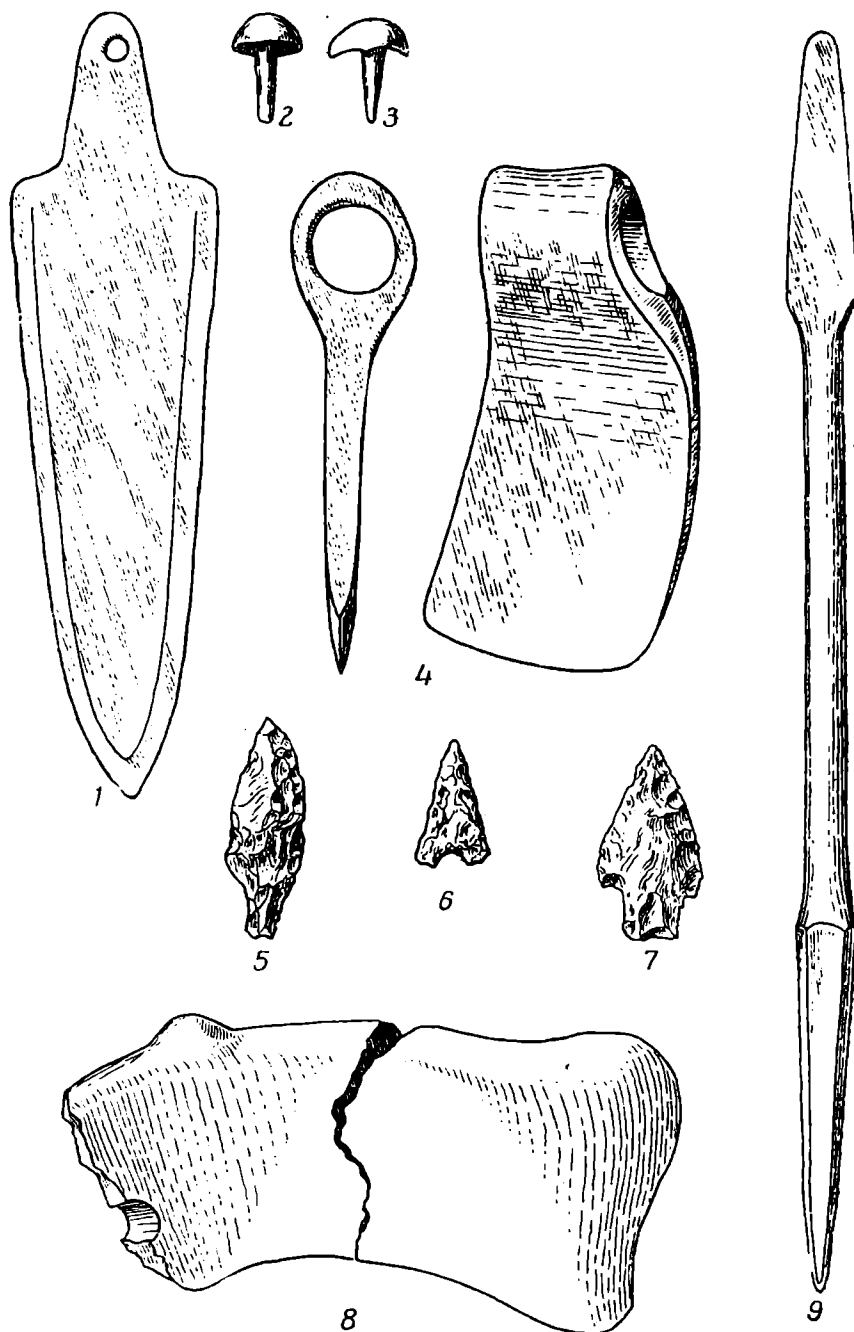

Рис. 1. Находки в окрестностях г. Сталинира:

1, 2, 3 — медный (?) кинжал и гвозди из погребения № 5; 4 — медный (?) топорик; 5, 6, 7 — наконечники стрел (5,7 — кремь, 6 — обсидиан); 8 — глиняная подковообразная подставка; 9 — медный наконечник копья.

сел. Ялбузи Сталинирского района и хранящемуся в Горийском музее¹. Топор из Ялбузи имеет клиновидную лопасть, откованное острие, легкое ребро на обухе и овально-подтреугольное отверстие.

По общему своему виду и размерам найденный топор почти повторяет ялбузский, отличаясь от него тонкой лопастью, неоткованным лезвием

¹ Б. А. К у ф т и н. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 35—36, табл. XX, 1.

и круглым отверстием для топорича. У обоих топоров широкое на всем протяжении лезвие, которое только у самого отверстия переходит в суженную обушную часть, не образуя шейки, за счет крутого плечика на лобном ребре. Плечико нашего топора имеет две грани, сходящиеся под прямым углом и образующие легкое ребро. Ребро, возможно фиксирующее место стыка створок разъемной литейной формы, прерывается отверстием для топорича и продолжается снова на обухе, где оно резче выражено. Тыльное ребро топора плоское, слегка изогнуто по дуге и в выделении обушной части участия не принимает. Проушное отверстие слегка расширено в наружной части, что предполагает насаживание топорича путем протаскивания его через отверстие в направлении от лобного к тыльному ребру и укрепление в проушине благодаря утолщению на конце рукоятки. Отличие в форме отверстия не может еще само по себе свидетельствовать о большой древности топора со Скорпионового склона, хотя круглые проушины являются в раннеметаллической технике несомненным пережитком техники неолитического сверления.

Медные топоры со Скорпионового склона и Ялбузи и другого типа из Каралети¹ и Меджрисхеви² — один из первых ярких показателей культуры медного века в этой части Внутренней Картлии. Они происходят из территориально близко расположенных пунктов Сталинирского и Горийского районов. Со временем, очевидно, выявится и очаг металлургического производства, с которым возможно будет связать упомянутые находки.

Топор со Скорпионового склона найден на могильном поле. В погребении, из которого он выпал, вероятно другого инвентаря не было, но это не лишает надежды раскопать здесь же погребение, где подобный топорик будет сочетаться с другим инвентарем. Увязка этого типа архаичных топоров с достоверным комплексом вещей имеет безусловно первостепенное значение. Важно отметить, что на овражном склоне площадки Междуовражная найдены черепки посуды энеолитического типа. Поиски более дальних, и территориально и типологически, аналогий топору со Скорпионового склона уводят нас из Картлии в Абхазию, где в нижнем третьем слое дольменов найдены сходные, но более узкие и удлиненные топоры³. Ялбузский топор, как отмечал Б. А. Куфтин, по форме весьма близко напоминает топор из большого Костромского (третьего Разменного) кургана⁴, воспроизводимого М. И. Артамоновым в одной из своих работ⁵. Нам остается распространить эту аналогию и на топор со Скорпионового склона. А. А. Иессен указал на близость его к топорам из курганов станиц Псебайской и Андрюковской. Б. Б. Пиотровский отметил поразительное его сходство с гипсовой отливкой, сделанной по обломку каменной литейной формы из Шенгавитского поселения (Армения).

Находки, естественно, привлекли внимание к могильнику «Скорпионовый склон». Первое исследование разведывательного характера производилось здесь в ноябре 1950 г. экспедицией Юго-Осетинского научно-исследовательского института под руководством Е. Г. Пчелиной. Раскопками были затронуты только окраинные участки могильника, где были вскрыты все нарушенные погребения, так как им угрожало полное уничтожение. На западном склоне площадки заложено два раскопа (№ 1, 2), на южном, овражном — один (№ 3). Для раскопа № 1 выделен участок, площадью

¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... табл. XX.

² Там же. Стр. 16, рис. 16, 6.

³ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949, табл. XXX, 1.

⁴ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... стр. 36.

⁵ М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, т. X, 1948, стр. 179, рис. 5, 4.

в 30 м² (3 × 10 м), ниже тропы, где зафиксировано три разрушенных погребения (№ 1, 2, 3). Раскоп № 2, площадью в 81 м² (9 × 9 м), включил в себя большой участок выше тропы, на месте находки медного топорика. Здесь обнаружено погребение № 4. На площади раскопа № 3 (52,5 м²) вскрыты погребения № 5, 6, 7.

Погребение № 1. Сохранились только остатки костей черепа и несколько зубов. Костяк лежал, повидимому, головою на восток, ногами на запад, к реке. При осмотре склона найдено несколько черепков и одна сердоликовая бусина, повидимому из этого же погребения. В самом погребении обнаружено: на черепе сверху — бронзовая полутораспиральная подвеска почти круглой формы с лепестковидными, слегка заходящими друг на друга концами, под черепом — вторая подсобная, но фрагментированная, более легкая, овальной формы, изготовленная из тонкой, расплющенной на концах проволоки. В области шеи много бус. Бусы пастовые, бисерные цилиндрические, в среднем 3 мм длиной и 2,5 мм диаметром, среди них 72 белых и 88 черных; семь бусин пастовых колючковидных, 4—9 мм диаметром, из них пять белых, одна голубоватая и одна коричневая; одна бусина пастовая продольнорребристая боченковидная белая, 8 мм длиной и 7 мм диаметром; 30 бусин бронзовых боченковидных плохой сохранности, 4—5 мм длиной и 3 мм диаметром; такая же 7 мм длиной и 6 мм диаметром. Помимо того, собраны обломки еще нескольких пастовых бусин.

Обращает внимание миниатюрность пастового бисера: отдельные черные бусинки — 1 мм длиной и менее 2 мм диаметром. Бисер сработан грубо: торцовые срезы большинства бусинок косые, отверстия плохо центрированы, длина бусин настолько различна, что некоторые цилиндрические можно назвать колючкообразными.

Керамика представлена одним, помещенным у лицевых костей раздавленным тонкостенным, формованным на круге горшком без ручек, того самого типа, которые происходят из раскопок В. И. Долбежева в Тли и хранятся в Венском музее¹. Дно сосуда гладкое, украшенное по окружности косыми рубчиками, венчик низкий отогнутый; шейка короткая, а вдоль плечиков нанесен резной орнамент из пояска косых ямчатых вдавлений и параллельных прямых линий (на сосуде из Тли последние отсутствуют, зато имеются два пояска из косых ямчатых вдавлений). Такой же горшок обнаружен Б. А. Куфтиным в разрушенном погребении на шлейфе «Утеса царцатов» (Царциат-Кадзах) близ с. Верх. Хвце².

Погребение № 2. Толщина дернового слоя 10 см. Глубина залегания могилы 0,48 м. В могильном слое много камней. Оползнем затронута и слегка разрушена западная часть могилы, где в ногах костяка стоял глиняный раздавленный сосуд. Костяк, ориентированный на восток и полностью сохранившийся, лежал на спине, ноги согнуты; колени обращены влево. Руки согнуты в локтях, кисти их несколько ниже лицевых костей черепа. Череп отделен от костей туловища и помещен вверх лицевой частью. Он раздавлен и настолько разрушен проросшими насквозь корнями, что сохранить его не удалось. За исключением нескольких черепков сосуда, в погребении ничего не было. Сосуд аналогичен найденному в погребении № 1.

Погребение № 3. Разрушенное. Сохранилось несколько обломков в беспорядке лежащих трубчатых костей.

Погребение № 4. Толщина дернового слоя 8 см. Глубина залегания могилы 0,5 м. В могильном слое много камней. Костяк ориентирован голо-

¹ Л. С. Уварова. Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900, стр. 338, рис. 267—268.

² Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... стр. 41—43, рис. 43.

вою на юг, лицо обращено к реке. Он лежал на левом боку, ноги сильно согнуты. Кости крайне плохой сохранности, череп разрушен. Кости обеих голеней, стоп, предплечий и кистей рук не сохранились. Под берцовые и плечевые кости подложены камни. Камни подложены также под несколько трубчатых костей и голову (?) какого-то жвачного животного, находящихся у ног костяка.

Никаких предметов в могиле не оказалось. Можно предположить, что медный топорик (рис. 1—4), найденный на склоне в нескольких метрах ниже погребения, относится именно к этому захоронению.

Разведки были также проведены и на площадке Междуовражной. Она представляет собой участок старозалежных земель. Мощность почвенного слоя здесь 30—40 см. Глубже идут делювиальные наносы с большим количеством камней.

Находки на площадке распределяются неравномерно: подавляющая часть их сосредоточена на наиболее плоской части, примыкающей к Осприсскому оврагу. Сбор поверхностного материала дал свыше 250 кремневых и обсидиановых отщепов и обломков, из которых у 40 отмечена ретушь и иные признаки обработки. Найдено также два обломка зернотерок и около 45 каменных поделок, имеющих (не всегда) правильную форму усеченных конусов или полушарий и (очень часто) пришлифованные основания. Эти поделки изготовлены из туфа или андезитовых пород. Пришлифованность основания свидетельствует об употреблении предметов в качестве небольших терочников или шлифовальных штифтов. Два из них, видимо для удобства захвата руками, — продолговатой формы. Неровность основания некоторых из этих поделок заставляет предполагать использование их в качестве пестов. Орудия типа терочников-пестов встречены в других местах (Кулбакеби) лишь в единичных экземплярах. Ширина основания предметов 3—4 см, высота 3—5 см, а у полушарной разновидности 1,5—2,5 см. Близкая аналогия им имеется в материалах Долинского поселения¹.

На площадке собрано свыше 120 фрагментов керамики. Около 80% их взято из выброса земли при земляных работах, во время которых было разрушено древнее погребение, видимо с очень богатым набором посуды, так как из груды собранных черепков можно выделить обломки не менее десяти черно-серых сосудов, из которых по крайней мере шесть принадлежали широким толстостенным блюдам и мискам, один — кубку, один — небольшому шаровидному сосуду с двумя вертикально-проемными ручками для подвешивания. В сборах керамики эпохи поздней бронзы на территориально близких Нацаргоре и холме Гора в Авневи есть сходные образцы мисок, блюд и кубков². Несколько черепков из этой группы украшены линейным узором, наведенным лощением.

При разведке на овражном склоне площадки Междуовражной собрано около 50 кремневых и обсидиановых отщепов и столько же черепков глиняных сосудов. Фрагменты сосудов в подавляющем числе соответствуют образцам, собранным на площадке Междуовражной, но несколько черепков следует выделить в особую группу. Они покрыты красноватым ангобом или имеют чернополированное покрытие и красную подкладку. У одного из черепков — характерный для энеолитических сосудов плечевой уступ (место перехода корпуса в верхнюю часть).

Вследствие разрушения южного края площадки Осприсским оврагом выявились культурные отложения энеолитической эпохи. Таким образом, зарегистрировано новое энеолитическое местонахождение, которое убед-

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, табл. V, 4, 9.

² Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года..., стр. 42, рис. 16, 9, 10; стр. 58, рис. 25, 3—6; стр. 56 рис. 24, 5.

тельно подкрепляет датировку найденного на западном склоне этой же площадки медного топора и которое становится в один ряд с энеолитическим комплексом из соседнего Згудрис Гверда. Среди материалов сборов, сделанных на южном берегу Осприсского оврага, много черепков подобного энеолитического типа.

На овражном склоне, где предварительная разведка выявила разрушающиеся погребения (№ 5, 6, 7), был заложен раскоп № 3 (15 × 3,5 м).

Погребение № 5. Толщина дернового слоя 6 см. Глубина залегания могилы 0,38 м. В могильном слое камней нет, но по краям ямы несколько бессистемно расположенных голышей, возможно остатки каменной обкладки. Костяк, ориентированный головой на север, ногами на юг, к оврагу, лежал на левом боку. Погребение скорченное: кости бедра и голени лежали параллельно друг другу, а коленные суставы почти у черепа. Руки так сильно согнуты, что кисти их находились у лицевых костей. Оползнем разрушена южная часть могилы и унесены вниз по склону тазовые кости и обе стопы. Остальные кости — плохой сохранности. Более других уцелел череп; во время работ он был закреплен парафином и таким образом сохранен для дальнейшего изучения.

В оползающей части могилы найдены два небольших кремневых отщепа и один обсидиановый. Приурочить их к могильному инвентарю трудно; возможно, они смыты дождевыми потоками с верхней части склона.

Между коленным суставом левой ноги и нижней челюстью у кисти правой руки лежал плоский медный (?) треугольный кинжальный клинок с несколько листовидным лезвием, с плоским пробитым черешком, обращенным в сторону челюсти (рис. 1 — 1). В отверстии черенка находился гвоздь с полушарной полый головкой и тупым концом (рис. 1 — 2); второй гвоздь с ладьеобразной полый головкой и слегка расклепанным концом (рис. 1 — 3) обнаружен в ротовой полости на линии вероятного продолжения деревянной рукоятки. Кинжал сверху был прикрыт небольшим камнем. Длина кинжала с язычком-черешком 16 см, наибольшая ширина 4 см.

В Музее Грузии хранится медный кинжал, который почти в точности повторяет описанный. Он принадлежит к группе вещей, купленных в 1911 г. на Тифлисском базаре и якобы происходящих из Эриванской губернии. На основании сопоставления с так называемым «цхинвальским кладом» Б. А. Куфтин предположил иное местонахождение этих предметов. Несмотря на то, что в коллекции, помимо характерных для цхинвальского клада предметов позднебронзовой эпохи, есть значительно более древние вислообушные узкотелье топоры и интересующий нас треугольный плоский кинжал, Б. А. Куфтин видел в вещах часть цхинвальского клада или во всяком случае группу предметов близкого происхождения, подчеркивая при этом, что с местом происхождения предметов типа цхинвальского клада «может быть связан еще совсем иной, более глубокий пласт ранней бронзы»¹. Мы считаем возможным выдвинуть интересное предположение о том, что могильник «Скорпионовый склон» с его разновременными погребениями и является местонахождением или одним из пунктов происхождения предметов цхинвальского клада.

Погребение № 6. Разрушенное. Сохранились только фрагменты черепа и несколько зубов. Положение черепа определить не удалось. Ясно только, что костяк был ориентирован головой на север, ногами на юг, к оврагу, поэтому череп и подвергся разрушению в последнюю очередь.

Погребение № 7. Толщина дернового слоя 15 см. Глубина залегания могилы от 0,89 м (первое появление как-то неестественно торчащих согнутых костей ног) до 1,30 м (кости черепа). Могильная яма овальной формы. Костяк ориентирован головой на северо-восток. С глубины 0,65 м и до са-

¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 19—20.

мого дна могильная яма сплошь забита камнями. У юго-западного края погребения кости ног перекрывал большой камень длиной 53 см и шириной 39 см. К сожалению, точно определить положение костей не удалось, так как ночью погребение, препарировка которого только началась, было разрушено. При просмотре грунта найден большой обсидиановый отщеп и большие пастовые (?) черные бусы: одна шаровидная и три продольно-ребристые (одна из них фрагментирована).

Кроме могильника, обследован был и холм Кулбакеби. Площадь его около 1700 м²; он овальный, незначительно удлиннен в широтном направлении, вершина плоская.

Собрано около 120 обсидиановых и 60 кремневых отщепов и орудий. Невольно обращает на себя внимание резкое процентное увеличение здесь, по сравнению с площадкой Междуовражной, числа кремневых поделок и отщепов. Из 120 обсидиановых отщепов только 15 имеют ретушь. На расстоянии около 100 м от холма, в месте, отделенном от него начальным участком оврага Промежуточного, найден обсидиановый наконечник стрелы, сплошь обработанный отжимной ретушью (рис. 1—6). В Юго-Осетинском музее краеведения хранится только один фрагментированный обсидиановый наконечник стрелы, происходящий из коллективных погребений в с. Нули, раскопанных в 1931 г. Е. Г. Пчелиной и А. П. Смирновым¹. Он имеет глубокую прямоугольную выемку в основании и повторяет форму обсидиановых наконечников стрел из Цалкинских курганов эпохи средней бронзы. По предварительным данным, раскопки Б. А. Куфтина в том же с. Нули в 1949 г. дали много подобных наконечников. Кулбакебский наконечник более архаичного облика, более грубой работы, массивнее, в его основании неглубокая округлая, а не прямоугольная выемка; лопасти не закруглены по наружным граням.

Кремневые изделия и отщепы со следами обработки (28 экз.) выгодно отличаются от обсидиановых более совершенной отделкой. Из законченных и полностью уцелевших кремневых орудий отметим наконечник стрелы (рис. 1—5), четыре вкладыша серпа, шесть скребков концевых и с округлым рабочим краем. Наконечник и вкладыши сплошь покрыты отжимной ретушью, скребки же, изготовленные на случайных кремневых отщепах, ретушированы только по рабочему краю.

Наконечник стрелы (возможно, дротика) относится к типу лавролистных с боковой выемкой, образующей раннюю форму черешка, и известен в литературе как наконечник с асимметричным черешком или скошенным основанием. В Закавказье, для которого типичны наконечники треугольной формы с выемкой в основании, «черешковые» и тем более с асимметричным черешком встречаются редко. В Юго-Осетии известен генетически связанный с этой формой асимметричный вкладыш, найденный С. И. Надимашвили вместе с энеолитической керамикой на соседнем Эгудрис Гверда².

На Северном Кавказе такие наконечники встречены в III Разменном кургане станицы Костромской³; они более удлиненной формы и со слабо выраженным черешком, а короткой шиповидной формы известны из кургана № 2 в станице Новосободной, в поселениях Долинском, Борисовском и на стоянке Бочаров Ручей, т. е. в местах, относимых достоверно, а частью предположительно к разным стадиям раннекубанского времени и к переходу от него к среднекубанскому⁴. Кулбакебский наконечник стрелы отделан

¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... стр. 34, рис. 13.

² Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита Внутренней Картлии и Юго-Осетии, табл. III, 3.

³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 179, рис. 5, 9.

⁴ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, т. XII, 1950, стр. 171, 199.

очень примитивно. Е. Г. Пчелина усматривает причину этого в том, что для его изготовления выбран грубый кремь.

Два вкладыша от серпа найдены на пахотном поле, в 2—3 м от холма, два на самом холме. Зубья орудий заполированы о срезанную солому; у одного из вкладышей зубцы сделаны на обоих продольных краях и он напоминает небольшое пиловидное орудие. Сельскохозяйственный инвентарь представлен еще тремя фрагментами зернотерок, один из которых ладьевидный.

Интересны также находки на обширном юго-западном шлейфе холма, уже отмеченном в связи с находкой обсидианового наконечника. Здесь обнаружены: туфовое грузило со сверлиной, обсидиановые отщепы и в пункте, расположенном на полпути от Кулбакеби к площадке Междувражной, два обломка зернотерочных камней, один из них ладьевидный, несколько фрагментированных кремневых поделок, среди которых выделяется небольшой наконечник стрелы с ровным основанием и отломанным острием. Но самой яркой находкой можно считать краснокремневый треугольный тонко ретушированный наконечник стрелы с широким стерженьком для насадки (рис. 1—7). Сходные наконечники известны из неолитического поселения Тетрамица близ Кутаиси и экспонированы в Государственном музее Грузии.

Богата и выразительна подъемная керамика с Кулбакеби, ранние образцы которой восходят к энеолиту. К энеолиту или древнебронзовой эпохе следует отнести круглопроемную ручку над менисковидным углублением, фрагменты сосудов с плечевым уступом, с хорошим чернолощеным покрытием и красной подкладкой, с ангобированной поверхностью. Более поздняя керамика собрана в большом количестве; по обработке и орнаменту она тождественна керамике из соседней Нацаргоры¹. Нетрудно отобрать группу черепков с резным, рельефным и штампованным орнаментом нацаргорийского типа: обломки доньшек с косорубчатой декорировкой края того же характера, что и у сосуда из погребения № 1 на Скорпионовом склоне, черепки, украшенные глубоким клиновидным штампом, черные черепки с лощено-желобчатой отделкой поверхности, фрагменты с рельефным орнаментом — шнуровидным и в виде волнообразных тяжей, двушная ручка и пр.

Летом 1950 г. при выемке глины у кладбища Эгудрис Гверда был разрушен новый участок с культурными отложениями, относящимися к энеолитическому времени. При этом, видимо, погибло много ценного. Среди обрушенной глины удалось собрать немного: фрагментированную очажную подковообразную подставку (рис. 1—8), черепки от нескольких сосудов, полушарную ручку, кусок зернотерки.

Характерная для энеолита подковообразная очажная подставка впервые обнаружена на территории Грузии, к северу от г. Куры. Судя по найденной, состоящей из двух обломков половине ее, она имеет в верхней части у концов два возвышения и еще два в средней части. В центре боковых широких сторон вырезано круглое горизонтальное отверстие.

Основой для датировки собранного подъемного материала является керамика. Отражая местное мастерство и художественные традиции, керамика энеолитической и бронзовой эпох дает возможность проследить общие для ряда пунктов обширной территории Закавказья технические приемы, формы, орнаментальные мотивы.

Б. А. Куфтин, исследуя триалетские древнебронзовые керамические комплексы, выделил по формально-техническим признакам особую группу южнокавказской керамики с розовой подкладкой. Раскопки в Имеретии (Сачхери), по заключению Б. А. Куфтина, выявили «удивительные совпа-

¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... табл. XLV, 4, 5; XLVII, 3—10; XLVIII, 6.

дения в керамическом производстве в бассейнах верхней Квирилы и р. Храми в эпоху, предшествующую расцвету триалетского культурного очага средней бронзы»¹. Это позволило исследователю безоговорочно включить и Сачхерский древнебронзовый керамический комплекс в ту же группу южнокавказской керамики с розовой подкладкой. Нам представляется возможным отнести наиболее ранние образцы собранной керамики к этой же группе и датировать ее поздним энеолитом и древней бронзой, т. е. предположительно концом III и началом II тысячелетия до н. э. Имеется в виду часть описанной керамики из сборов на северном и южном берегах Осприсского оврага, на Кулбакеби и в районе выемки глины на Згудрис Гверда. Медный топор и кинжал, относящиеся по своим специфическим формам к ранним этапам развития металлургии, а также некоторые каменные орудия (наконечники стрел архаического типа и обломки ладьевидных зернотерок) подтверждают эту датировку.

Инвентарь из погребений № 1 и 2 и остальной подъемный материал, который в значительной мере увязывается с предметами из Нацаргоры, может быть датирован более поздними этапами эпохи бронзы и ранним периодом железа.

Находки древних земледельческих орудий (вкладышей от серпов, зернотерочных камней) и глиняной статуэтки барана на Кулбакеби вполне определенно документируют предгорную скотоводческо-земледельческую культуру местного населения того времени. Безусловно, не последнюю роль в этом, в древности и до самого последнего времени лесном районе играла и охота.

Полученные во всех разведанных пунктах материалы с учетом еще двух замечательных находок — находки в местности Молозан, 2 км севернее Осприси, архаического медного наконечника копья с 4-гранным шипом в основании (рис. 1—9) и двух погребений среднебронзовой эпохи, выявленных на территории сел. Осприси при проведении Ванатского канала, — убедительно показывают, что, не выходя за пределы самого узкого района, можно проследить памятники, относящиеся к различным эпохам, от энеолита до урартского времени, т. е. к периоду протяженностью свыше полутора тысяч лет.

¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года... стр. 75.

О. М. ДЖАПАРИДЗЕ

КВАСАТАЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮГО-ОСЕТИИ

Институт истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР на протяжении ряда лет вел систематические археологические раскопки в Юго-Осетии на холме Нацаргора близ города Сталинири¹. С 1945 г. систематические археологические работы в Юго-Осетии производил Б. А. Куфтин, но, к сожалению, результаты его раскопок до сих пор не опубликованы.

В последние годы археологические исследования ведет Юго-Осетинский научно-исследовательский институт. Бывшая сотрудница института Е. Г. Пчелина провела большую работу по выявлению и учету археологических памятников этого района.

В 1951 г. Институт истории им. И. А. Джавахишвили возобновил работы в Юго-Осетии. В 1952 г. Юго-Осетинская археологическая экспедиция, как и в предыдущем году, работала совместно с Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом. Экспедиция состояла из двух отрядов. Целью одного отряда было выявление памятников каменного века на территории Шида Картли (руководитель А. Н. Каландадзе), другого — выявление и изучение памятников эпохи бронзы. Второй отряд производил раскопки в сел. Квасатали (Сталинирский район), в 7—8 км от города Сталинири², где несколько лет назад во время земляных работ колхозники обнаружили бронзовые предметы, сданные после в Юго-Осетинский музей. Место находок было обследовано руководителем работавшей тогда в Юго-Осетии археологической экспедиции Института истории им. И. А. Джавахишвили — Г. Ф. Гобеджишвили, который вскрыл одно погребение.

Могильник, судя по большому числу случайных находок в этой местности, занимает довольно обширную территорию. Нами вскрыто восемь погребений, из них три — коллективные, остальные — одиночные. Из коллективных погребений одно оказалось ограбленным (№ 4). Территория могильника давно распахивается, поэтому часть погребений значительно повреждена.

Коллективные могилы засыпались большими валунами. В погребении № 1, повидимому, было пять костяков, в погребении № 8 — девять. Относительно погребального обряда трудно что-либо сказать, так как в резуль-

¹ Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацаргора близ Сталинири. Мимомхилвели, т. II, Тбилиси, 1951, стр. 239 (на груз. языке).

² В работе отряда принимали участие О. Джапаридзе, О. Бедукадзе-Кирова, студенты Тбилисского государственного университета им. И. В. Сталина и Тбилисского педагогического ин-та им. А. С. Пушкина.

тате обвала каменной насыпи захоронение сильно повреждено. Ориентировка неустойчивая. Костяки лежали непосредственно друг на друге. По-видимому, захоронения производились здесь в разное время. Можно полагать, что могильные ямы закрывались бревенчатым накатом, который потом засыпался валунами. Постепенно деревянное перекрытие гнило, каменная насыпь обваливалась и яма сплошь заполнялась валунами, под тяжестью которых разрушалось все, что лежало на ее дне: костяки были сильно повреждены, вся глиняная посуда побита.

В коллективных могилах попадались кости крупного и мелкого рогатого скота. Кости крупного рогатого скота в основном лежали в центре погребения. Черепа животных не обнаружены. Почти во всех частях погребений найдены астрагалы (альчики) крупного и мелкого рогатого скота. Инвентарь коллективных погребений состоит из бронзового оружия и украшений, гишеровых и сердоликовых бус, обсидиановых наконечников стрел, изделий из сурьмы (бусы, подвески и пр.). Помимо этого, в каждом погребении было около десяти глиняных сосудов.

Оружие коллективных погребений состоит из наконечников копий, клинков кинжалов и обсидиановых наконечников стрел. В погребении № 8 обнаружено три кинжала, в погребении № 1 — пять, причем все разных форм (рис. 2—1—5). Особый интерес вызывают два сравнительно больших кинжала. Один с длинным стержнем-черенком с отверстием на его конце, другой с коротким черенком, но с тремя отверстиями — одним на конце стержня-черенка и по одному отверстию на плечиках (рис. 2—1). Последний кинжал имеет некоторое сходство с бронзовым кинжалом из триалетских курганов эпохи средней бронзы¹. Остальные три кинжала — меньших размеров.

Кинжалы из погребения № 1 являются более развитыми по сравнению с кинжалами из погребения № 8 (рис. 2—10, 11, 12). Обнаруженные здесь три кинжала однотипны: плоские, с черенком с одним отверстием. Они почти совсем не отличаются от клинков, найденных Е. Г. Пчелиной и А. П. Смирновым в сел. Нули². Один из них (рис. 2—10) достигает всего лишь 7,8 см длины и по форме и размеру приближается к клинкам эпохи бронзы из Диди Ахалсопели, Триалети, Самтавро и др.³

Помимо кинжальных клинков, в коллективных погребениях обнаружены наконечники копий и дротиков. В погребении № 1 их было четыре (рис. 2—6—9), в погребении № 8 — восемь. Почти все наконечники из погребения № 1 отличаются изящной формой, но особенно выделяются два с открытой втулкой (рис. 2—6, 7). Найденные наконечники копий близки известному триалетскому наконечнику копья, а также абсолютно такому же из Кировакана⁴. Такой же наконечник копья обнаружен Е. И. Крупновым в одном погребении у с. Первомайского⁵.

Обсидиановые наконечники стрел из коллективных погребений все одного типа, с глубокой выемкой у основания. В погребении № 1 их было найдено около десяти, в погребении № 8 — четыре. Наконечники стрел этого типа хорошо известны в Закавказье, они встречены и в триалетских курганах эпохи средней бронзы и на более поздних памятниках.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. CV.

² См. Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 33, табл. XVIII.

³ Т. Н. Чубинишвили и О. М. Джапаридзе. Новый культурный очаг энеолита и бронзовой эпохи в Картали. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XV-B, 1949, стр. 29 (на груз. языке).

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 36, табл. CVI; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 47.

⁵ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 90.

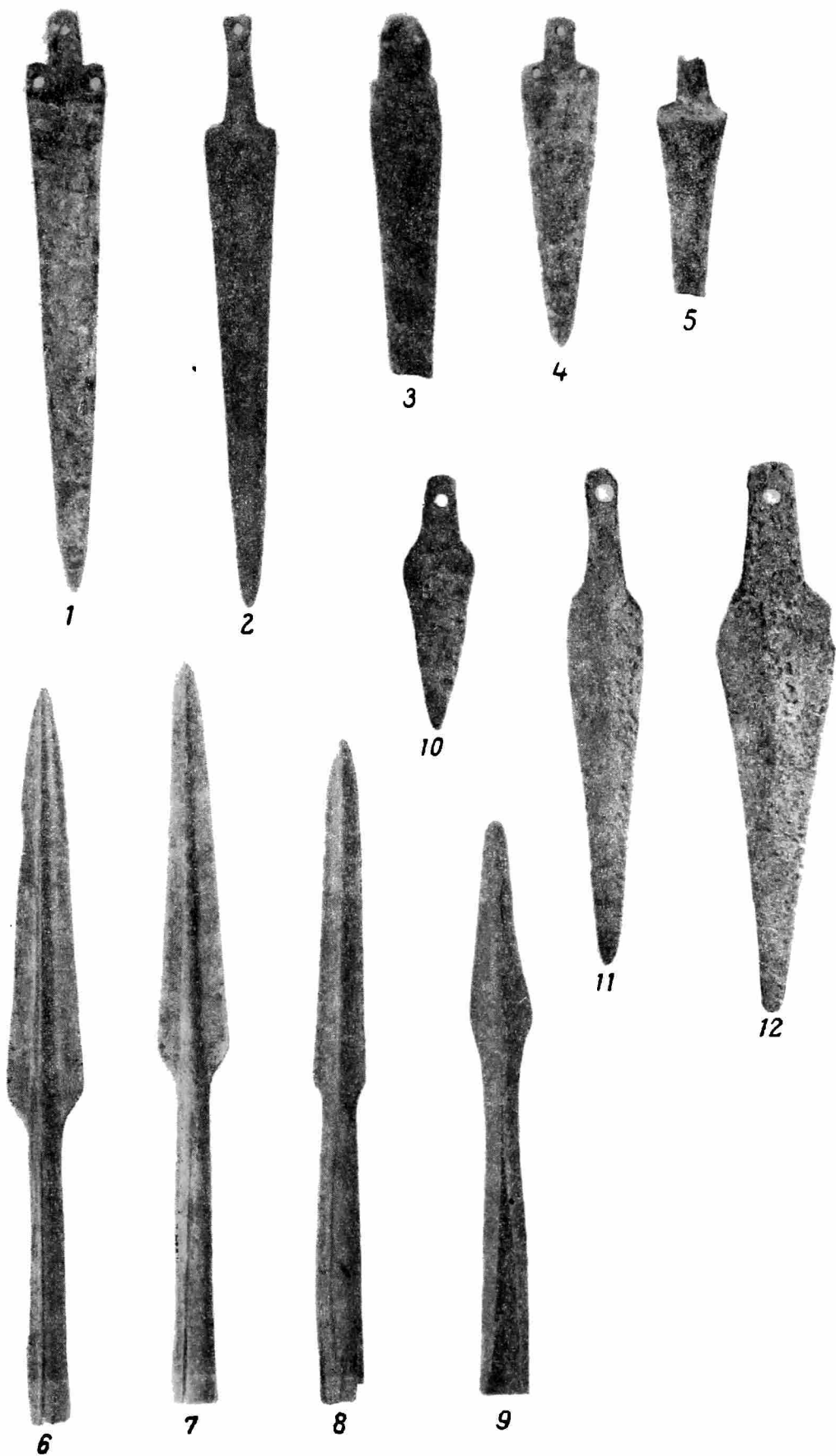

Рис. 2. Кинжалы 1—5, 10—12 и наконечники копий 6—9 из коллективных погребений:

1-9 — погребение № 1; 10, 11, 12 — погребение № 8.

В коллективных погребениях найдено много больших булавок с плоскими дискообразными головками и весловидных со свернутым концом. Булавки с дискообразными головками — разных размеров (рис. 3—4). На головке около стержня во всех случаях имеется отверстие. Аналогичные булавки известны из Брильского и Нульского могильников.

У весловидных булавок стержень сравнительно короткий, постепенно переходящий в плоскую длинную головку, которая заканчивается сверну-

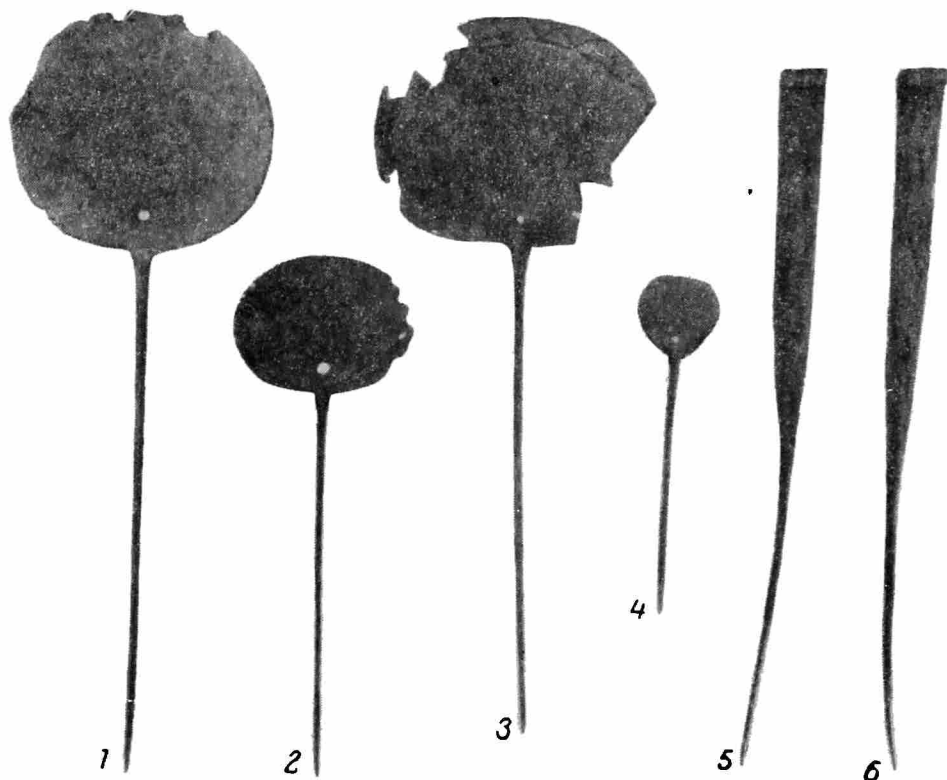

Рис. 3. Булавки из коллективных погребений:

1-4 — из погребения № 1; 5, 6 — из погребения № 8.

тым в спираль концом (рис. 3—5, 6). Подобные булавки нам известны только из нульских¹ и кобанских² погребений, хотя найденные нами все же несколько отличаются.

В коллективных погребениях были обнаружены также небольшие булавки двух типов: с пирамидальной и булавовидной головкой. Последние, как и в нульских погребениях, встречаются сравнительно редко; их найдено всего два экземпляра. Значительно чаще встречаются булавки с пирамидальной головкой. Они известны по материалам из нульских коллективных погребений³. Приближаются к найденным нами булавки из погребения № 2 сел. Гомны, хотя головки у них почти конусообразные⁴.

Следует отметить обнаруженные в квасатальских коллективных погребениях бронзовые височные кольца из тонкого бронзового листа. В погребении № 1 их было шесть. Височные кольца этого типа в большом количестве обнаружены Е. Г. Пчелиной и А. П. Смирновым в нульских коллек-

¹ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года..., стр. 34, табл. XVII, 3.

² МАК, т. 6, табл. XVI, 4.

³ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 31, табл. XVI, 1.

⁴ Г. К. Ниорадзе. Археологическая разведка в долине реки Куры. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIII-В. Тбилиси, 1944, стр. 206, табл. XII, 2, 5.

тивных погребениях, хотя исследователи ошибочно приняли их за браслеты¹. Здесь же нужно указать, как уже отмечалось в специальной литературе, что эти височные подвески приближаются к золотым кольцам из погребений царицы Шубад в Уре, относящимся к III тысячелетию до н. э.² Ясно, что для наших подвесок нельзя принять такую древнюю дату.

На основании изучения триалетского материала известно, что шумерские формы бытовали до эпохи средней бронзы³. Интересно, что такие височные кольца, кроме как из нульских и квасатальских погребений, у нас пока не известны. В последующую эпоху они уже не встречаются. Зато этот тип подвесок хорошо известен на Северном Кавказе по материалам каякентско-хорочоевской культуры. Еще в 1898 г. они были обнаружены В. И. Долбежевым в Каякенте⁴. Сейчас эти подвески известны и по другим памятникам, относящимся к этой культуре⁵. По мнению исследователей, эта культура одновременна кобанской⁶. Следует отметить, что каякентско-хорочоевская культура находится в тесной связи с культурой Центрального и Восточного Закавказья⁷.

Бронзовые браслеты из коллективных погребений почти все с разомкнутыми концами, разного сечения. В погребении № 1 их найдено пять, в погребении № 8 — семь. Помимо браслетов, обнаружено и несколько бронзовых колец.

В погребении № 1 найдена одна целая и несколько обломков подвесок, которые являются очень стилизованным изображением бараньей головы.

В квасатальских коллективных погребениях встречается много сердоликовых и гишеровых бус. Особенно много гишеровых в погребении № 8 (около трехсот). Все они одного типа — плоские, круглые с ребром посередине.

Сердоликовых бус значительно меньше (в погребении № 1 их 25, в погребении № 8 — одна). Бусы — разных размеров, в основном двух форм: круглые и продолговатые, сравнительно хорошо обработанные. Помимо бус, обнаружены и раковины. В погребении № 1 найден просверленный зуб животного.

Особый интерес представляют найденные в погребении № 8 сурьмяные украшения: бусы разных форм и размеров и круглые бляшки, в виде пуговиц с ушком сзади. Плоские бляшки снаружи украшены четырьмя спиральями, сзади имеют по четыре ушка. Подобные сурьмяные подвески нам не известны.

Изделия из сурьмы в Закавказье, повидимому, появляются очень рано. Они известны уже в древнейших грунтовых погребениях Брильского могильника в большом количестве и особенно широко распространяются в эпоху поздней бронзы.

Глиняная посуда в коллективных погребениях была расположена в разных местах. В могиле № 1 найдено в обломках восемь сосудов, в № 8 — девять. Большая часть сосудов черного цвета, лишь два из них — красноватого. Черные сосуды по форме, орнаменту и ряду других признаков близки к керамике из триалетских курганов. Единственный целый сосуд

¹ Е. Г. Пчелина и А. П. Смирнов. Дневник археологических раскопок, произведенных близ с. Нули Авлевского сельсовета в Юго-Осетии, на правом берегу реки Пронь. Изв. Юго-Осетинского НИИ краеведения, вып. I, Сталинири, 1933, стр. 232—337.

² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 34, табл. 13.

³ Там же, стр. 35.

⁴ ОАК за 1898 г. Извлечение из отчета о раскопках В. И. Долбежева в 1898 г., стр. 143, 148, 149, 156, рис. 16.

⁵ А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия историч. наук, вып. 13, 1949, стр. 120, 122.

⁶ Там же, стр. 127.

⁷ Там же, стр. 124.

из погребения № 1 по форме очень близок серебряной чашечке из триалетского кургана № 15¹. Это еще раз подтверждает, что инвентарь квасатальских коллективных погребений имеет много общего с инвентарем триалетских курганов эпохи средней бронзы. Следовательно, изучаемые нами коллективные погребения предварительно можно отнести также к эпохе средней бронзы.

В Квасатальском могильнике были обнаружены и одиночные погребения. Два из них найдены поблизости от захоронения № 8.

Погребение № 5. Покойник лежал в могильной яме на правом боку, ноги сильно согнуты, руки находились около черепа; ориентировка костяка с севера на юг. Около черепа обнаружены четыре булавки, из них три с грибовидными головками, одна с пирамидальной. Здесь найдены: бронзовое колечко, сердоликовые бусы, четырехгранная подвеска и два разомкнутых браслета. По характеру инвентаря это погребение приближается к описанным выше коллективным. Булавка с пирамидальной головкой совершенно не отличается от булавок из коллективных погребений. Близки также и сердоликовые бусы и браслеты. Что касается булавок с грибовидными головками, то они хорошо известны в нульских погребениях². Такая же булавка, серебряная, найдена в одном из триалетских курганов.

Погребение № 6. Покойник был положен в могильной яме на правом боку, ноги сильно согнуты, правая рука лежала над головой, левая перед лицом. Ориентировка ЮВ—СЗ. Возле черепа найдены кости головы и ног крупного рогатого животного, поблизости лежал череп мелкого рогатого животного. Кости крупного рогатого животного лежали также на блюде, стоявшем в одном из углов ямы. Около черепа найдены две булавы — каменная и бронзовая (рис. 4—1, 2). Кроме того, в могиле обнаружены два разомкнутых браслета (рис. 4—3, 4), плоский клинок кинжала (рис. 4—5), сердоликовая и бронзовая бочкообразная бусины (рис. 4—6) и шесть глиняных сосудов.

Эти погребения очень близки по инвентарю к коллективным и относятся, несомненно, к тому же периоду; остальные три — к более позднему времени.

Погребение № 2. Костяк лежал в могильной яме на боку, ноги сильно согнуты, голова обращена на восток. Около черепа обнаружено несколько костей мелкого рогатого скота. В погребении найдены: бронзовый наконечник дротика с разомкнутой втулкой, булавка с согнутой в спираль головкой и три сильно поврежденных глиняных сосуда.

Погребение № 3. Покойник лежал в могильной яме, в сильно скорченном положении, головой на север. В погребении обнаружены 14 рубленых сердоликовых бус разных размеров, глиняный сосуд, миска и обломки маслбойки.

Погребения № 2 и 3 по инвентарю отличаются от остальных, рассмотренных выше.

Бронзовый наконечник дротика из погребения № 2 очень близок дротикам из самтавских древнейших грунтовых погребений. Для этих же погребений характерны булавки с закругленной в спираль головкой, рубленые сердоликовые бусы и др. Но особенное сходство с древнейшими грунтовыми погребениями замечается в керамических изделиях. Найденная здесь глиняная посуда почти не отличается от самтавской. Исходя из этого, предполагаем, что погребения № 2 и 3 относятся к тому же периоду, что и древнейшие грунтовые погребения Самтавра, датирующиеся ранней ступенью позднебронзового века³.

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Табл. СII.

² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 31, табл. XVII, 1.

³ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтавского могильника. КСИИМК, вып. XLVI, стр. 54—61.

Погребение № 7. Друг на друге на правом боку лежали два костяка. Ноги их были сильно согнуты, ориентировка — ЮВ—СЗ. В погребении найдены: пламевидный кинжальный клинок (рис. 4—7), два височных

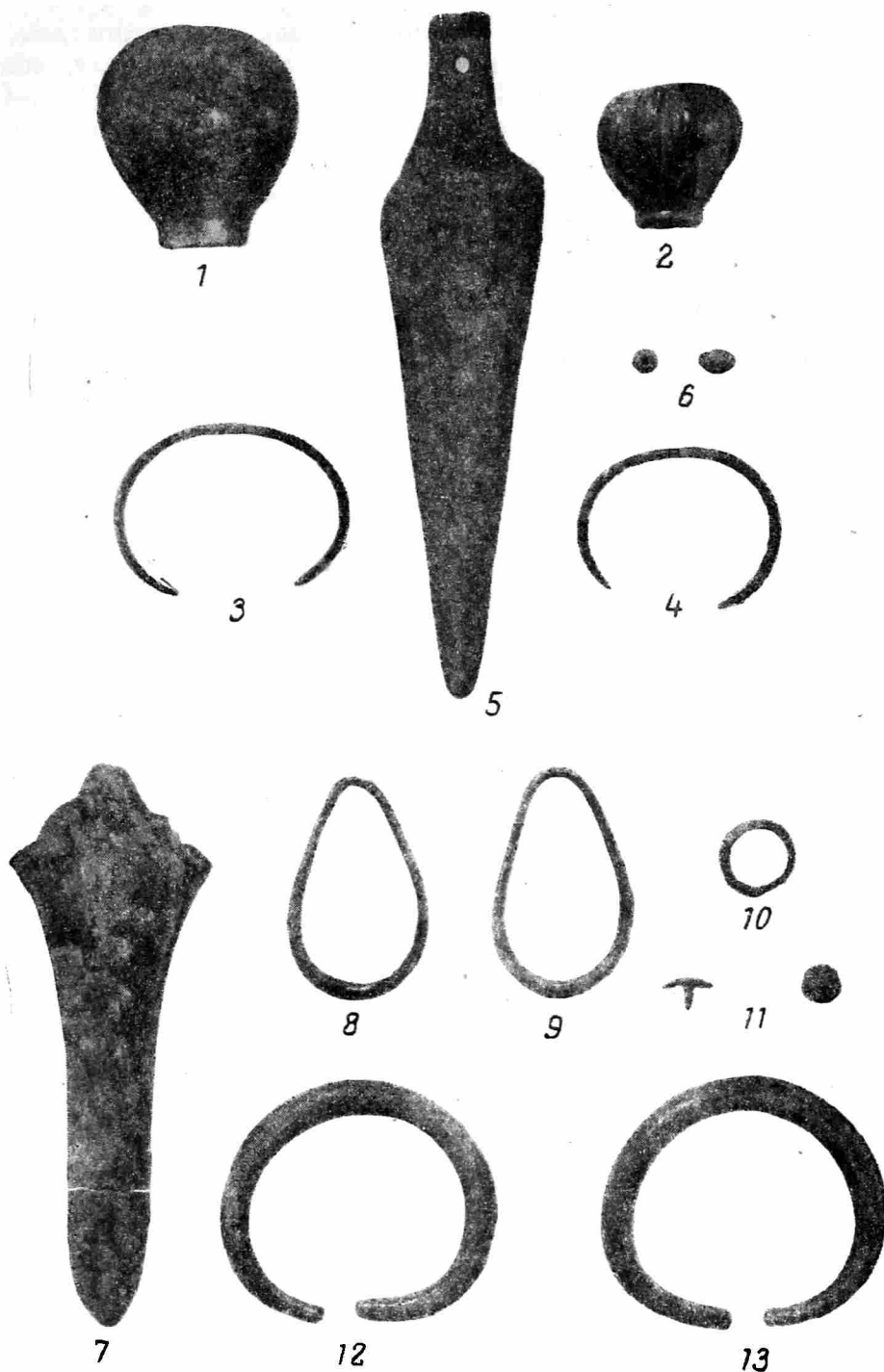

Рис. 4. Вещи из погребений:

1-6 — из погребения № 6; 7-13 — из погребения № 7.

кольца, овално свернутые в полтора оборота (рис. 4—8, 9), два разомкнутых браслета (рис. 4—12, 13), кольцо, обломок булавки, бронзовая пуговица и два поломанных глиняных сосуда. Найденные в этом погребении бронзовые височные кольца сравнительно архаичного типа¹. Мы их нахо-

¹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 48; Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 88.

дим в абхазских дольменах¹. Хорошо известны эти кольца и в более позднее время. По форме встреченные нами височные кольца особенно близко стоят к кольцам, найденным Б. А. Куфтиным в 1947 г. в одном из погребений в Триалети².

Кинжал из погребения № 7 особенно близок двум кинжалам, найденным Е. Такайшвили в 1910 г. в Сачхере, а также кинжалу, обнаруженному нами в погребении № 1 Ожорского могильника (Юго-Осетия). По имеющимся материалам можно утверждать, что этот вариант пламевидных кинжальных клинков был распространен на ранней стадии позднебронзовой культуры. Повидимому, эта форма кинжалов особенно характерна для раннего этапа позднебронзового века северной части Шида Картли, которая объединяется с районом верхнего течения Квирильского бассейна в одну местную группу.

Эта группа значительно отличается от раннего этапа самтавской культуры. Ранние формы самтавской культуры в северной части Шида Картли были почти неизвестны. Квасатальские погребения вызывают интерес и с той точки зрения, что рядом с погребениями, характерными для местной культуры, были вскрыты могилы с инвентарем, типичным для древнейших грунтовых погребений Самтавского могильника. Это обстоятельство указывает на то, что уже на ранней стадии позднебронзовой эпохи была тесная связь с самтавской культурой.

¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949, стр. 268.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, табл. VIII, 13.

А. О. МНАЦАКАНЯН

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКОВ У СЕЛЕНИЯ АТАРБЕКЯН В АРМЯНСКОЙ ССР

Селение Атарбекян находится в 3 км на северо-запад от районного центра Ахта. Оно расположено на маленькой равнине между голыми высокими горами. Ниже селения течет горная река Раздан, берущая начало из оз. Севан и в Араратской долине впадающая в Аракс.

В 1952 г. археологическая экспедиция Исторического музея АН АрмССР обнаружила два небольших могильника¹, расположенных на левом и на правом берегу Раздана на расстоянии около 1 км друг от друга. Погребения — в каменных ящиках; кроме того, в могильниках имеются большие и маленькие кромлехи.

На левом берегу реки погребения были расположены у подножия горы в один ряд по прямой линии длиной 800 м. Некоторая часть могил потеряла внешние признаки, а на остальных сохранились надгробные камни. Семь погребений в каменных ящиках (из 13) и один кромлех (из пяти) оказались разграбленными в древности. На левобережном участке подверглись раскопкам два кромлеха и все погребения в каменных ящиках. Судя по археологическому материалу, каменные ящики относятся к VIII в. до н. э., а кромлехи, вероятно, к VI в. до н. э.

Правобережный могильник по структуре могил и погребальному инвентарю относится к другой культуре и к другому времени. В отличие от левобережного, погребения могильника на правом берегу Раздана расположены бессистемно и все полностью сохранили внешние признаки. В большинстве погребений были одиночные захоронения, лишь в редких случаях в одной могиле находилось по два-три костяка. Погребения сопровождались всегда незначительным числом предметов. Раскопки показали также, что преобладающим металлом является железо, бронза встречается редко.

При раскопках погребений правобережного могильника встречена своеобразная по типу керамика, ранее не известная в пределах Армении (рис. 5).

Другая часть посуды — это толстостенные, слабого обжига, изготовленные лепным способом сосуды, грубо отделанные. Многие из них по форме не отличаются от глиняной посуды средневековой Армении и даже от современной посуды, употребляющейся в некоторых районах АрмССР.

Есть сосуды без орнамента, есть украшенные грубыми штрихами.

Вообще вся керамика из погребений правобережного могильника своеобразна и некоторая часть ее не имеет аналогий среди керамики известных нам местных культур (если, конечно, считать случайным ее сходство с керамикой средневековой Армении).

¹ В работах экспедиции участвовали заведующий фотолaborаторией музея П. Григорян, студенты исторического факультета Ереванского государственного университета им. В. М. Молотова. Работу возглавлял А. Мнацаканян.

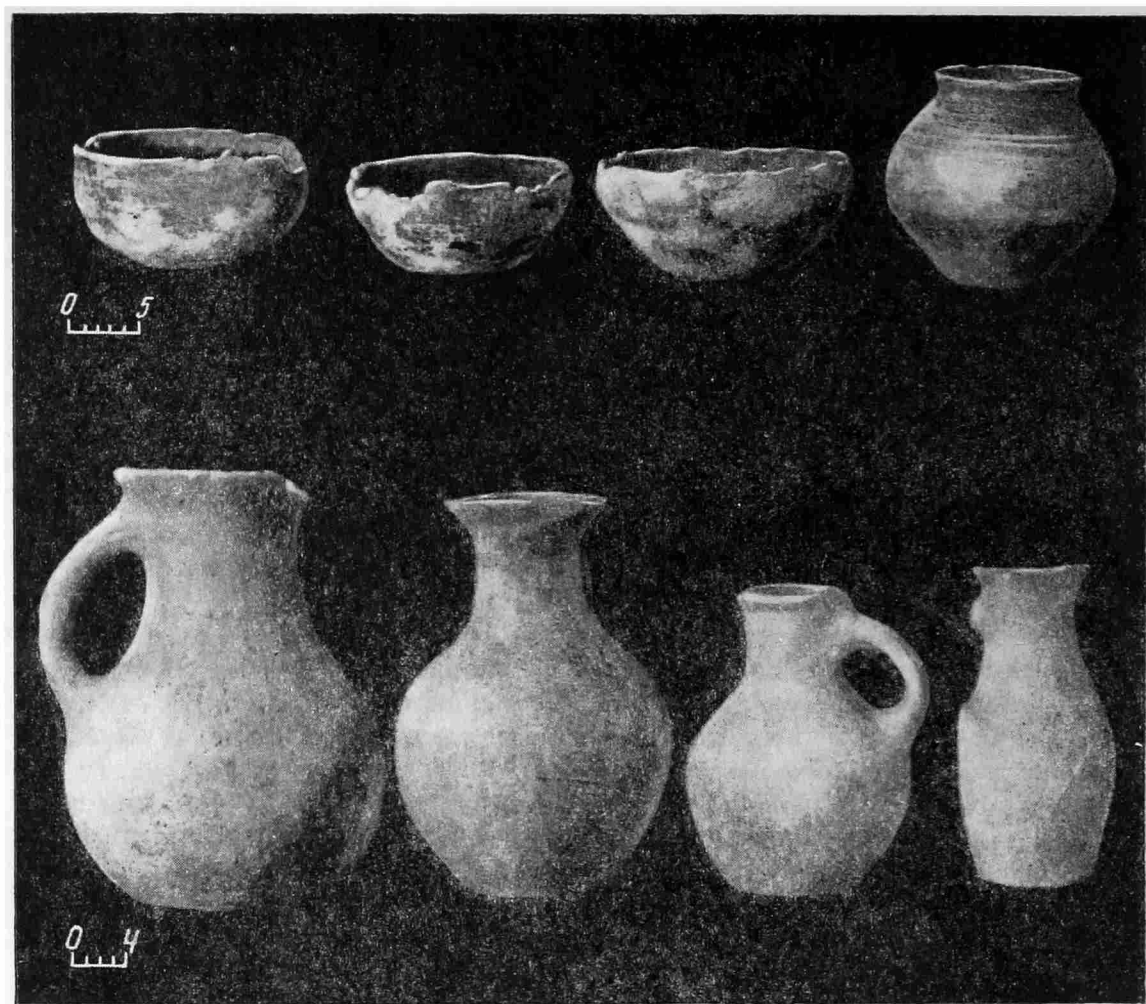

Рис. 5. Глиняные сосуды из погребений правобережного могильника у сел. Атарбежян.

Рис. 6. Глиняные сосуды из левобережного могильника у сел. Атарбежян.

Совершенно иную картину представляет керамика, собранная при раскопках левобережного могильника. Обнаруженная здесь, за исключением погребения №1, о котором речь будет ниже, глиняная посуда была изготовлена на гончарном круге. По внешнему виду она изящная, тонкостен-

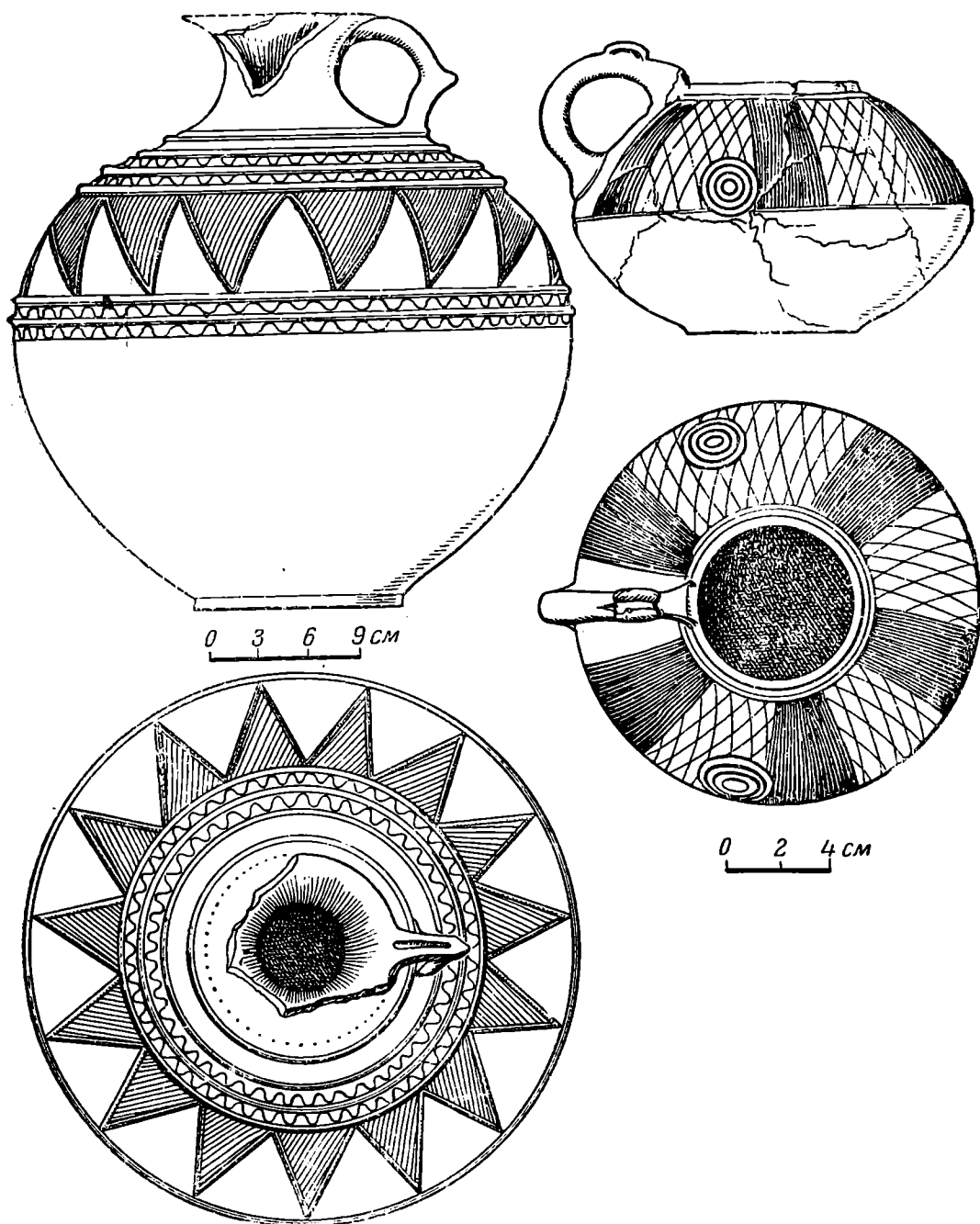

Рис. 7. Орнаментированные сосуды из кромлеха № 1 левобережного могильника у сел. Атарбежян.

ная, прекрасного обжига (рис. 6). Большая часть сосудов имеет лощеную поверхность и украшена линейным и волнистым орнаментом черного цвета. Эта посуда имеет определенную связь с керамикой других могильников Армении VII—VI вв. до н. э. (например, из раскопок в Головине, Кировакане, Нор-Баязете).

Наиболее богатым на левобережном могильнике было погребение № 1, где вместе с керамикой разнообразных форм найдены и другие предметы. Среди посуды из этого кромлеха можно назвать глубокие и неглубокие

тарелки, подойники, горшки с выпуклым туловом (с ушками и без ушек), кувшинчики.

Следует отметить некоторые особенности погребального обряда.

Обращает на себя внимание могила *II* правобережного могильника, где оказалось три скелета; погребенные лежали на левом боку, ноги и руки подогнуты. Два скелета находились один возле другого так близко, что их кости перемешались. Возле ног лежал третий скелет. Около его черепа обнаружен маленький кувшинчик, а в ногах — две маленькие тарелки, кувшинчик и сосуд вроде солонки. Металлических вещей и предметов украшений в погребении не было.

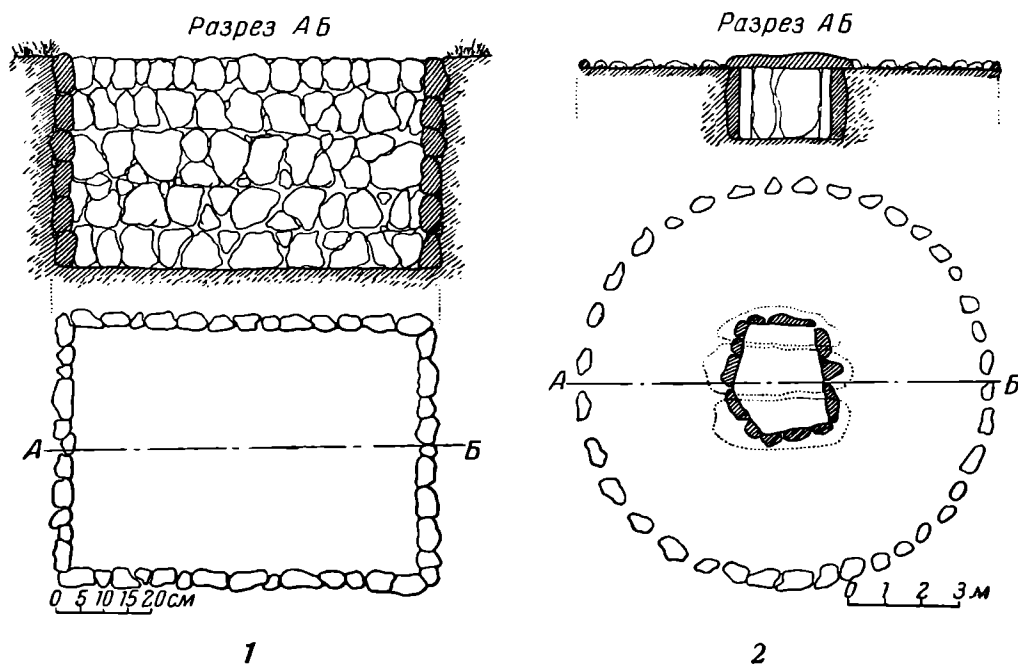

Рис. 8. Планы и разрезы погребальных сооружений левобережного могильника у сел. Атарбеян:

1 — погребение № 1; 2 — кромлех № 1.

В могиле *VI* были погребены два человека, один положен на левом боку головой на запад, другой — на правом боку головой на восток; у обоих ноги и руки подогнуты. Никаких предметов в могиле не оказалось.

На правом берегу, в погребении *IV*, костяк лежал на левом боку, руки и ноги также подогнуты. Возле черепа оказалось пять лепных маленьких горшочков с выпуклыми боками. Кроме того, в могиле найдены наконечник копья и железное кольцо.

Чрезвычайно интересной и наиболее богатой из всех могил левобережного могильника оказалась могила *I*, в которой обнаружены скелеты и черепа 23 человек. Считаю нужным дать более подробное описание этого погребения. Могила, ориентированная с востока на запад с небольшим отклонением к северо-западу, не имела каменного прикрытия. Стенки ее сложены из дикого камня, длинные стороны имели шесть рядов кладки, короткие — пять (рис. 8 — 1). В каждом углу — по одному базальтовому плоскому камню. У восточной короткой стены найдены три скелета: два мужских, один женский. Возле черепа среднего скелета обнаружена гемма из серой пасты с изображением двух скачущих навстречу друг другу оленей (рис. 9 — 2). Между костями пальцев женского скелета лежало железное кольцо; в области груди и шеи собрано много бус из разного материала; возле черепа — четыре серебряные серьги, восемь драконоголовых браслетов из

тонкой бронзовой проволоки и один плоский браслет со штриховыми украшениями.

В центре могилы, где не было остатков костей, найден железный наконечник копья с длинным и широким лезвием, в 15 см южнее — второй наконечник подобного типа, но с маленьким и коротким острием. Здесь же были встречены бронзовые трубки с рельефным орнаментом.

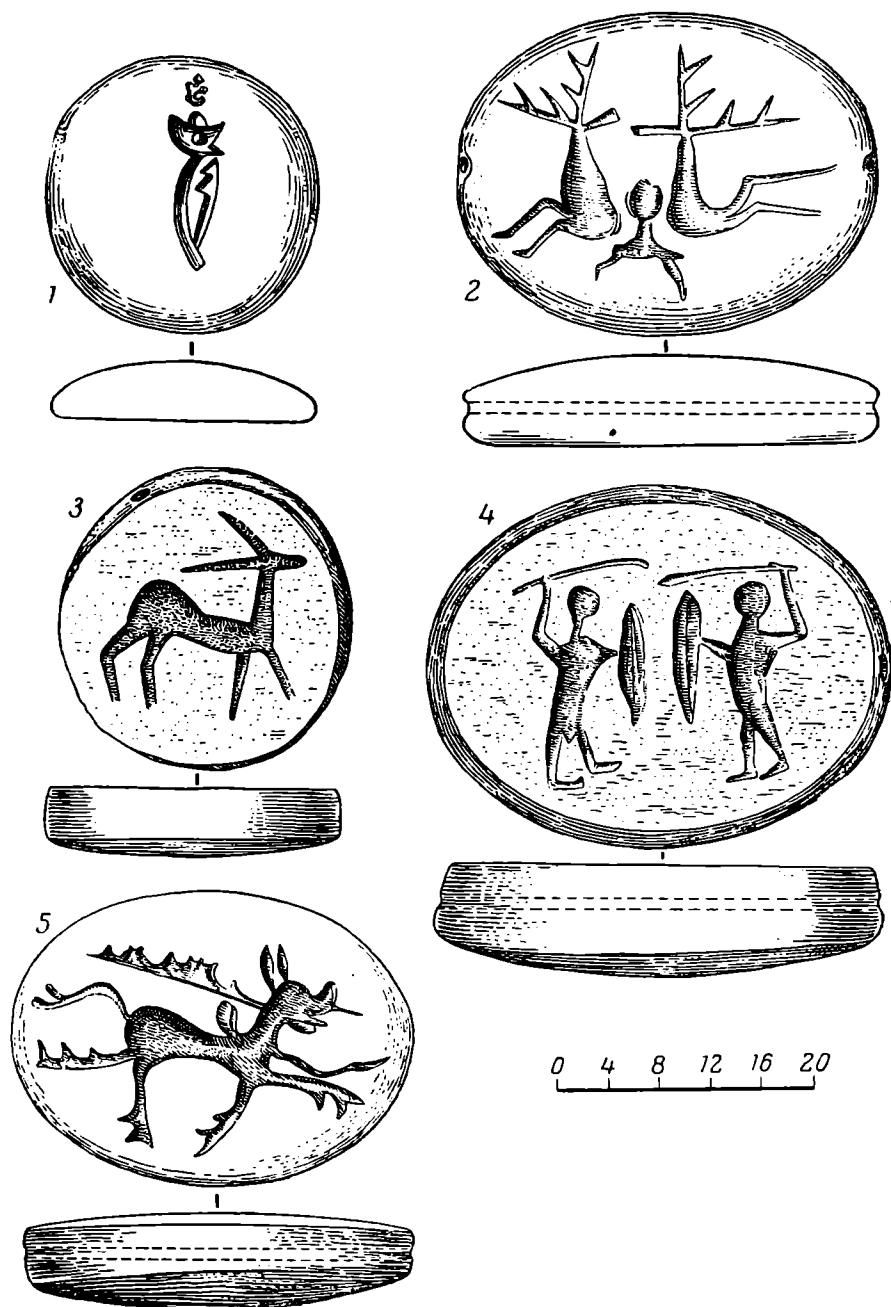

Рис. 9. Геммы из погребения № 1.

Однако керамики в этой могиле было сравнительно немного: несколько простых глиняных сосудов, самым интересным из которых является кувшин с одной ручкой, со штриховым орнаментом.

Между скелетами, лежавшими у восточной стенки, и остальными было 50 см свободного пространства, точно так же, как и во втором погребении могильника у Головина.

Остальные 20 скелетов, судя по находкам костей и черепов, располагались в следующем порядке. Вдоль северной стенки тремя правильными рядами лежало 14 костяков. При раскопках десять черепов найдены среди костей в разных частях могилы и только четыре черепа находились на своих местах в правильном анатомическом положении. Вдоль южной стены, вплотную к ней, лежали два костяка, а несколько дальше внутрь могилы — еще четыре скелета (с черепами), расположенные в ряд по прямой линии.

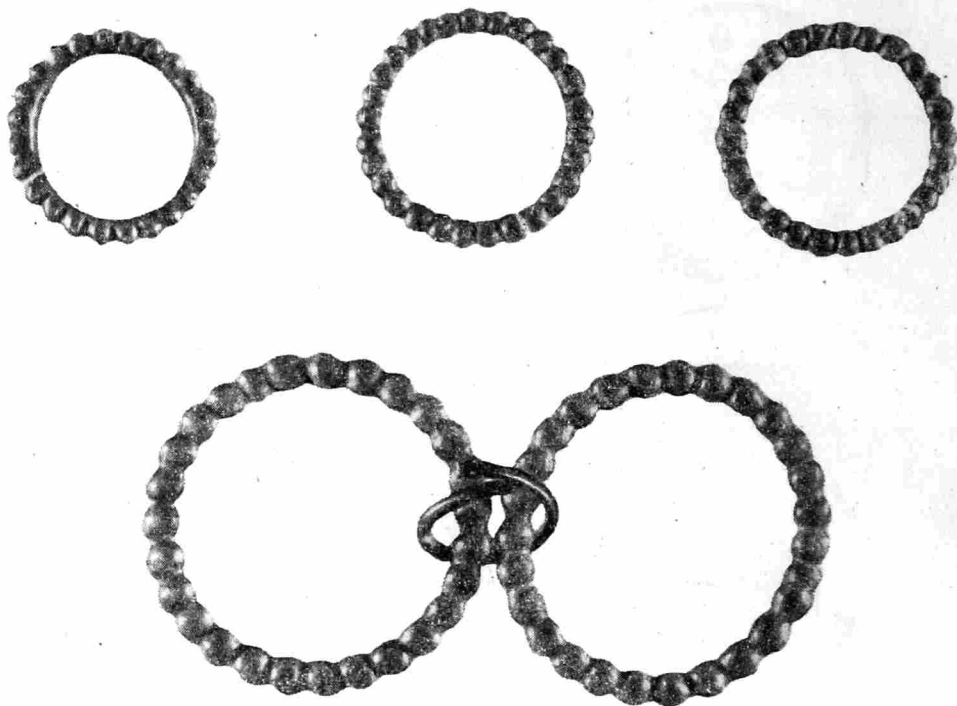

Рис. 10. Бронзовые кольца из погребения кромлеха № 1.

Таким образом, в могиле обнаружены скелеты 23 погребенных, из которых три, судя по их размещению, видимо, являлись так называемыми «могилотладельцами», а остальные, вероятно, их прислужники-рабы, располагались на корточках пятью рядами по всей длине могилы.

Из пяти кромлехов на левом берегу Раздана только в кромлехе № 2, который был в древности ограблен, не оказалось ни одного камня покрытия. Обломки керамики и костей в нем были перемешаны с землей. Сама могила похожа на маленькую комнату, она была покрыта огромными камнями (размером $3,8 \times 2,1 \times 0,6$ м); глубина ямы 2,6 м, длинные стенки ее сложены из четырех рядов камней, а короткие — из пяти рядов. Яма ориентирована с востока на запад. В ней, кроме мелких обломков посуды, никаких вещей не найдено.

Самым интересным оказался левобережный кромлех № 1; диаметр его доходил до 11,5 м. Могильная яма, ориентированная с востока на запад, находилась в центре круга. Ее покрывали три большие каменные плиты, из которых самая большая была длиной 3,2 м, шириной 1,7 м, а средняя толщина ее достигала 0,4 м. Из-за тяжести и величины каменных плит нам не сразу удалось сдвинуть их с места и начать раскопки. В могиле, полностью засыпанной землей, вдоль одной из стен находилось шесть костяков. В центре могилы было расставлено 17 глиняных сосудов различной формы, величины и назначения. Среди сосудов по красоте и изяществу формы выделяется кувшин с выпуклым корпусом (рис. 7 — 1). Несколько ниже ручек кувшин украшен параллельными волнистыми линиями. Такие же

линии нанесены и по средней части корпуса. Между ними расположено 15 заштрихованных треугольников. Такие кувшины были обнаружены в 1929 г. в Хртаноце при раскопках, организованных Комитетом по охране памятников, и в 1950 г. при работах, проведенных А. А. Мартиросяном. Подобные же кувшины найдены нами в 1952 г. во время раскопок могилы II в с. Головино. Обращает внимание одноручный кувшин без горлышка (рис. 7—2). Он изготовлен на гончарном круге и хорошо обожжен.

Рис. 11. Браслет с концами в виде змеиных головок (кромлех № 1).

От горловины до середины тулова спускаются пять черных лент, между которыми нанесены взаимно пересекающиеся линии, образующие сетку. Справа и слева от ручки, на участках, покрытых сеткой, дано по одному небольшому кругу, в который вписаны еще три концентрические окружности. Судя по внешнему виду и своеобразной форме, можно полагать, что сосуд изготовлен по особому заказу, а не для массового употребления. Этот кувшинчик — единственный в комплексе древней армянской керамики.

Из числа других найденных в погребении предметов следует отметить бронзовые, с незначительной примесью серебра кольца, составленные из отдельных шариков (рис. 10), разнообразные бусы и пуговицы. Интересны они не только по своей форме или способу употребления, но и по технике изготовления.

В этом же кромлехе найдены и золотые предметы, например украшение из тонкой золотой проволоки и очень тонкая пластинка со штриховым орнаментом. Очень интересен серебряный драконоголовый браслет, изготовленный с большим мастерством и представляющий один из лучших образцов искусства своего времени (рис. 11). Такой же браслет, но бронзовый, был найден при раскопках в ущелье Хртаноц у с. Головино.

Среди обнаруженного в могиле оружия обращает на себя внимание железный наконечник копья с широким лезвием.

Из всего сказанного следует, что могильник на левом берегу Раздана принадлежал местным племенам и имеет много общего с памятниками

Хртаноца, Кировакана, Артика, а также с другими могильниками Закавказья.

Судя по археологическому материалу, представляется возможным считать, что левобережный могильник (кроме могилы I) относится к VIII—VI вв. до н. э., тогда как могильник на правом берегу, судя по форме погребений, ориентировке и немногочисленным предметам, найденным в могилах, датируется IV в. до н. э. Левобережный могильник оставлен местными племенами, правобережный относится к иной культуре, но со значительными чертами, воспринятыми от местных культур.

В IV в. до н. э. завершался процесс образования армянской народности. В стране еще не прекратились беспокойные передвижения племен. Влияние культуры армян возрастало. На левом и на правом берегу Аракса были построены города Армавир, Ервандашат, Ервандакерт, Армянская династия Ервандидов¹ распространила свое господство не только над населением Араратской долины, но и над горными районами Армении.

Под владычеством Ервандидов находилась также территория современного сел. Атарбеяна, если иметь в виду, что оно находится возле Араратской долины. По сообщению М. Хоренского (V в.), воины Оронта (Ерванда) двинулись по берегам Раздана и овладели бассейном оз. Севан. Следовательно, можно полагать, что упомянутый могильник на правом берегу Раздана и первая могила на левом берегу возникли в период Ервандидов и принадлежали местным армянам.

¹ Основоположником последних был Ерванд (Оронт).

А. О. МНАЦАКАНЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕЛЕНИИ БАСАРГЕЧАР
АРМЯНСКОЙ ССР

В мае 1953 г. в 3 км на восток от сел. Басаргечар при земляных работах на опытном поле местного колхоза случайно открыто древнее погребение, относящееся к VI в. до н. э. Оно было наполовину разрушено, когда автор данной статьи по поручению Исторического музея АН АрмССР прибыл на место находки.

По сообщению старшего агронома опытного поля Левона Азатяна и работавших там рабочих, могильная яма была прикрыта двумя большими каменными плитами, одна из которых имела размеры $2 \times 1,6 \times 0,2$ м. В могиле вдоль стен располагались в ряд в сидячем положении пять скелетов. При скелетах найдено: восемь бронзовых браслетов и маленькие кольца, семь одноручных черного цвета глиняных сосудов, из которых сохранились три, много агатовых бус (нами собрано 22 шт.), два бронзовых орнаментированных пояса, сильно поломанных. Кроме того, из могилы были извлечены многочисленные обломки хорошо обработанных деревянных досок, некоторые из них с четырехугольными и круглыми отверстиями.

Так как значительная часть погребения еще сохранялась в нетронутом виде, мы произвели контрольные раскопки. Выяснилось, что погребение было совершено в грунтовой яме, имеющей в плане форму эллипса и ориентированной с северо-запада на юго-восток. Внутренние поверхности земляных стен могильной ямы хорошо сглажены; все стены побелены известковым раствором или, что более вероятно, местной белой глиной. Даже до настоящего времени во многих районах Армении внутренние стены жилых помещений, а иногда и наружные белят раствором белой глины. Сохранившаяся часть (примерно, половина) погребального сооружения достигала в длину 2,85 м, в ширину 1,85 м и в глубину 1,8 м.

В Армении сравнительно редко встречаются древние погребения в грунтовых ямах, но такой обычай захоронения все же известен. Так, например, в 1952 г. при строительстве дороги в селе Толорс Сисианского района (Зангезур) встречено подобное погребение с богатым сопровождающим инвентарем¹. Там обнаружены вместе с другими вещами очень красивая бронзовая фигурка оленя с ветвистыми рогами, ручка жезла из полудрагоценного камня, конусообразная агатовая брошка с изящной инкрустацией в виде пятиконечной звезды, различные по форме и орнаменту золотые украшения. Погребения в грунтовых ямах известны в Эчмиадзинском районе, в селе Кахси Ахтинского района, а также в Триалети Грузинской ССР и в других местах Закавказья. Некоторые исследователи считали, что эта группа памятников Армении связана с равнинными районами, где мало

¹ Подробнее о погребении в с. Толорс см. КСИИМК, вып. 54.

или вовсе нет камня для сооружения гробниц, но, судя по известным уже местонахождениям, погребения в грунтовых ямах производились и в горных ущельях, где камня сколько угодно (Кахси Талинского района). Земляные гробницы всегда бывают выкопаны до большей глубины, чем гробницы типа каменных ящиков.

В условиях Армении указанные грунтовые погребения, по нашему мнению, следует связывать не с трудностями нахождения камня, а с особым погребальным обрядом, характерным для определенного периода и отвечающим религиозным понятиям и обычаям определенных племен.

Все известные нам погребения подобного рода — всегда эллипсообразной формы и сопровождаются обильным и часто весьма богатым инвентарем.

В могиле у сел. Басаргечар было похоронено 11 человек, но сохранилось лишь шесть костяков, вскрытых при контрольных раскопках. В середине гробницы на специально подготовленном «ковчеге», сделанном в форме саней, лежал скелет основного погребения. Низ ковчеха состоял из досчатого щита, длиной 1,7 м, шириной 0,7 м, изготовленного из досок толщиной 3—6 см, шириной 15—20 см. Доски не были скреплены и между ними имелись зазоры в 5—10 см. С боков щита устроено ограждение в виде перил, состоящее из четырех стоек с каждой стороны (высотой 38—40 см), на которых укреплены бревна со специальными пазами для концов стоек (рис. 12)¹.

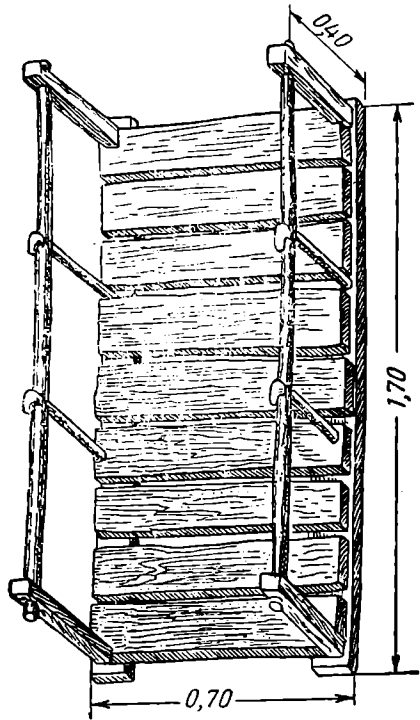

Рис. 12. Реконструкция «ковчеха» из грунтовой могилы у с. Басаргечар.

Погребенный лежал на левом боку, скорченно, ноги согнуты, одна рука тоже согнута, другая вытянута. На каждой руке было по два орнаментированных браслета. Около костяка встречены в большом количестве самые разнообразные бусы из сердолика, агата и полевого шпата, зубчатые плоские бусы из египетской пасты (4 шт.) и несколько бус из раковин. Вместе с бусами находились и перламутровые украшения. На некоторых предметах заметны следы тканей. Вероятнее всего, что все эти украшения, а также просверленный клык дикого кабана, найденный здесь же, были нашиты или другим способом закреплены на шерстяной одежде довольно тонкой выработки. Обрывок такой ткани обнаружен около основного погребения. Возле черепа найдено пять бронзовых трубочек. Кроме украшений, следует упомянуть обработанную часть рога с тремя отверстиями. В поперечнике рог имел форму прямоугольника; он являлся частью инструмента, при помощи которого сверлили разные предметы. В некоторых районах Закавказья до сих пор пользуются подобным инструментом при сверлении.

В восточной части гробницы обнаружены ноги барана и челюсти лошади (остальные кости черепа разрушены).

Сзади основного погребения находился скелет, с сильно разрушенным черепом; на костях рук было надето по одному браслету. Там же найдено кольцо, железный наконечник копья, сердоликовые бусы и глиняный горшок, орнаментированный прямыми горизонтальными линиями (рис. 13—3).

¹ «Ковчег» нами был реконструирован благодаря тому, что часть досок находилась на своих первоначальных местах.

В северо-восточной части гробницы были погребены еще три человека в сидячем положении (на корточках). Здесь собрано несколько бронзовых колец, железные наконечники копий и много сердоликовых бус. На костях рук обнаружено по два бронзовых браслета. При погребенных стояли четыре глиняных кувшина. Один из них был изготовлен на гончарном круге (рис. 13—2), три остальных — лепные. Один кувшин разбитый (рис. 13—5).

Рис. 13. Глиняные сосуды из грунтовой могилы в с. Басаргечар.

В ногах основного костяка находился еще один скелет, положение которого не удалось установить. При этом захоронении обнаружен железный кинжал в бронзовом футляре, своеобразного вида глиняный сосуд на четырех ножках (рис. 13—4), рядом с ним овальная глиняная крышка, очевидно от того же сосуда (рис. 13—6) и узкогорлый горшок с одной ручкой.

Как и в других гробницах, принадлежащих к группе коллективных погребений, инвентарь Басаргечарской гробницы был богатым.

В могиле собрано около 40 колец и браслетов, большая часть которых изготовлена из тонкой бронзовой проволоки без орнамента. Некоторые браслеты орнаментированы; есть и с замкнутыми концами и с разомкнутыми. В большинстве случаев они кованые, но встречались литые и витые.

Особое место занимают разнообразные по форме бусы и украшения из разноцветного сердолика, агата, полевого шпата, пасты и морских раковин. Бусы имеют шарообразную, плоскую и продолговатую форму. Всего собрано нами свыше 1100 бус.

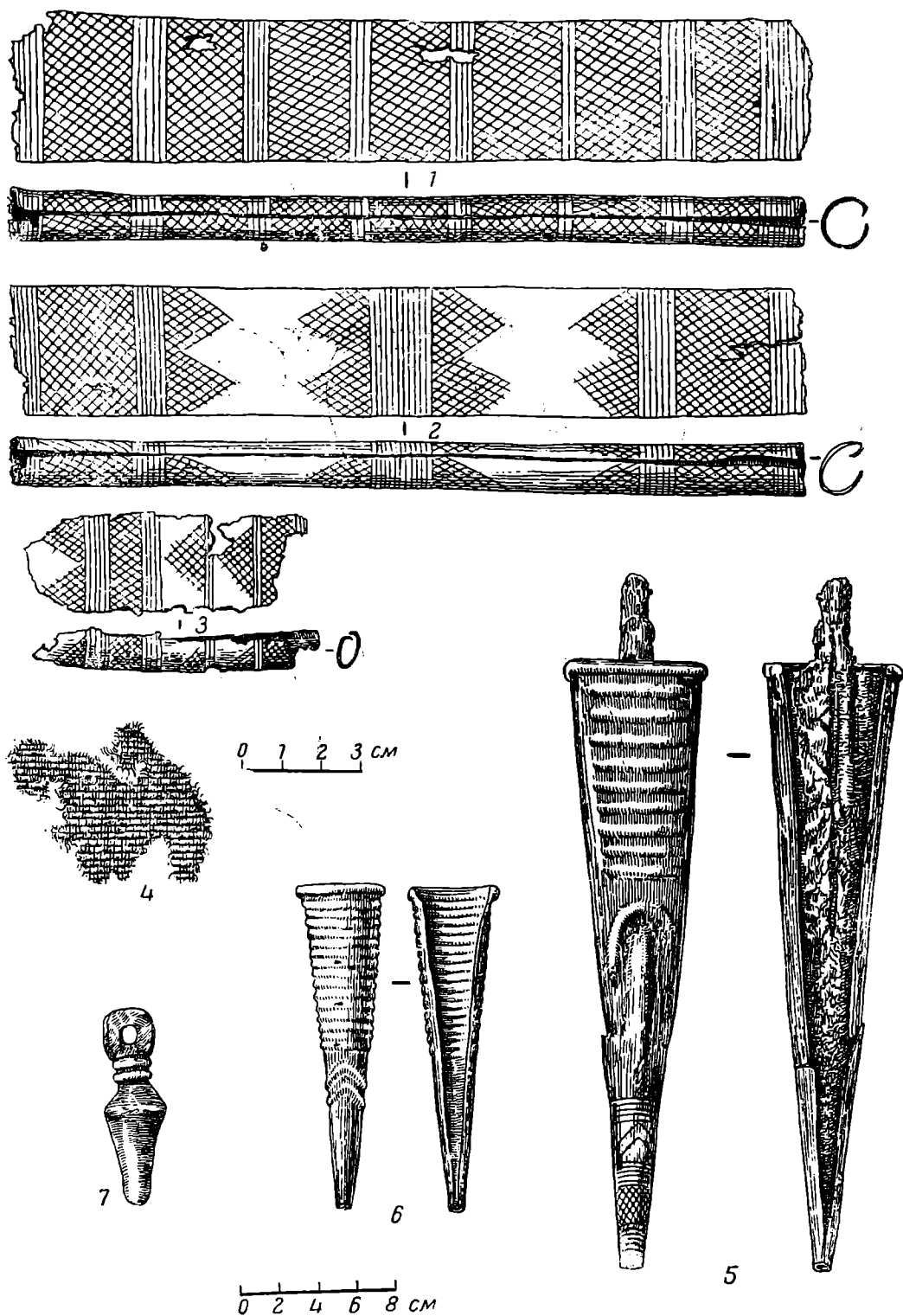

Рис. 14. Вещи из грунтовой могилы в с. Басаргечар.

1, 2, 3 — бронзовые трубочки; 4 — обрывок ткани; 5 — кинжал в ножнах; 6 — бронзовые ножи;
7 — подвеска.

Наибольшего внимания заслуживают бронзовые трубчатые украшения для волос. Две трубочки, сохранившиеся в целости, и обломки еще одной украшены резным орнаментом (рис. 14 — 1, 2, 3), две без украшений. Трубочки имеют одинаковые размеры (20,5 см длины и 1,3 см в диаметре).

Интересен железный кинжал в бронзовом футляре, длина его 32,5 см, ширина 6,5 см. В верхней части на футляре имеются девять продолговатых выпуклых полосок, а нижняя оконечность украшена резьбой. Лицевая сторона (половина) футляра была глухая, а обратная сторона его, вероятно, была покрыта кожей. С этой стороны футляра виден вложенный в него полуразрушенный железный кинжал (рис. 14 — 5). Такого же типа бронзо-

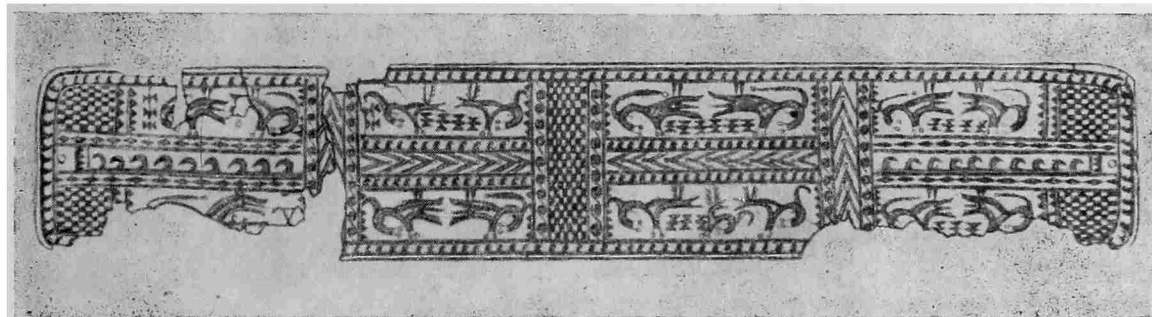

Рис. 15. Бронзовый пояс с орнаментом.

вый футляр, но меньших размеров (17 × 2,3 см), найден рабочими опытного поля (рис. 14 — 6). Остается невыясненным назначение предмета, имеющего форму отвеса (рис. 14 — 7).

Из всех предметов, найденных в Басаргечарском погребении, особенно привлекают внимание обломки бронзовых поясов. Поверхность одного из них была заполнена узорами в виде спиралей и шестилепестковых розеток. Кроме того, даны изображения копыта лошади и, вероятно, знак солнца. Судя по фрагментам другого пояса, он был покрыт ромбовидными спиральными и витыми узорами. Наибольшего внимания заслуживает орнаментация на обломках еще одного бронзового пояса, реставрированная художником музея Патриком Аракелом. Здесь сохранилось фрагментированное изображение лошади с птичьей головой и шеей и причудливыми ушами. Крайне интересен рисунок змеи, выползающей из рта лошади.

На поясах и глиняных сосудах Закавказья часто встречаются изображения змей, но они всегда даются отдельно. В данном случае лошадь копытом пытается убить извивающуюся змею. На этом обломке имеются три знака, значение которых пока не выяснено. Изображения животных, птиц и символа солнца есть и на других обломках поясов.

Бронзовые пояса выполняли разные функции. Они служили украшением, использовались как дополнительная броня, защищающая живот, и, наконец, пояс у древнейшего обитателя армянского нагорья имел магическое значение. По древним повериям подобный «талисман» защищал от зла и опасности, обеспечивал успех, приносил счастье¹.

В Закавказье неоднократно встречались пояса с изображением фантастических животных. Такие пояса найдены А. Ивановским при раскопках в Гетабеке², Б. А. Куфтиным в Триалети³, Ж. Морганом в ущелье реки Дебет (Ахтала и Мусиери)⁴.

¹ Х. Самуелян. Культура древней Армении. Т. II. Ереван, 1946, стр. 89.

² МАК, т. 6, табл. I, могила 36.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси, 1941, стр. 49, табл. XXV.

⁴ J. De Morgan. Mission scientifique du Caucase. Tome I, стр. 141, 162, 163, 164.

Подобные пояса найдены в Санаине, Нор-Баязете и в других местах АрмССР, а также на Северном Кавказе.

В 1935 г. из района Нор-Баязета (Севанский бассейн) в Исторический музей был доставлен бронзовый пояс, длиной 80 см, шириной 14 см, в нескольких местах поломанный. Вся поверхность пояса покрыта геометрически правильным орнаментом и фигурами причудливых животных. На головах пяти из них изображены разветвленные рога, а на головах одиннадцати других животных нарисовано по два клинообразных знака. По концам и в середине пояс украшен шахматным узором (рис. 15).

Судя по большому количеству инвентаря, специально устроенному ковчегу, форме и величине могилы и числу захороненных в ней, можно предполагать, что в Басаргечарской гробнице погребен влиятельный человек, занимавший очень важное место в обществе VI в. до н. э.

Н. В. АНФИМОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ПО СРЕДНЕМУ ПРИКУБАНЬЮ

В 1952—1953 гг. Краснодарским историко-краеведческим музеем продолжались работы по изучению археологических памятников меото-сарматской культуры Прикубанья. Работы носили в основном разведочный характер и в ряде случаев были связаны с охранными мероприятиями. Разведками было охвачено среднее течение Кубани, от Краснодара до станции Тбилисской, и левобережье Кубани восточнее Армавира (в пределах Успенского района). Правая терраса Кубани в ее среднем течении детально обследована в предшествующие годы¹, но два небольших участка, протяжением каждый в несколько километров, не были осмотрены. Первый из них — между хутором имени Ленина и станцией Старо-Корсунской и второй — восточнее станции Усть-Лабинской. В 1953 г. обследовался первый из указанных участков, где открыто несколько городищ и курганов. Кроме того, работы проводились на некоторых из ранее известных памятников.

Наиболее ранними памятниками, изучавшимися в 1952—1953 гг., являются могильники раннемеотского времени. Один из них обнаружен на хуторе Ново-Пеховском на левой террасе Кубани юго-восточнее станции Тбилисской. При добыче глины на южной окраине хутора было разрушено несколько погребений, сопровождавшихся глиняными сосудами, собранными учительницей тов. Возняк. В результате обследования выяснилось, что здесь расположен грунтовой могильник. Погребения находились на глубине 1—1,2 м. В одном из них обнаружена лепная чарка с высокой ручкой и с резным орнаментом в форме треугольников, идущих под венчиком; дно закруглено и имеет ямкообразное вдавление (рис. 16—1). Вместе с чаркой найден лепной горшок с биконическим туловом и с отогнутым наружу венчиком (рис. 16—2). Сосуды типичны для VI в. до н. э. Положение скелетов и ориентировку их выяснить не удалось. Мест древних поселений на территории, прилегающей к могильнику, не обнаружено.

Второй могильник открыт при строительных работах на территории станции Тбилисской, в западной ее части (ул. Саморядовская). Погребения встречались на глубине 1—1,5 м и сопровождались, как правило, одним или несколькими глиняными сосудами; в одной из могил найден железный меч очень плохой сохранности. Положение скелетов точно установить не удалось. Возможно, что часть костяков лежала в скорченном положении, так как, по словам рабочих, некоторые были обнаружены с подогнутыми

¹ М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних городищ и могильников Прикубанья. СА, т. IV, стр. 265 и сл.; Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.

ногами. Основную массу находок составляли глиняные сосуды: корчаги, одноручные кувшинчики, миски, горшки, чарки с высокой ручкой. Корчаги — довольно крупных размеров, грушевидной формы, с расширенным в средней части туловом, сужающимся к горлу и с отогнутым наружу венчиком. Наружная поверхность лощеная. К корчагам по форме примыкает горшок, имеющий биконическое тулово с отогнутым наружу венчиком, но значительно меньших размеров. Горшок этот совершенно аналогичен горшку из могильника у хутора Ново-Пеховского (рис. 16—2). Кроме того, найден небольшой банкообразный горшочек с ручкой в верхней части (рис. 16—3). Встречен также одноручный кувшинчик с расширенным в нижней части туловом, высоким горлом, расширяющимся кверху (рис. 16—4). Чарки снабжены высокой поднимающейся кверху ручкой, раздвоенной на конце в виде рогов; венчик слегка отогнут наружу, под ним на некоторых экземплярах идет резной орнамент. У одной чарки он состоит из заштрихованных треугольников, у другой — из двух горизонтальных линий, пространство между которыми зачерчено поперечными линиями, причем часть их идет косо, образуя неправильные треугольники (рис. 16—5). Дно у чарок закруглено, на нем заметно вдавление, которому соответствует внутри конусовидный выступ. Миска, найденная в могильнике, имеет прямые стенки, сужающиеся к плоскому дну, с горизонтальным выступом (налепом) у края (рис. 16—6). Все сосуды лепные и относятся к группе ранней чернолощеной керамики. Кроме глиняной посуды, было найдено бронзовое шило, квадратное в сечении, с заостренными концами (длина 17 см).

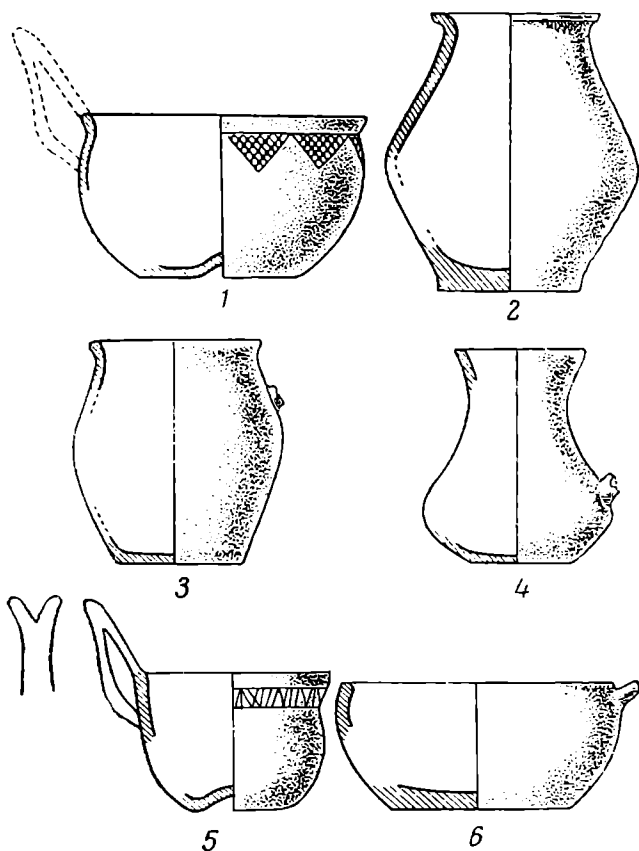

Рис. 16. Сосуды из могильников Прикубанья:
1, 2 — чарка и горшок из могильника хут. Ново-Пеховского; 3 — горшок; 4 — кувшинчик; 5 — чарка; 6 — миска из могильника № 2 станции Тбилисской.

16—6). Все сосуды лепные и относятся к группе ранней чернолощеной керамики. Кроме глиняной посуды, было найдено бронзовое шило, квадратное в сечении, с заостренными концами (длина 17 см).

Керамический материал из Ново-Пеховского и Тбилисского могильников совершенно однотипен и характерен для раннемеотского времени (конец VII—V в. до н. э.). Наиболее близкими являются Усть-Лабинские могильники (№ 2 и 4). Найденные в ранней группе погребений этих могильников сосуды совершенно аналогичны выше описанным¹. Здесь были встречены такие же чарки с высокой, раздвоенной на конце ручкой и с резным орнаментом, большие грушевидные сосуды (корчаги), миски с налепами, близкие по форме одноручные кувшинчики.

Из погребения № 96 1938 г. Усть-Лабинского могильника № 2 происходит небольшой банкообразный горшочек с ручкой², подобный найденному в Тбилисском могильнике (рис. 16—3).

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, стр. 158—162.

² Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 161, рис. 1, 13.

Чарки с высокой ручкой характерны для конца VII—VI в. до н. э.¹ и за пределы этого периода не выходят. На территории Краснодарского края они встречены в кургане № 22, станица Ладожская (1902 г.)², и в кургане № 30, станица Усть-Лабинская³; кроме того, ручки от подобных чарок найдены в Анапе (на городище Горгииппи) и в раскопанных И. И. Ахановым курганах на Толстом мысу в Геленджике. Последние несколько отличаются от кубанских тем, что раздвоенные концы их оформлены в виде цилиндриков и сама ручка несколько массивнее. Геленджикские курганы датируются в основном VII в. до н. э. Большие корчаги грушевидной формы, типичные для VI—V вв. до н. э., в грунтовых могильниках Прикубанья иногда встречаются еще в погребениях IV в. до н. э. (Пашковский могильник № 3)⁴.

Вновь обнаруженные могильники дают новые материалы, расширяющие наши представления о раннем этапе развития оседлого земледельческого населения Среднего Прикубанья.

К несколько более позднему времени (конец IV—начало III в. до н. э.) относится погребение, открытое на Краснодарском могильнике на территории учебного хозяйства Сельскохозяйственного института, за западной окраиной Краснодара на правом берегу Кубани. При рытье погреба на глубине 1,5 м обнаружено погребение. При скелете найдены: сероглиняный одноручный кувшин средней величины, такой же кувшинчик небольших размеров, горшок лепной из черной глины, амфора и бронзовый проволочный браслет. Все вещи, за исключением амфоры, не сохранились. Амфора — гераклеяская с энглифическим клеймом на горле. Клеймо плохой сохранности и прочтению не поддается. Сосуд относится к III типу гераклеяских амфор и датируется концом IV в. до н. э. Открытое погребение с несомненностью подтверждает наличие на этом месте грунтового могильника, о чем можно было ранее только предполагать на основании случайных находок в обрыве берега Кубани отдельных предметов (сероглиняного сосуда, гераклеяской амфоры, обломков фасосской амфоры). Мест древних поселений поблизости от могильника не обнаружено, очевидно имевшееся здесь ранее городище полностью уничтожено Кубанью, сильно подмывающей в этом месте правый берег.

К тому же времени относится случайно обнаруженное погребение на западной окраине станицы Васюринской на краю обрыва правого берега Кубани. Могила почти полностью уничтожена при добыче глины. При костяке находились: амфора, небольшой сероглиняный кувшинчик, такая же вазочка на высокой ножке и большой из черно-коричневой глины горшок с хорошо сглаженной наружной поверхностью⁵. Амфора относится к типу раннеэллинистических амфор, центр производства которых нам еще не известен. У нее сравнительно невысокое горло, с отогнутым наружу венчиком, овальные в сечении ручки, на одной из которых вдавленный кружок, конусообразной формы тулово, расширенное в плечах и сужающееся к цилиндрической, довольно массивной ножке с расширенным основанием, имеющим очень незначительное плоское вдавление. Глина светложелтая, грубая, со значительной примесью песка. Аналогичные амфоры встречены в ряде погребений Пашковского могильника № 3 и Краснодарского могильника на ул. Тельмана (быв. Почтовой). Они типичны для второй половины

¹ Б. Э. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 96.

² ОАК за 1902 г., стр. 75, рис. 160.

³ Там же, стр. 79.

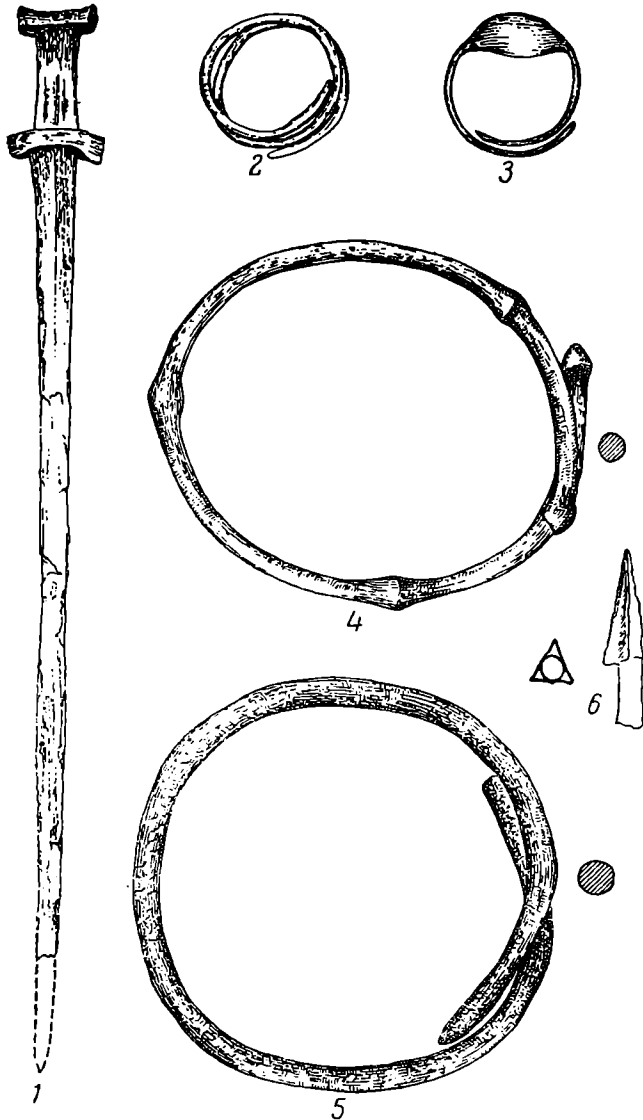
⁴ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 89; е го ж е. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 120, рис. 36, 4.

⁵ Сосуды были все разбиты, удалось собрать только фрагменты.

IV—начала III в. до н. э. В материалах Пашковского могильника № 3 находит себе аналогии и сероглиняная вазочка на высокой ножке.

Васюринское погребение по характеру инвентаря и типу местных сосудов наиболее близко погребениям конца IV—начала III в. до н. э. Пашковского могильника № 3 и должно быть датировано тем же временем.

Рассмотренные выше памятники относятся к оседлому земледельческому населению. Необходи-

можем отметить одно впускное курганное погребение, принадлежащее кочевнической части населения Прикубанья. Погребение открыто в большом кургане (высота около 6 м, диаметр 40 м) на левом берегу степной речки Бейсужок, на окраине станицы Кореновской. При земляных работах в насыпи кургана, на глубине 2,2 м, обнаружена впускная могила, перекрытая сверху досками. Из инвентаря сохранился большой железный меч и трехгранные втульчатые железные наконечники стрел, что указывает на погребение воина. В могиле найдены также кости овцы. Большой интерес представляет меч, относящийся к типу длинных мечей с серповидным навершием. От лезвия рукоятка отделяется прямым перекрестием с вогнутой нижней стороной (рис. 17—1). Наиболее близкий меч найден в погребении III в. до н. э. Елизаветинского могильника (№ 18, 1931 г., черепичная гробница). У него такое же слабо изогнутое небольшое навершие и пря-

Рис. 17. Вещи из могильников Прикубанья:

1 — железный меч из кургана у станицы Кореновской; 2-6 — височное кольцо и перстень, браслеты и наконечник стрелы из погребения могильника у аула Кургаковского.

мое перекрестие, наваренное из отдельной полосы железа. Длина елизаветинского меча несколько превышает метр (1,16 м), ширина лезвия у рукоятки 5 см, к концу лезвие сильно сужается.

Для территории Кубани мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием не характерны; они появляются здесь с III в. до н. э. Наиболее ранний из этой группы — меч из случайной находки, датирующийся крюком с изображением лежащего зверя (рубеж IV и III вв. до н. э.)¹.

¹ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 152.

В станице Псебайской в разграбленном кургане найден «железный меч с ручкой, совершенно аналогичной ручкам мечей или кинжалов Прохоровских и Красногорского погребений. И здесь мы видим серповидный набалдашник с шишечками на концах и почти прямую крестовину»¹. Из разграбленных кладоискателями погребений в станице Даховской происходят «три железных коротких меча; рукоятки мечей кончаются обращенною вверх дугою с шишечками на концах, т. е. имеют серповидное навершие и прямую крестовину»². Все перечисленные кубанские мечи отличаются от найденного в кургане у станицы Кореновской тем, что навершие у них сильнее изогнуто и у некоторых на концах его имеются шишечки. Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием характерны для савромато-сарматской (прохоровской) культуры Южного Урала и Нижнего Поволжья, датирующейся концом IV—II вв. до н. э.³ Далее на запад они известны на Маныче, где обнаружены при строительстве плотины на Манычском канале⁴ и при раскопках курганов в 1937 г. (курган № 3, погребение № 6)⁵. Во втором случае меч найден в погребении, относящемся к первой половине II в. до н. э.⁶

Появление на территории Кубани мечей с серповидным навершием необходимо, повидимому, связывать с продвижением к югу кочевых сарматских племен и, в частности, сираков, центр расселения которых, как указывает Страбон⁷, находился по р. Ахардею (Манычу). Вполне возможно, что впускное погребение в кургане близ станицы Кореновской является сиракским и должно быть датировано III—II вв. до н. э.

Кроме исследования погребений, проведено обследование участка правого берега Кубани восточнее Краснодара, между хутором им. Ленина и станицей Старо-Корсунской, где было обнаружено городище. Оно находится на расстоянии 1,5—2 км на восток от окраины хутора, на правой высокой береговой террасе Кубани. Городище почти полностью уничтожено Кубанью, сохранилась только северная часть поселения. В отвесных обрывах прослеживается слабо выраженный культурный слой и в отдельных местах конусовидные ямы, наполненные зольным слоем. Собраны фрагменты керамики: сероглиняных одноручных кувшинов, мисок с прямым бортиком, под острым углом переходящим в тулово и с несколько утолщенным венчиком, лепных горшков, один из которых украшен валиком с ямкообразными вдавлениями. Кроме того, найден обломок глиняной плитки с широким основанием. Собранный материал типичен для меото-сарматской культуры Прикубанья I—II вв. н. э. Близ городища расположено несколько довольно крупных курганов.

Помимо перечисленных выше работ, было проведено обследование левой террасы Кубани в Успенском районе. Левобережье, восточнее г. Армавира, до последнего времени в археологическом отношении почти не было исследовано. В 1941 г. автором настоящей статьи в с. Успенском и несколько восточнее его было обнаружено два городища. В 1951—1952 гг. по заданию Краснодарского музея преподавателем средней школы станицы Советской К. Е. Горбом был обследован левый берег от г. Армавира до

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37, 1918, стр. 56.

² Б. Н. Лукин. Серебряная чаша и стеклянная чаша из находок у ст. Даховской. Изв. Ростовского обл. музея краеведения, вып. 2, 1940, стр. 40.

³ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947, стр. 104—105.

⁴ Изв. ГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 201, рис. 195.

⁵ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г. СА, XI, стр. 321, рис. 18.

⁶ Там же, стр. 355.

⁷ Страбон, XI, 5, 8; ВДИ, № 4, 1947, стр. 225.

границы Краснодарского края. Зарегистрировано 11 городищ. Для проверки данных К. Е. Горба, а также в связи с полученными сведениями о разрушении погребений близ с. Успенского в 1953 г. проведено обследование левобережной террасы Кубани между с. Успенским и хут. 1-м Кубанским, протяженностью 15 км (рис. 18). На этом участке автором статьи осмотрено пять городищ и обнаружен один грунтовый могильник.

Городище № 1 в с. Успенском. Городище находится на территории села (близ центра его). Большая часть памятника уничтожена оползнями левой террасы Кубани. Сохранился только участок поселения, протяженностью в 115 м вдоль берега реки. Южная граница точно не

Рис. 18. Карта городищ Успенского района:

1 — городище; 2 — могильники.

устанавливается, так как уходит под дворы и дома с. Успенского. В обрывах террасы обнажается культурный слой, достигающий 2 м толщины, местами прослеживаются конусовидные ямы, опущенные в материк и наполненные зольным грунтом. На городище собран подъемный материал, представленный обломками грубых лепных горшков и сероглиняных сосудов. Из последних следует отметить фрагменты стенок крупного сосуда (повидимому, кувшина) с рельефным орнаментом в виде двух горизонтальных валиков с пальцеобразными вдавлениями, идущими по окружности сосуда, и миски с вертикальным бортиком, под острым углом переходящим в тулово. В обрыве, на глубине 1,2 м, обнаружен фрагментированный лепной горшок с высоким вертикальным венчиком. Подобного типа горшки встречаются на правобережных кубанских городищах между Армавиром и станицей Ладожской. Западнее последней они не известны. Найденный на городище материал датируется I—II вв. н. э.

Городище № 2 у с. Успенского. Городище расположено на возвышенности от села, на третьем километре от его окраины. В большей своей части оно уничтожено обвалами и оползнями террасы Кубани. «Центральная» возвышенная часть его отсутствует. Сохранился только сравнительно небольшой участок, вытянутый вдоль террасы, площадь которого слегка возвышена и с напольной стороны окружена неглубоким рвом. Длина городища 170 м, ширина 30 м. С восточной стороны расположен большой курган. В обрывах террасы местами обнажается культурный слой зольного характера; встречаются фрагменты керамики и кости домашних животных. Насыщенность слоя незначительная. Из найденного на городище материала необходимо отметить фрагменты сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге: обломок верхней части большого горшка с высоким вертикальным венчиком и горизонтальными плечиками, стенку кув-

шина с орнаментом в виде косо идущих пучков тонких врезанных линий, характерным для I—II вв. н. э., венчик миски с широким, скошенным наружу краем и фрагменты лепных сосудов (края горшков, ручка кувшина, нижняя часть маленького сосудика). Собранный материал относится к I—II вв. н. э.

Могильник близ аула Кургаковского. На расстоянии 1 км на восток от Успенского второго городища по левому отвесному и обрывистому берегу Кубани, по словам местных жителей, после очередных обвалов часто обнажаются древние погребения. В этом месте расположено небольшое плато, ограниченное с юго-запада и запада балкой, по которой протекает небольшая речка М. Кучма, впадающая в Кубань; восточнее, в пойменной долине, у подножия террасы находится аул Кургаковский. Повидимому, плато в древности использовалось под могильник.

При осмотре обрывов обнаружена каменная гробница, на две трети уже обвалившаяся. Гробница прямоугольной формы, сложена из тонких плит песчаника; сверху была перекрыта такими же плитами, но от них сохранилась только часть плиты у южного конца. Дно могилы—земляное. Гробница сохранилась в длину на 0,75 м (северная часть обвалилась), ширина ее 0,9 м, высота 0,35 м; глубина от поверхности почвы 0,6 м. Могила была ориентирована с юга на север, с очень небольшим отклонением к востоку. Внутри гробница была заполнена землей. При расчистке оказалось, что заполнявший грунт перемешан с человеческими костями, встречались и кости лошади (в основном конечностей). Установить число погребенных не представлялось возможным, так как большая часть могилы, как выше указано, обвалилась. В южной части обнаружено три человеческих черепа, лежавших в разных местах и на разном уровне. Один находился на дне могилы в юго-западном ее углу и, возможно, лежал *in situ*. У височных костей найдено по одному бронзовому проволочному спиральному колечку (рис. 17—2). Остальные кости человеческих скелетов (кости конечностей, ребра, тазовые кости) лежали в беспорядке и на разном уровне. В грунте среди костей встречены: бронзовый перстень с округлым выпуклым щитком и с неспаянными, заходящими друг на друга концами (рис. 17—3); бронзовые браслеты из круглого в сечении стержня с заходящими друг на друга концами; один браслет гладкий, другой с тремя симметрично расположенными утолщениями и с шишечками на концах (рис. 17—4, 5); железные трехгранные втульчатые наконечники стрел небольшой величины (рис. 17—6) и бусы пастовые желтого цвета (три штуки).

По словам местных жителей, при обвале могилы был найден глиняный сосуд и бронзовый браслет.

Собранные предметы находят наиболее близкие аналогии в инвентаре погребений второй половины IV—начала III в. до н. э. Пашковского могильника № 3 и Усть-Лабинского могильника № 2. Так, бронзовые небольшие перстеньки с округлым выпуклым щитком найдены в погребениях № 12 (7) 1937 г. и № 3 1949 г. первого из указанных могильников. Для этого же памятника типичны бронзовые браслеты с заходящими друг на друга концами¹. Браслеты с утолщениями встречены в погребениях второй хронологической группы Усть-Лабинского могильника № 2². Железные трехгранные наконечники стрел небольшой величины характерны для IV—начала III в. до н. э. и также были найдены в погребениях названных могильников. Все это позволяет датировать погребение близ аула Кургаковского второй половиной IV—началом III в. до н. э.

¹ К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 90, рис. 37, 9, 10; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 123, рис. 37, 2, 3.

² Н. В. Анфилов. Место-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, стр. 168.

Далее из обследованных памятников следует назвать три городища, расположенные на левой террасе Кубани на восток от с. Маламино.

Городище № 1 у с. Маламино. Городище находится за восточной околицей села и в большей своей части уничтожено оползнями берега. Сохранилась лишь незначительная часть поселения, несколько возвышающаяся над окружающей местностью: протяженность городища (вдоль террасы) 150 м, ширина 45 м. Территория его изрыта старыми канавами, в стенках которых местами обнажается культурный слой. Найденные мелкие фрагменты лепных и сероглиняных сосудов относятся к первым векам нашей эры.

Городище № 2 у с. Маламино. Городище находится на третьем километре от окраины села и является одним из наиболее крупных в этом районе. Оно состоит из «центральной» части и поселения, занимающего основную площадь городища. «Центральная» часть — холмообразной формы, овальная в плане (длиной 75 м и шириной 45 м), расположена на краю террасы, ограничивающей ее с северной стороны. С остальных сторон она окружена глубоким рвом, отделяющим ее от основной площади городища. Поселение, прилегающее к «центральной» части, вытянуто вдоль террасы (с востока на запад), и площадь его несколько возвышена. Западная и северная границы распаханы и в настоящее время прослеживаются недостаточно четко; восточная же граница обозначается совершенно ясно. Она расположена на расстоянии 400 м от рва, отделяющего «центральную» часть. В этом месте, благодаря довольно значительной выемке земли, обнажен культурный слой мощностью в 1,2 м. Найденные здесь фрагменты керамики в подавляющем большинстве происходят от лепных сосудов, принадлежащих к группе ранней чернолощенной керамики. Это — обломки горшков, больших корчаг, мисок, фрагмент небольшого сосудика, украшенного резным линейным орнаментом. На восток от «центральной» части есть еще одно обнажение культурного слоя, где также найдены фрагменты лепных лощеных сосудов (корчаги и горшков). На территории самой «центральной» части городища подобраны мелкие обломки сероглиняных и грубых лепных сосудов и фрагмент горла амфоры из светложелтой глины.

Найденные на городище образцы лепной лощеной посуды позволяют относить время возникновения поселения к VI—V в. до н. э. В дальнейшем оно продолжает существовать вплоть до первых веков нашей эры.

Городище № 3 у с. Маламино. Городище находится на расстоянии 5 км на восток от окраины села. Река Кубань в настоящее время протекает здесь на большом расстоянии от левой береговой террасы, и городище сохранилось сравнительно хорошо. Оно состоит из «центральной» части и прилегающего к ней поселения. «Центральная» часть — холмообразной формы, овальная в плане (30 × 15 м), расположена на краю террасы и окружена рвом. Основная площадь городища, вытянутая вдоль террасы, с напольной стороны окружена внешним рвом и валом (длиной 570 м). В юго-западной части выделяется курганообразная насыпь, состоящая из зольного слоя, в котором найден фрагмент лепного лощеного сосуда. Протяженность городища (с востока на запад) 330 м, ширина его 180 м. Поверхность и склоны его задернованы и обнажений культурного слоя нет. Собранный на поверхности материал представлен мелкими фрагментами лепных сосудов (горшков, мисок, кувшинов), часть из которых лощеные, и сероглиняных кувшинов и мисок. Лепные сосуды со следами лощения по характеру выработки и по форме восходят к V—IV вв. до н. э., некоторые же фрагменты сероглиняных сосудов, так же как и часть лепных, датируются I—II вв. н. э.

Проведенное обследование показывает, что левобережье Кубани восточнее Армавира было также густо заселено оседлыми племенами в I тысяче-

летию до н. э. и в первые века нашей эры, как и остальная территория Среднего Прикубанья. Исследованные городища по своему типу, планировке, размерам и по характеру материальной культуры совершенно аналогичны правобережным кубанским городищам. По некоторым формам керамики (горшки с высоким горизонтальным венчиком и др.) они наиболее близко примыкают к Урупским городищам и городищам правобережья Кубани восточнее станицы Усть-Лабинской. Важным моментом являются находки на городищах восточнее с. Маламино фрагментов лепной лощеной керамики, позволяющей говорить о возникновении здесь оседлых земледельческих поселений уже в VI—V вв. до н. э. и, таким образом, намного расширяющей наши представления о развитии земледельческой культуры в Прикубанье в раннемеотское время.

Г. И. ИОНЕ

МИНГЕЧАУРСКИЕ КУВШИННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
С ОРУЖИЕМ¹

В работах, посвященных обобщению материалов из кувшинных погребений Азербайджана и Грузии, продолжает оставаться никем не опровергнутое заключение М. М. Иващенко о том, что в Закавказье эти погребения совершались без оружия². Основанием для такого вывода послужило то, что на территории закавказских республик хотя и было выявлено и обследовано много кувшинных погребений, но ни в одном из них не было найдено оружия. Е. А. Пахомов высказал даже предположение, что в кувшинах погребались только женщины, а мужчины хоронились непосредственно в грунтовых ямах³.

В результате археологических раскопок 1946—1953 гг. на территории Мингечаура вскрыто более 300 кувшинных погребений и среди них обнаружено около 30 захоронений, в инвентаре которых находились те или иные предметы боевого вооружения. Особого внимания заслуживают четыре погребения⁴. Они отличались от всех прочих богатством и разнообразием инвентаря, особенностями погребальных сооружений и большим количеством оружия. Все четыре обнаружены на сравнительно большой глубине (в пределах 3—4 м) от дневной поверхности⁵; три из них на древнем правобережном могильном поле, а одно — на юго-восточной окраине левобережного поселения № 2.

Три правобережных погребения (№ 17, 26 и 29-31) найдены в многоугольных подземных склепах, сооруженных из сырцового кирпича и перекрытых деревянными брусками; четвертое левобережное (№ 14-Л) хотя и находилось в грунтовой яме, но отличалось от обычных тем, что погребальный сосуд был дополнительно прикрыт черепками большого разбитого кюпа и обложен со всех сторон плитообразными глыбами мелкозернистого песчаника.

Во всех четырех случаях каждый погребальный комплекс занимал площадь примерно 3 × 5 м (рис. 19), в отличие от обычных погребений, площадь которых не превышает 2 × 3 м.

¹ Сообщение было сделано 26 апреля 1953 г. на заседании секции кавказоведения в период работы сессии Отделения исторических наук АН СССР и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г.

² М. М. Иващенко. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. Изв. АН АзербССР, том I, 1947, стр. 78—80.

³ Е. А. Пахомов. Мингечаурские кувшинные погребения. Газ. «Бакинский рабочий», № 37 (5139), от 14.II. 1937 г.; его же. Кувшинные погребения из Мингечаура. Изв. АзФАН, Баку, 1944, № 9, стр. 46—53.

⁴ № 17 из раскопа ЕК-IV; № 26 из раскопа VII; № 29-31 из раскопа ЕК-V и 14-Л. Номенклатура дается в соответствии с полевой описью.

⁵ В Мингечауре кувшинные погребения обычно находятся на глубине 0,5—2,5 м.

По общим признакам все эти погребения не отличаются от обычных мингечаурских кувшинных погребений¹. Здесь также наблюдается горизонтальное положение погребального кувшина (кюпа), та же ориентировка его на северо-запад горловиной (под углом отклонения от основной оси С-Ю в пределах 35—65°), одинаковое положение костяков внутри погребальных сосудов и т. п.

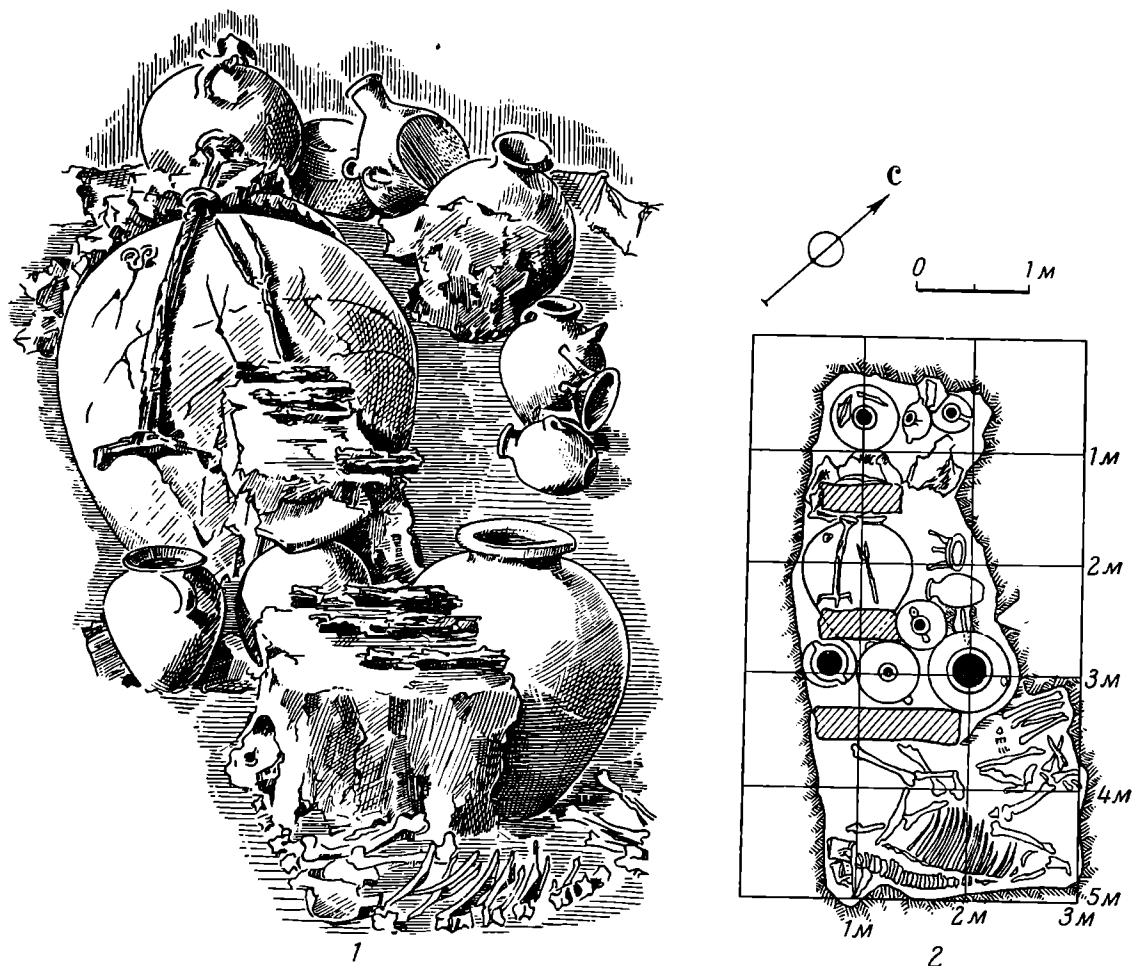

Рис. 19. Кувшинное погребение № 17 с оружием:

1 — общий вид; 2 — план размещения инвентаря.

Внутри каждого погребального сосуда находился только один человеческий костяк, лежавший на правом или левом боку, в более или менее скорченном положении, головой к горловине.

В составе инвентаря всех этих погребений, кроме большого количества глиняных сосудов различных форм и размеров (кувшинов, мисок, кубков, носимых и выучных фляг, фигурных ваз; рис. 20, 21), находились также различные предметы украшения (кольца, браслеты, бусы и т. п.; рис. 22) и особенно много оружия. Встречались также и монеты: в одном случае римский серебряный денарий императора Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), а в другом аршакидская монета с именем Фраата IV (38/7 г. —

¹ Общую характеристику кувшинных погребений Мингечаура см. Е. А. Пахомов. Кувшинные погребения из Мингечаура. Изв. АзФАН, Баку, 1944, № 9, стр. 46—53; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. МКА, вып. I, Баку, 1949, стр. 9—47.

Рис. 20. Глиняные сосуды из кувшинных погребений с оружием.

3/2 г. до н. э.), которыми и датируются описываемые погребения в пределах II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э.¹

Предварительные исследования материалов археологических памятников Мингечаура устанавливают, что населением, оставившим кувшинные погре-

¹ Определение монет дано Е. А. Пахомовым. По вопросу о датировке мингечаурских кувшинных погребений см. Е. А. Пахомов. Кувшинное погребение из Мингечаура. Изв. АзФАН, № 9, 1944, стр. 46—58; его же. Монеты из Мингечаура. Сб. МКА, вып. II, 1951, стр. 141—166; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. МКА, вып. I, Баку, 1949, стр. 9—47; Г. И. Ионе. Еще раз о датировке кувшинных погребений. Докл. АН АзербССР, т. IV, вып. 10, 1948, стр. 451—457.

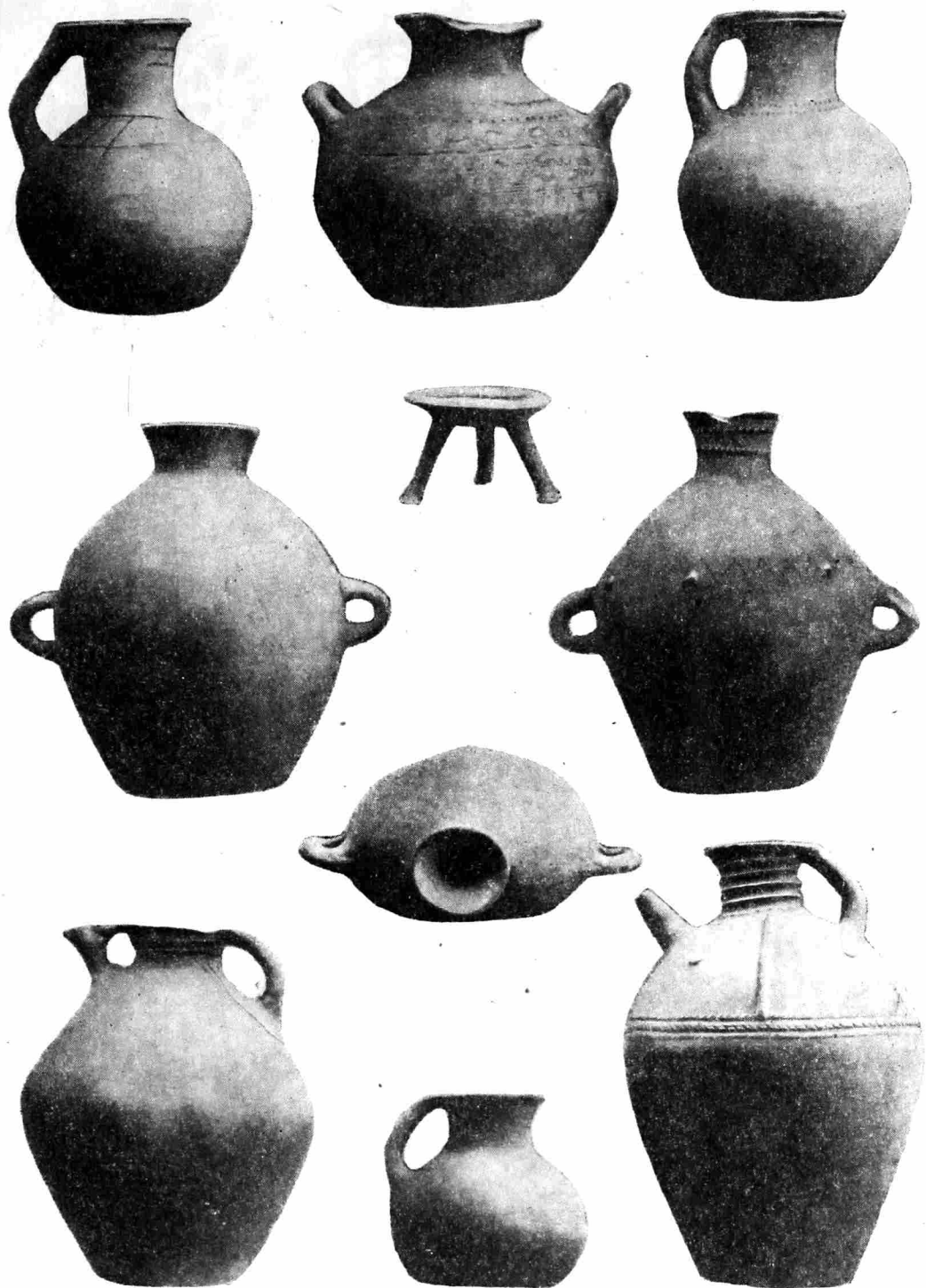

Рис. 21. Глиняные сосуды из кувшинных погребений с оружием.

бения, было одно из албанских племен. Приведем весьма любопытные сведения Страбона, который характеризовал албанские племена как «население, отличающееся красотой и большим ростом, простодушное, не торговское... они сражаются и пешими и на конях, в легком вооружении и в панцырях, подобно армянам. Войска они выставляют больше, чем иберы. Они вооружают 60 000 пехоты, 22 000 всадников — с каковыми силами выступили на борьбу с Помпеем», и далее: «Албаны сражаются дротиками

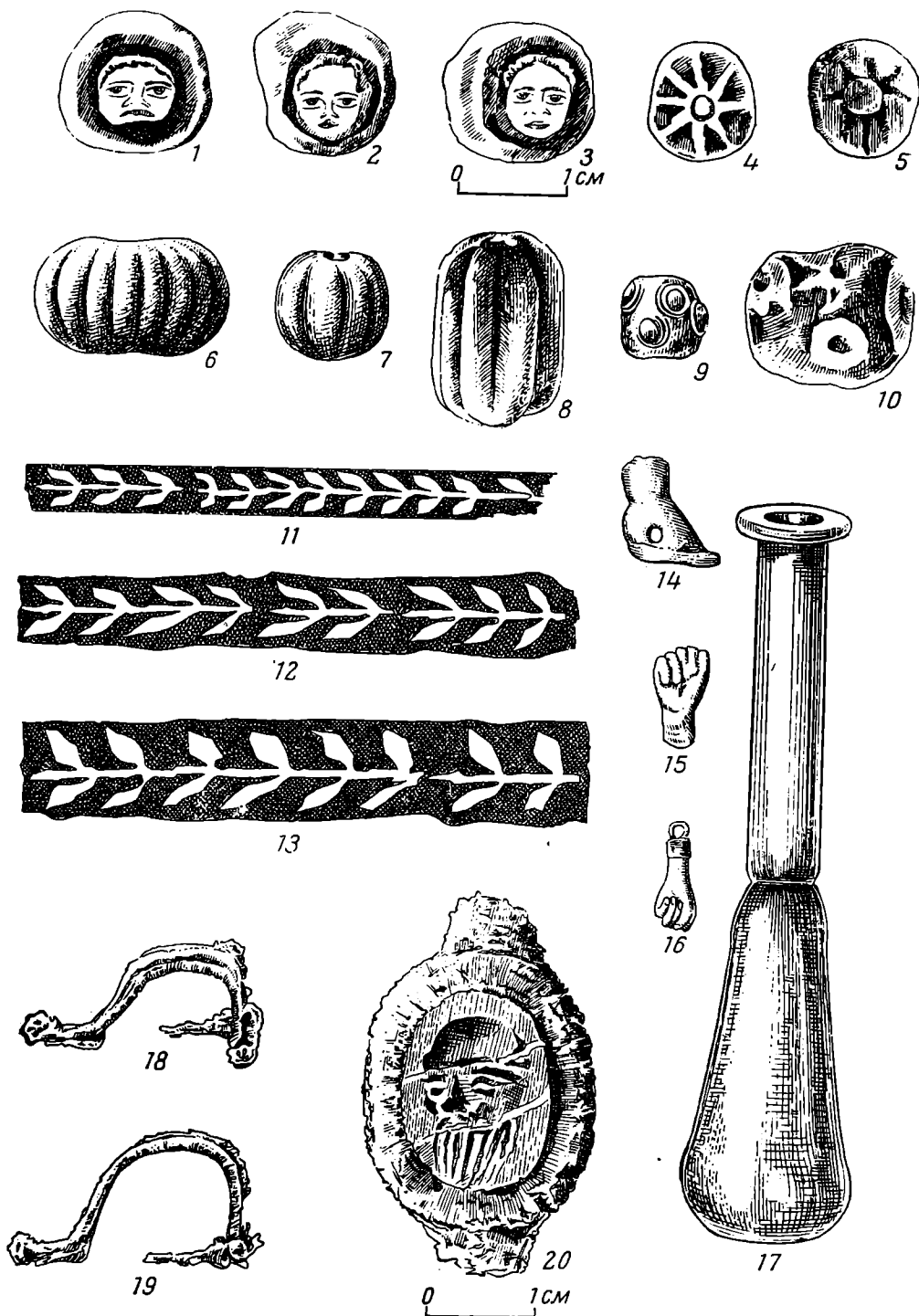

Рис. 22. Украшения и стеклянные изделия из кувшинных погребений с оружием:
 1, 2, 3 — бусы пастовые с изображением человеческого лица; 4, 5 — бусы пастовые с изображением солнца; 6-10 — бусы стеклянные, пастовые и каменные; 11, 12, 13 — орнамент на бусах; 14, 15, 16 — подвески пастовые в виде ноги и руки; 17 — слезница стеклянная; 18, 19 — фибулы бронзовые; 20 — перстень-печатка с изображением мужского лица.

и луками, имеют панцыри, большие щиты и шлемы из звериной кожи, подобно иберам»¹.

Свидетельство Страбона о вооружении албанцев подтверждается археологическими материалами. Так, например, в числе оружия из Мингечаура имеется:

¹ Страбон. География, гл. IV (ср. XI, 3, 3). Перевод В. В. Латышева; Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 4, 1947, стр. 219—220.

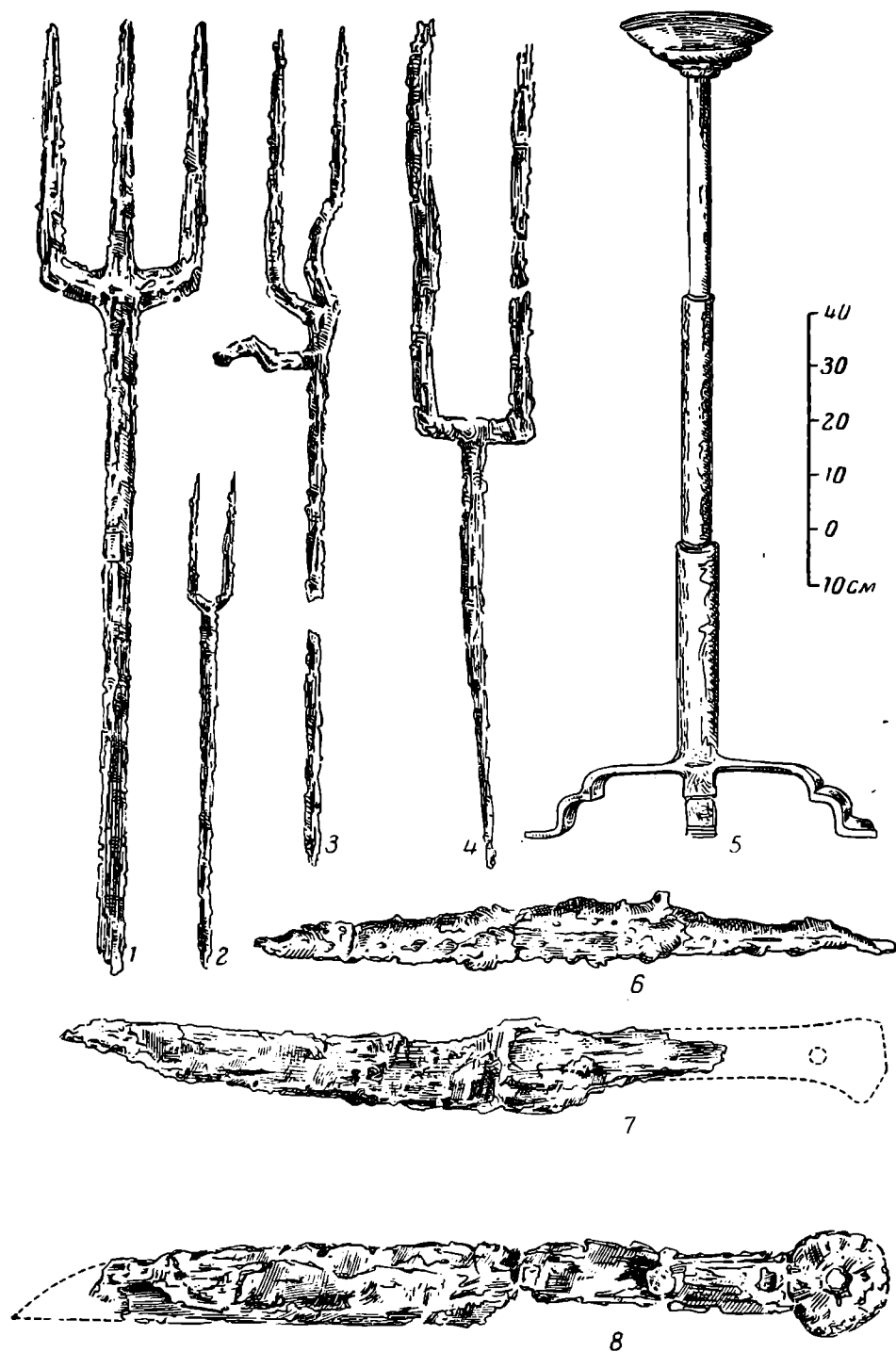

Рис. 23. Оружие и канделябр из кувшинных погребений:

1-4 — вилы железные боевые; 5 — канделябр; 6, 7, 8 — ножи железные.

Вилы железные боевые, двух- и трехзубые, нескольких форм и размеров (1—2,5 м длиной), цельнометаллические и с надставными деревянными рукоятками (древком). В одном случае у двухзубых цельнометаллических вилок стержень рукоятки изогнут и от него отходит дополнительная боковая рукоять, повидимому служившая для лучшего упора. Судя по различной длине, вилы предназначались и для оборонительного и для наступательного рукопашного боя (рис. 23—1-4);

Мечи железные различных размеров (0,4—0,6 м длиной) и форм с односторонней и двусторонней заточкой; плоские и ромбовидные в сече-

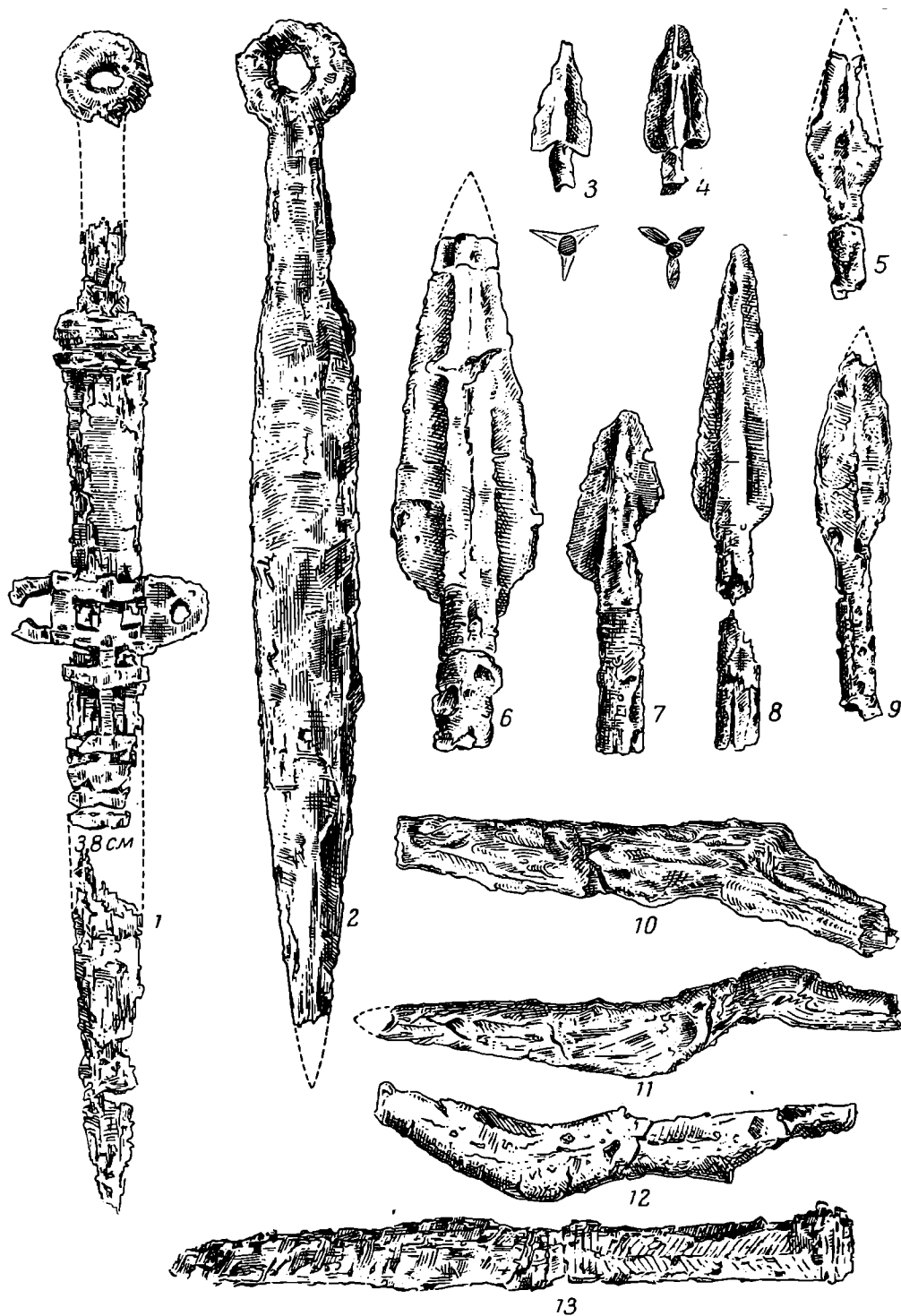

Рис. 24. Железное оружие из кувшинных погребений:

1 — кинжал в деревянных орнаментированных ножнах; 2 — меч; 3, 4 — наконечники стрел; 5, 7, 9 — наконечники дротиков; 6, 8 — наконечники копий; 10-13 — ножи.

нии, с надставной и цельнометаллической рукояткой. Некоторые из них в деревянных ножнах, украшенных различными бронзовыми бляшками (рис. 24 — 1, 2);

Ножи железные разных форм и размеров (12—25 см длиной) — серповидные, коленчатые, узкие листовидные, широкие кинжалообразные с двусторонней и односторонней заточкой, с цельнометаллическими или надставными рукоятками. Разнообразные формы и величина ножей дают право предполагать различное назначение и применение их. В некоторых

комплексах они встречаются не в единичных экземплярах, а наборами до 5—7 ножей (рис. 23—6-8, рис. 24—10-13).

Все перечисленные виды относятся к числу холодного оружия, применявшегося в рукопашном бою.

К метательному оружию можно отнести железные наконечники копий, дротиков и стрел.

Наконечники копий различных размеров (20—40 см длиной), листовидной формы, втульчатые, в сечении приближающиеся к вытянутому ромбу. У некоторых разновидностей по ребру плоскости заметна легкая выемка или рубец-валик (рис. 24—6, 8).

Дротики копьеобразные и листовидные, втульчатые, небольших размеров (рис. 24—5, 7, 9).

Железные наконечники стрел трехгранные и трехлопастные, черешковые (рис. 24—3, 4).

Оружие во всех случаях находилось и внутри и снаружи погребальных сосудов.

Набор металлических изделий в комплексах дополнялся массивными железными треногими канделябрами (1,5—3 м высотой; рис. 23—5), а в двух случаях конской сбруей и снаряжением для верховой езды. В одном из погребений найдены части металлической защитной одежды воина, в том числе, повидимому, железный панцырь, налокотники и нечто подобное небольшому железному щиту.

Из предметов конской сбруи и снаряжения для верховой езды следует назвать удила железные, различный набор колец и пряжек, шпоры.

Каждый комплекс погребального инвентаря свидетельствовал о знатности, богатстве и привилегированном положении погребенного. Такой почет при погребении мог быть оказан только военной знати или воинам с большими заслугами¹.

Нам кажется, что в данном случае мы имеем погребения не простых воинов, а военной знати — «аристократии», к которой могли принадлежать только племенные вожди, сосредоточивавшие единство военной, светской, родоплеменной и имущественной власти, пользовавшиеся неограниченными правами при жизни и особыми почестями при совершении обряда погребения после смерти.

Этот важный факт приводит нас еще и к выводу о том, что население Мингечаура (Албании) в указанный период расчленилось на резко отличные друг от друга имущественные и даже социальные группы. Сказанному не противоречат свидетельства современников того периода — Страбона, Аппиана и других античных авторов. По их свидетельству, в составе населения древней Кавказской Албании в период совершения кувшинных погребений (II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э.) различался ряд социальных групп: военная и имущественная знать (цари, жрецы), рядовые члены общины и т. д. Что военная знать очень резко отделялась от всех прочих общинников, подтверждается и другими археологическими материалами, связанными с рассматриваемыми погребениями. Обратимся к ним.

В одном из упомянутых склепов (№ 29-31), кроме центрального главного, было еще два других погребения в кувшинах, примыкавших горловинами с двух сторон к днищу кувшина основного погребения.

Погребальные сосуды их отличались друг от друга даже по внешнему виду (размером и отделкой), что свидетельствовало об имущественном неравенстве погребенных.

Центральный сосуд оказался значительно больше и лучше по отделке. Весь комплекс оружия относился главным образом к нему и был располо-

¹ Повидимому, в тот период в Закавказье железное оружие ценилось очень высоко, поэтому, вопреки вековым традициям, рядовых общинников хоронили без оружия. Этим объясняется, кстати, редкое нахождение его в мужских захоронениях в «кувшинах».

жен внутри и около него. К нему же примыкали все культовые сосуды (около 30), расставленные вдоль кувшина с двух сторон и у горловины. Все три погребения были частично ограблены в древности.

Внутри центрального погребального кувшина найдено несколько мелких глиняных сосудов изящной тонкой отделки, железное оружие, некоторое количество оставшихся после ограбления предметов украшения, четыре бронзовых подсвечника и т. д. В двух других (бедных) погребениях, кроме нескольких черепков разбитых фляг, ничего не было.

Интересно в этом отношении и другое описанное нами погребение в склепе (№ 17), которое сопровождалось двумя костяками вьючных животных (по предварительному определению — верблюда и лошади) и скелетом человека, обнаруженным около центрального захоронения на грунте в необычном для погребений положении: он находился почти под кувшином, лежал на грудной клетке, вниз лицом, руки подогнуты.

Следует вспомнить, что при раскопках в Мингечауре в 1946 г. в южной части могильного поля была вскрыта группа из пяти кувшинных погребений, находившихся друг от друга на таком расстоянии, что все они почти смыкались. Захоронения были покрыты сплошным навалом костяков мелкого рогатого скота. Недалеко от них стояла донная часть большого хозяйственного кувшина, заполненного золой и разрозненными костями животных. Близость пяти погребальных сосудов, нахождение их на одном уровне, общий навал костей животных, покрывающий их, не дают основания сомневаться в том, что все пять захоронений были совершены одновременно.

Это очень важный факт потому, что в этой группе оказались погребения с богатым инвентарем и без инвентаря. Три погребения, примыкавшие к днищам двух основных, инвентаря не имели, два главных погребения были заполнены различными предметами богатого по своему составу инвентаря.

Приведенные факты являются яркой иллюстрацией того, что в Мингечауре в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры погребения племенной знати иногда, повидимому, сопровождалось насильственным умерщвлением зависимых от них людей или пленных рабов.

Таким образом, на основании археологических материалов мингечаурских кувшинных погребений с оружием устанавливаются не только основные типы вооружения, но и выясняется до некоторой степени социальная структура общества того времени, в котором более или менее ясно определяются две крайние социальные группы — племенная знать и рабы.

Дальнейшие исследования археологических памятников, возможно, позволят определить и другие социальные группы, составлявшие население Кавказской Албании на грани нашей эры.

Г. М. АСЛАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
МИНГЕЧАУРА¹

При раскопчных работах на территории Мингечаура, широко развернутых с 1946 г., археологическая экспедиция АН АзербССР собрала значительные материалы, относящиеся к древней и средневековой истории азербайджанского народа². Археологические работы производились на обоих берегах Куры. Исследовались поселения (№ 1, 2 и 3) и примыкающие к ним древние могильники.

В 1949 г. на местности, именуемой Калаот³ (поселение № 3) и Судагылан⁴ (поселение № 2), впервые были обнаружены не известные до этого не только в Азербайджане, но и во всем Закавказье погребения в катакомбах. Особенно много их вскрыто на Калаоте, в 6 км к северо-востоку от Мингечаура, у входных ворот ущелья Боздага.

До последнего времени этот район, значительная часть которого покрыта лесом и сочными кормовыми травами, служил зимним пастбищем. Население ближних сел называет его Дашлы-дара (Каменное ущелье). Существует предание, что здесь в древности было расположено «обширное» и «могущественное» городище с крепостью Калаот; наименование ее и сохранилось в названии местности.

Крепость по всем данным располагалась на одном из холмов левого берега и занимала в стратегическом отношении господствующее положение. В настоящее время бо́льшая часть поселения (№ 3) и крепости Калаот смыта рекой⁵.

Наши раскопки производились на холме, где еще сохранились остатки древнего населенного пункта. Работами установлено, что отложившиеся здесь разновременные культурные пласты достигают мощности более 6—7 м и относятся к периоду I—XII вв. н. э. включительно.

В 300—400 м к востоку от городища при археологической разведке автор настоящего сообщения выявил в срезях одного из оврагов три разрушенных катакомбных погребения; в этом же районе при земляных ра-

¹ Сообщение было сделано на заседании секции кавказоведения во время работы сессии Отделения исторических наук и пленума ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г.

² Раскопки производились силами научных сотрудников Института истории и философии и Музея истории АН АзербССР.

³ Слово Калаот состоит из двух слов: Кала — крепость и от — проходи, что фигурально значит: не приближайся к этой крепости, берегись ее.

⁴ Судагылан по-азербайджански — водоразлив.

⁵ Разрушение левого берега рекой наблюдается и в настоящее время; по месту расположения остатков поселений, которые находятся на правом берегу против городища, в некоторой степени удается даже определить первоначальное русло реки.

ботах был обнаружен большой могильник с катакомбными захоронениями. Погребения сохранились достаточно хорошо. Этому благоприятствовали и условия местности и особенности материковых пластов, представленных мергелистыми глинами, в которых процессы распада протекают замедленно.

После вскрытия и обследования более 200 катакомбных погребений нам удалось установить все характерные хронологически типовые особенности их и по этим признакам сгруппировать в три основные группы: раннего, среднего и позднего времени.

Касаясь общей характеристики катакомбных погребений, нужно заметить, что все они почти одинаковы по устройству камер, представляющих собой куполообразные сводчатые сооружения, эллипсоидные или круглые в плане, 1,5—3 м в диаметре и 0,9—1,7 м высотой. Они сооружены на глубине около 3,5—6,5 м от дневной поверхности¹.

Доступ к камерам осуществлялся через специальные проходы в виде траншей.

Тщательное обследование установило, что сооружение катакомб началось рытьем более или менее длинной (2—4 м) и широкой (0,6—1,1 м) траншеи. Боковые срезы ее делались вертикальными, а дно наклонным. У начала (сверху) каждой траншеи оставлялось несколько ступенек, а внизу, у самого днища, пробивались прямоугольные или овальные входные проемы (размерами 1,1 × 1,7 м; 0,3 × 0,6 м; 0,4 × 0,8 м и т. д.), которыми начинались погребальные камеры.

Земляные работы при сооружении катакомб производились заступом и теслом; следы их зафиксированы на стенах могильных сооружений. Кстати, заступ древнего типа еще и теперь бытует в сельских районах Азербайджана, где его называют «бель».

Ранняя группа катакомбных погребений (рис. 25—1, 2) характеризуется следующими признаками и материалами: костяк погребенного находился в скорченном положении в кувшине (кюпе) или в деревянном срубе, помещенном в камере. Погребальный инвентарь располагался и внутри погребальных кувшинов и срубов и вне их. Он обычно состоял из трех-семи глиняных сосудов, преимущественно кувшинов, яйцевидной, грушеобразной, почти цилиндрической и шарообразной формы, имеющих одну или две вертикальные ручки круглые в сечении и узкие цилиндрические, трубчатые или воронкообразные горловины с венчиками в виде трилистника или в виде желобков (рис. 26—1, 2, 3, 5). Кроме глиняных, встречено несколько стеклянных сосудов — флаконов, чаш и бокалов (рис. 26—6), стеклянные и смальтовые перстни (рис. 27—12), стеклянные и каменные бусы различных форм и размеров, браслеты, кольца, подвески и т. п. (рис. 27—5-11, 14). Обычно в погребальном инвентаре и железное оружие, в числе которого листовидные наконечники копий (рис. 27—23), клиновидные узколезвийные кинжалы, трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники стрел (рис. 27—24). В женских погребениях иногда попадались золотые серьги-подвески, набранные из мелкой зерни в виде кистей винограда, тонкие золотые колечки с заходящими или открытыми концами и т. п.

В инвентаре этой группы погребений встречались также серебряные глубокие чаши (рис. 26—9) и аршакидские монеты — драхмы с именем Готарса (40/41—51 н. э.)², по которым мы ориентировочно и датируем погребения I—II вв. н. э.

Во II в. н. э. в Мингечауре появляются в незначительном числе погребения в деревянных срубах, только помещенных не в катакомбных каме-

¹ Размеры даются по замерам камер погребений взрослых людей. Камеры детских захоронений из нашего описания исключены, так как они отличаются от типичных только меньшими размерами.

² Определение монет произведено Е. А. Пахомовым.

рах, а в обычных прямоугольных грунтовых ямах, перекрытых сверху деревянными настилами. Эти погребения, сосуществуя с подобными же погребениями в деревянных срубках, размещенных в катакомбах, отличаются от них богатством погребального инвентаря.

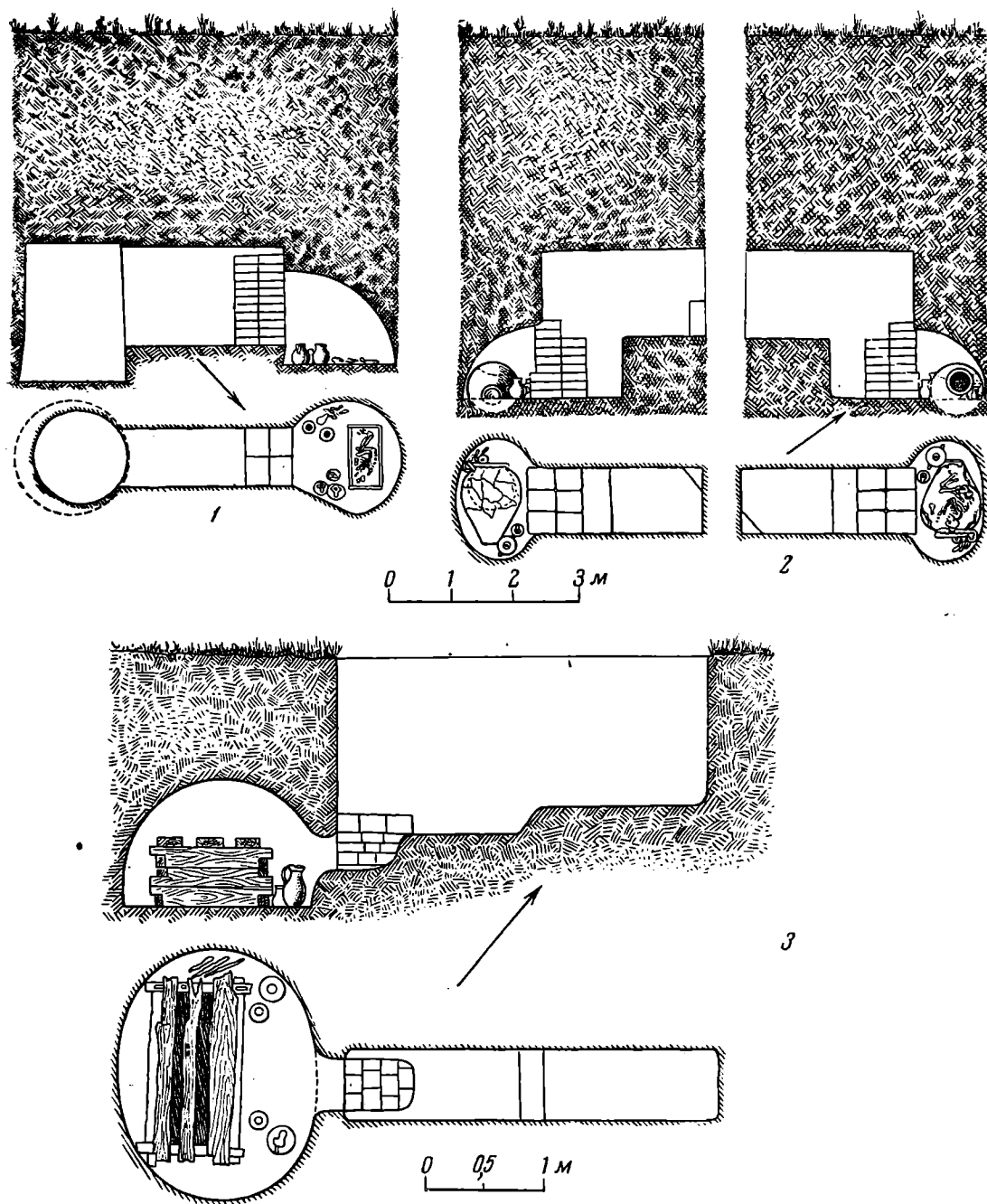

Рис. 25. Планы и разрезы катакомб:

1 — катакомба раннего периода с погребением в деревянном срубке; 2 — катакомба раннего периода с погребением в кушине; 3 — катакомба среднего периода с деревянным срубком.

Основная особенность их та, что в них больше, чем в других, оружия, среди которого встречаются широколезвийные длинные мечи с рукоятками, имеющими деревянные надставки. Мечи — в деревянных ножнах, обтянутых кожей.

Вторая особенность этих захоронений та, что обычно и мужские

Рис. 26. Типы сосудов из катакомбных погребений:

1-5 — глиняные; 6, 7, 8 — стеклянные; 9 (а, б, в) — чаша серебряная, орнаментированная каннелюрами и изображениями виноградной грозди и лунниц.

и женские погребения сопровождаются несколькими другими костяками, расположенными вне сруба (вокруг него) в сидячем положении¹.

Погребения этого типа существовали в Мингечауре во II—III вв. н. э.; позже они исчезли, повидимому, слившись с катакомбными.

Мы предполагаем, что это погребения местной имущественной и, возможно, военной знати, которая отделялась от общей массы населения, о чем свидетельствует и тип погребальных сооружений и погребальный инвентарь.

Катакомбы средней хронологической группы (рис. 25—3) отличаются несколько иным устройством траншеи, которая дополняется рядом ступенек еще и в нижней ее части. Последняя ступенька

¹ Следует отметить, что парные захоронения наблюдаются и в ранних катакомбах, но это явление очень редкое.

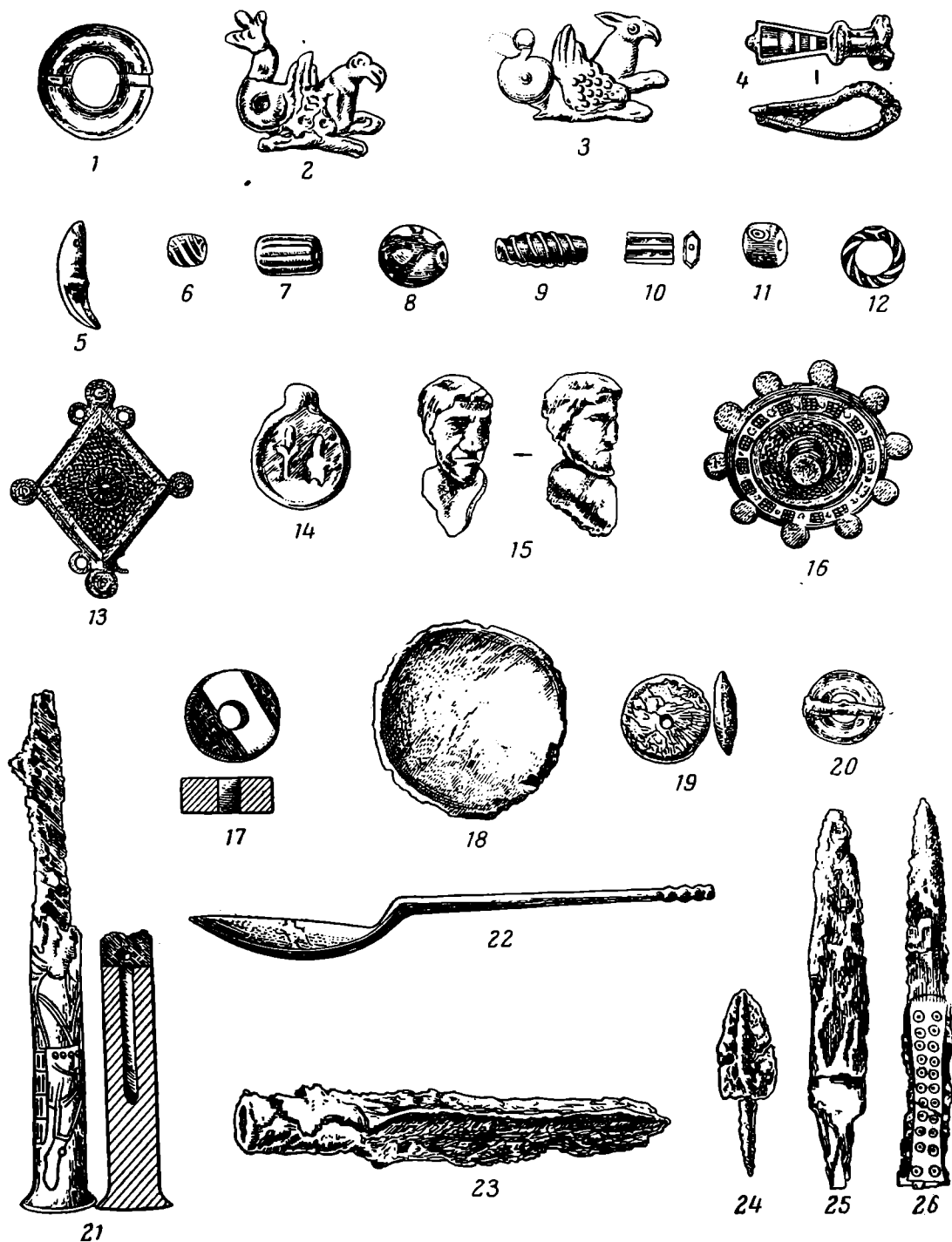

Рис. 27. Инвентарь катакомбных и срубных погребений:

1, 20 — пряжки мраморные с железной иглой; 2, 3 — бляшки в виде грифонов; 4 — бронзовая фибула с разноцветной эмалью; 5 — подвеска из зуба; 6-11 — бусы из разного материала; 12 — перстень стеклянный; 13, 16 — брошки бронзовые со вставками из разноцветной эмали; 14 — подвеска стеклянная; 15 — человеческая фигурка из янтаря; 17, 19 — пряслица; 18 — зеркало бронзовое; 21, 25, 26 — железные ножи с костяными рукоятками; 22 — ложка серебряная; 23 — копьё железное; 24 — наконечник стрелы железный.

во всех случаях упиралась во входной эллипсовидный проем, ведущий в погребальную камеру, где находилось до шести-семи человеческих костяков. Один из них, повидимому принадлежавший главному погребенному, в большинстве известных нам случаев был заключен в деревянном срубе, в сильно скорченном положении. Другие пять-шесть костяков обычно располагались в различных позах (чаще всего в таких, которые свидетельство-

вали о захоронении в сидячем положении) внутри камеры, но вне сруба, вокруг него. Мы не беремся делать пока какие-либо выводы и заключения. Однако мы имеем по этому вопросу определенное мнение, которое и намерены высказать в порядке рабочей гипотезы несколько ниже.

Погребальный инвентарь средней группы катакомбных захоронений состоит из меньшего числа глиняных сосудов, обычно шарообразных форм, с двумя вертикальными ручками по бокам, желобчатым или трехлиственным венчиком. Тулово украшено бугорками и неглубокими ямками, вдавлениями, что отличает сосуды от предшествующих типов керамики (рис. 26—4). Стекланные изделия почти такого же типа, как и в ранней группе катакомб (рис. 26—7, 8). Оружие встречается в меньшем числе, но типы его не изменяются.

Инвентарь катакомбных погребений средней поры дополняется диско-видными и четырехугольными бронзовыми зеркалами (рис. 27—18), костяными, роговыми и деревянными гребешками (рис. 28—5, 6), перстнями-печатками (рис. 29—25, 27, 28) со вставками из полудрагоценных камней и стекла, на которых имеются гравированные изображения людей, животных и птиц и т. п.

Эта группа катакомб, как и ранние, датируется серебряными, медными и бронзовыми монетами, в числе которых греко-римские с именами Антонина Пия (138—161), Юлия Полиуса Кесаря, Каракалла (211—217) и др.

Таким образом, катакомбные погребения средней хронологической группы можно датировать III—IV вв. н. э.

Катакомбные камеры поздней группы погребений почти эллипсоидной и, реже, прямоугольной в плане формы; размеры их $1,7 \times 2,5$ м. Внутри, вдоль стен, устроены завалинки шириной 0,2—0,3 м. Встречаются катакомбы с одной траншеей, оканчивающейся двумя камерами (как и в раннем и в среднем периодах).

Поздняя группа катакомб характеризуется наличием в них до 15 человеческих костяков в различных положениях. В центре камеры (в большинстве случаев) обособлены один, два, а иногда три костяка. Они лежат скорченно на боку или вытянуто на спине на деревянных подстилках, массивных плитах из обожженной глины, сырцовых и обожженных кирпичей, а иногда прямо на грунте. Вокруг них, вдоль стен, размещены еще два, три и до 12 костяков в различных положениях — скорченно, вытянуто, сидя; иногда костяки сложены грудой.

Причины массового нахождения костяков в погребальных камерах пока не объяснимы.

В поздних катакомбах глиняные сосуды почти не встречаются. В них не обнаружено ни монет, ни оружия, ни костей животных и птиц, но зато в составе инвентаря кожаные изделия — ножны, сумочки (рис. 28—4), обувь и даже шапки; деревянные предметы — шкатулки (рис. 28—1), ящики, кубки, ларцы; предметы из стекла — бокалы, флаконы, браслеты (детские) трубчатые, перстни, прясла, бусы, брошки, серьги и т. п. (рис. 29—7-10, 13, 16, 23, 24); орудия труда, части прядильных и ткацких принадлежностей, рукоятки от сапожных и других ремесленных инструментов, а в трех случаях — части ткацкого станка. Встречаются также ткани весьма тонкой выделки, вышивки и различные нитяные плетения, мотки шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых ниток.

Таким образом, есть основание предполагать, что ткацкое ремесло в этот период находилось на более высокой ступени развития, чем раньше. Остатки разнообразных крашенных, вышитых золотом и других тканей служат тому наглядным доказательством.

Поздние катакомбные погребения датируются на основании полусферических подвесных печатей сасанидского типа (рис. 29—31-34), на которых

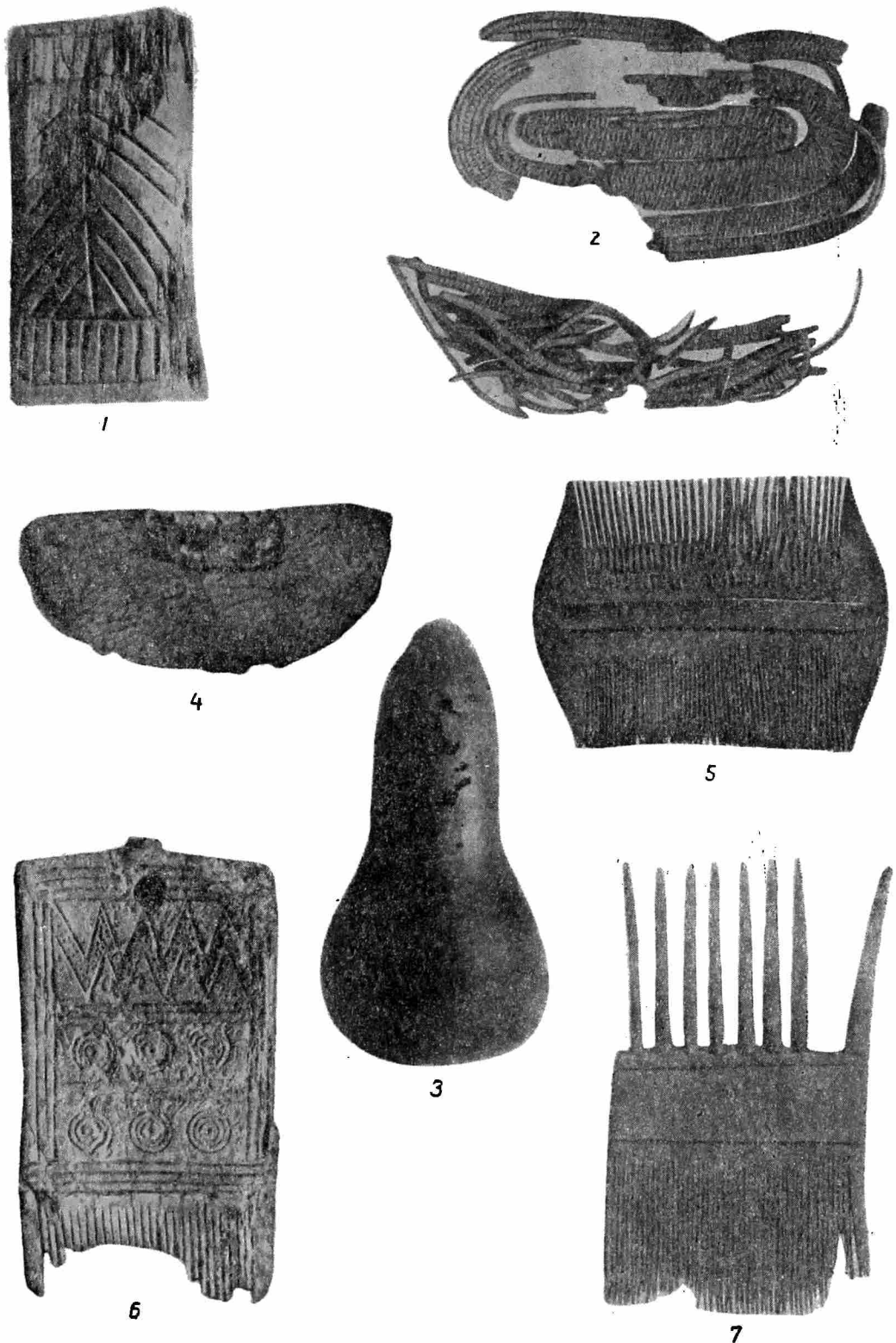

Рис. 28. Инвентарь катакомбных погребений:

1 — шкатулка деревянная с резным орнаментом; 2 — остатки плетеной из прутьев коряны; 3 — кубышка; 4 — кожаная сумочка; 5, 6, 7 — гребни роговой, костяной и деревянный.

имеются различные знаки, свидетельствующие о развитой частной собственности. На основании изучения этих печатей мы ориентировочно относим погребения позднего времени к V—VII вв. н. э. Это до некоторой степени подтверждается и стратиграфическим положением катакомб всех трех групп.

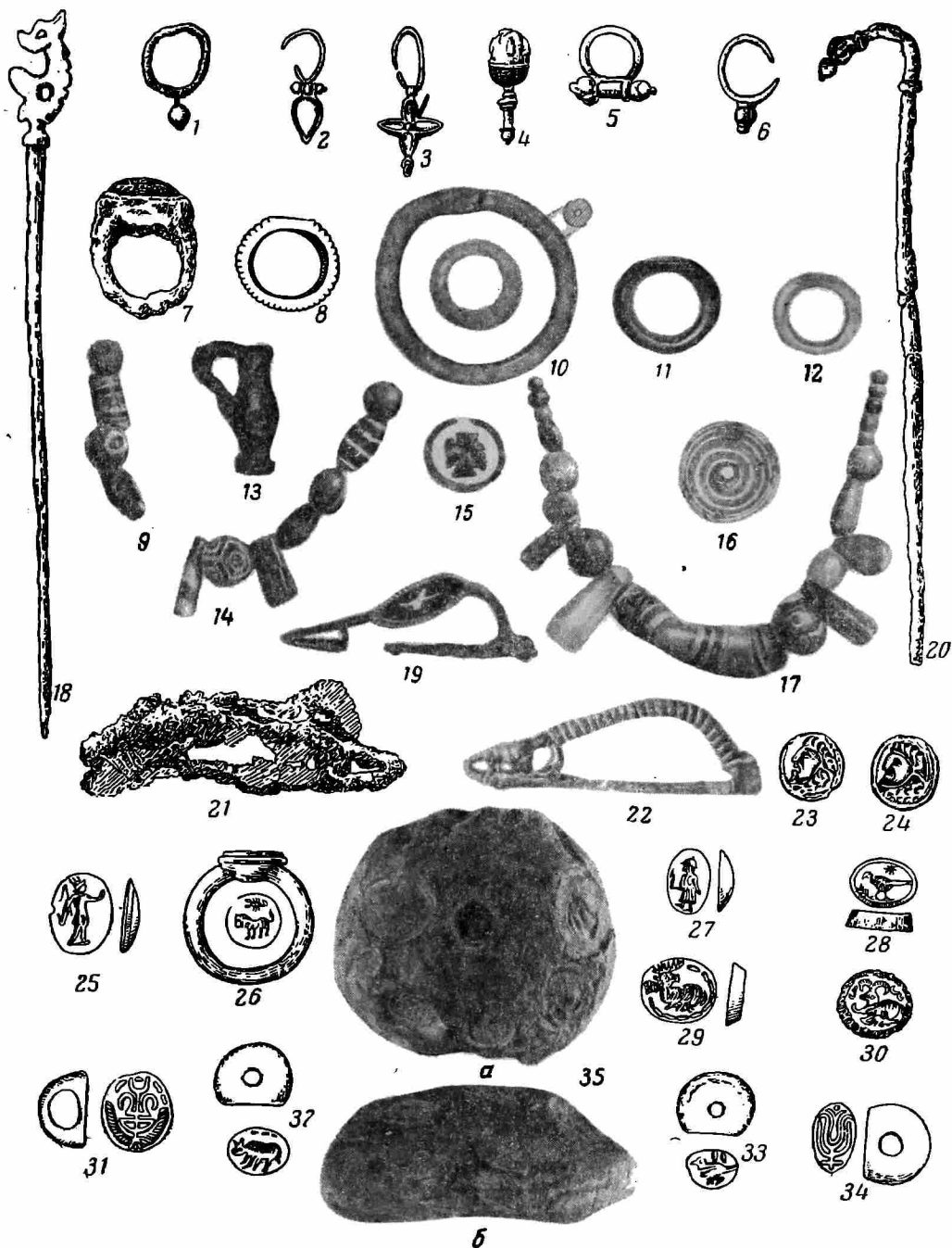

Рис. 29. Инвентарь катакомбных погребений (I—VII вв. н. э.):

1—6 — серьги серебряные, золотые, бронзовые; 7 — перстень бронзовый со стеклянной вставкой; 8, 9 — перстни стеклянные; 10 — браслет стеклянный; 11 — перстень сердоликовый; 12 — перстень костяной; 13 — подвеска из синего стекла; 14, 17 — бусы разные; 15 — перстень бронзовый; 16 — пряслице стеклянное; 18, 20 — булавки бронзовые; 19, 21, 22 — фибулы, бронзовая, железная и серебряная; 23—30 — изображения на вставках перстней-печатей; 31—34 — подвесные печати из серебра, халцедона, сердолика и гешира; 35 — булла с 12 оттисками печатей (а — вид сверху, б — сбоку).

Так, например, ранние погребения разрушены средними катакомбами, а погребения раннего и среднего — катакомбами позднего времени.

Суммируя сказанное, можно прийти к выводу, что развитие катакомбных сооружений на территории Мингечаура протекало от простых к более сложным формам; начальный этап одновременен периоду существования предшествующих типов захоронения, и катакомбы служат как бы их продолжением. Пример этого — кувшинные погребения¹, находимые в Мингечауре

¹ Обнаруженные Г. И. Ионе; см. его статью в этом выпуске (стр. 54 и сл.).

в подземных склепах, которые, повидимому, и представляют собой исходный пункт развития катакомб.

Сам обряд захоронения в катакомбах претерпел со временем ряд изменений. На протяжении нескольких веков изменялись не только формы катакомбных погребений, но и состав погребального инвентаря, о чем уже сказано выше.

В настоящее время на основании устных сведений, полученных от населения различных районов Азербайджана, нам удалось установить, что подобный тип захоронений обнаруживается на весьма обширной территории Азербайджанской ССР, главным образом в северных районах, включая сюда Кура-Араксинскую низменность и предгорные районы. Но пока здесь еще не произведены раскопочные работы, а потому характеризовать местные типы катакомбных погребений невозможно.

Перед нами стоит задача — путем раскопок проверить и уточнить полученные сведения и одновременно выяснить генетические и исторические связи мингечаурских катакомб с катакомбными погребениями Северного Кавказа, достаточно хорошо известными по раскопкам. Между катакомбами села Пседахи (Северный Кавказ) и мингечаурскими устанавливается некоторое сходство в устройстве; пседахские, так же как и мингечаурские, сооружались при помощи тесла, что отмечено в работе Е. И. Крупнова¹.

Материалы катакомбных погребений в Мингечауре, дополняемые археологическими памятниками из синхронных культурных слоев на территории поселений № 2 и 3, дают большие возможности для выяснения картины социальной структуры и экономической жизни населения Мингечаура этого периода. Судя по погребениям, в числе бедняков и людей среднего достатка выявляются ремесленники и земледельцы. В ряде катакомб, как уже говорилось, найдены ткацкие и другие инструменты ремесленников, а в некоторых случаях железные серпы и прочие сельскохозяйственные орудия. Следовательно, ремесло и земледелие были основным занятием жителей Мингечаура изучаемого периода.

О развитии ремесле особенно ярко свидетельствуют резные изделия из дерева, кости, цветных камней; металлические предметы: фибулы, брошки, серьги, пряжки, гребешки, зеркала, бусы, булавки и другие вещи, и особенно перстни-печатки, подвесные печати из различных минералов с очень тонкой гравировкой. Жители Мингечаура были не только хорошими ремесленниками, но и искусными мастерами художественных работ. Они весьма реалистично изображали людей, домашних и диких животных, птиц, растения и т. п.

Полученные материалы позволяют сделать заключение, что население Мингечаура в период катакомбных погребений (I—VII вв. н. э.) занималось не только земледелием, скотоводством, ремеслами, но и рыболовством и садоводством.

Как уже отмечалось, отдельные костяки в катакомбных камерах занимали особое место и сопровождалась значительным числом различных предметов, тогда как при других костяках вещей не было. Этот факт, по нашему мнению, свидетельствует об имущественном неравенстве людей при жизни. На этом различии вскрывается также и социальное их неравенство, которое, повидимому, нашло свое отражение и в различном положении и размещении захороненных внутри камеры. Помещенные в сидячем положении вокруг центрального скелета, повидимому, слуги или рабы.

Еще одним археологическим подтверждением наших выводов о социальном различии погребенных служат найденные печати и булла с 12 отти-

¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 187; см. также ОАК за 1896 г., стр. 160—163.

сками печатей-перстней. Печати вообще фиксируют юридические права, связанные с частной собственностью, прежде всего права собственников, т. е. верхушки господствующего класса, закабалившего массы крестьянства и городского населения (ремесленников). Письменные данные подтверждают такую роль и значение печатей. В летописи Албании приводится документ V в. — грамота времен царя Вачагана от 13 мая 488 г., в которой сказано: «К этому предписанию приложили перстни свои... все дворяне царя агванского приложили печати под этой грамотой»¹.

Таким образом, в период катакомбных погребений Мингечаур представлял собой более или менее крупный пункт со значительным населением, для которого характерны классовое общественное устройство и весьма высокая для своего времени культура.

¹ М. К а г а н к а т в а ц и. История Агван. СПб., 1861, стр. 65—69.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ У АУЛА ЖАКО В ЧЕРКЕСИИ

Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы провел летом 1952 и 1953 гг. археологические исследования в районе аула Жако Хабезского района Черкесской автономной области. Аул находится в гористой местности на первой террасе правого берега М. Зеленчука (левый приток Кубани), в 35 км к юго-западу от г. Черкесска. В 3 км севернее аула, на третьей террасе правый берег М. Зеленчука прорезан в направлении с востока на запад балкой Тамгацик¹. Территория, прилегающая к балке с юга (примерно в 4 км к востоку от М. Зеленчука), представляет собой плато, по которому тянется гряда холмов, заросших травой и низким кустарником. На этих холмах расположено ранне-средневековое поселение. Нами обследована его северная часть (шириной с востока на запад 300 м, длиной с севера на юг 450 м). Поселение продолжается и дальше на юг; общая длина его около 1 км.

Место для поселения выбрано как нельзя более удачно. Естественными преградами оно очень хорошо защищено от внешнего нападения (поселение находится в гористой, труднодоступной местности, на водоразделе). Территория удобна для земледелия и скотоводства — слой чернозема в ложбинах между холмами доходит до 1,2 м; окружающие нагорья служат прекрасным пастбищем для скота. Здесь много родников, ручьев, озер (явление — довольно редкое для водораздельных площадей южной, гористой части Черкесии). Есть соленые источники, необходимые для скота. Горы, примыкающие к поселению с востока, покрыты лесом (орех, дикая яблоня, груша, кизил и др.). Горы защищают место поселения от губительного восточного ветра — суховея.

Экспедицией обследовано четыре холма (условно названные Северным, Средним, Западным и Южным). В южной части Северного холма при строительных работах обнаружены «каменные фундаменты», черепки и кости животных. В северной части располагался могильник. Остатки каменных зданий, черепки, кости домашних животных открыты нами на Среднем, Западном и Южном холмах.

На Среднем холме, у его подножья с восточной стороны, экспедицией вскрыты остатки двух каменных построек. Одна из них (раскопки 1952 г.) — прямоугольная, почти квадратная в плане, размерам 3,6 × 3,2 м. Восточная ее стена образована двумя мощными, поставленными на ребро песчаниковыми плитами; три остальные стены, толщиной до 1,1 м, сло-

¹ Тамгацик (или дамгацик) по-черкесски маленькое тавро. Несколько южнее этой балки проходит балка Тамыгашко (большое тавро). На стенках пещер, расположенных по склонам этих балок, выцарапаны знаки таврения — тамги. Отсюда и название балок.

жены насухо из плохо отесанных брусков известкового камня. Высота сохранившейся части стены 0,65 м, пол земляной. Входные проемы находились в южных и северных стенах. Остатков печи или очага не обнаружено. В помещении и вокруг него найдено много отесанных камней и обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Повидимому, верхняя часть постройки была турлучной.

В 15 м к юго-западу от этой постройки нами обнаружены в 1953 г. развалины другого каменного здания, трапециевидного в плане (7,5 × 4,4 × 5,3 × 7 м), ориентированного с ЮЮЗ на ССВ. Сохранились только три стенки (стенка, ориентированная на ЮЮЗ, очевидно, сползла со склона холма при обвале земли в ложбину). Стены сложены насухо, очень небрежно, из плохо отесанных брусков известкового камня. Толщина стен 1,75—4,4 м, высота сохранившейся части стен 0,3—1 м. Вокруг стен обнаружен большой завал тесаных камней от обрушившихся стен. Обгоревшей глиняной обмазки не найдено, следовательно, здание было целиком каменное и довольно высокое. Пол, вымощенный каменными плитками, находился на глубине 1,4 м от поверхности земли и на 0,4 м ниже уровня материка. Остатков печи или очага не обнаружено. Повидимому, раскопанная нами нижняя часть постройки была полуподвалом. Диагональной перегородкой постройка разделена на две части. В одной из них (юго-западной) находилась овальная в плане яма (2 × 1,4 м), глубиной 0,7 м. Дно и стенки ее выложены плитками. Очевидно, яма предназначалась для хранения зерна. С запада к постройке примыкала мощеная дорожка.

В обеих постройках найдено очень много черепков глиняных сосудов, каменные земледельческие орудия: песты, жернова, зернотерки, ступа. Кости домашних животных (коровы, лошади, свиньи, овцы) и птицы (утки) во множестве обнаружены в постройке, открытой в 1952 г. В другой постройке костей было сравнительно немного, но в юго-западном углу ее собрано около двух ведер зерен дикого и культурного проса и конопли (?).

Третий из обследованных холмов — Западный. На северном конце его мы обнаружили в 1953 г. открытую замощенную площадь (48 м²). Здесь найдены черепки глиняной посуды и каменные земледельческие орудия.

На Южном холме в 1952 г. нами была раскрыта постройка полуземляночного типа, прямоугольная в плане (3,4 × 2,4 м). Северная стенка ее сложена насухо из каменных брусков, а остальные три — из поставленных на ребро песчаниковых плит. Выложенный плитками пол находился на 0,8 м ниже поверхности земли. Высота сохранившейся части стен 0,9 м. С южной стороны в постройку (сверху вниз) вела каменная лестница, высотой 0,75 м, следовательно, и в древности пол помещения был ниже поверхности земли на 0,75—0,80 м. И в этой постройке найдено около двух ведер дикого проса и несколько черепков глиняной посуды.¹

Керамический материал из обследованных частей поселения (а также из могильника, о чем — ниже) совершенно одинаков. Это черепки довольно крупных сосудов — горшков, кувшинов, мисок и больших сосудов, типа пифосов из серой глины или, реже, черной, красной и желтой. Глина с примесью белого песка и слюды, обжиг хороший; вся керамика сделана на круге. Стенки сосудов часто лощеные, гладкие, реже орнаментированные. Орнамент: рельефный — валики, пояски, шишечки, бугорки; врезанный — параллельные и пересекающиеся линии, зигзаги, треугольники со штриховкой косыми линиями; «ногтевой»; овальные ямочки; узоры, нанесенные лощением. Орнамент в виде врезанных черточек часто наносился и на верхней части бортиков сосудов (мисок с загнутыми внутрь краями). Ручки

¹ По данным раскопок 1954 г., на южном холме располагался могильник скифского времени (VI в. до н. э.).

кувшинов плоские или овальные в сечении, узкие, с прямоугольными углублениями или косыми врезанными полосками («ложновитые»); широкие с продольными бороздками. Иногда ручки имеют вид стилизованного зверька (как у кувшина из могилы № 2; рис. 30—1).

Керамика Тамгацикского поселения находит себе ближайшие аналогии в позднесарматских (III—IV вв.) и раннеаланских (IV—V вв.) комплексах Прикубанья, Крыма, Дагестана¹. Мы считаем поэтому наиболее вероятной датировкой для обследованной нами части Тамгацикского поселения IV—начало V в.

На Тамгацикском могильнике (северная часть Северного холма) было вскрыто пять могил. Наружных признаков погребений не было. На гду-

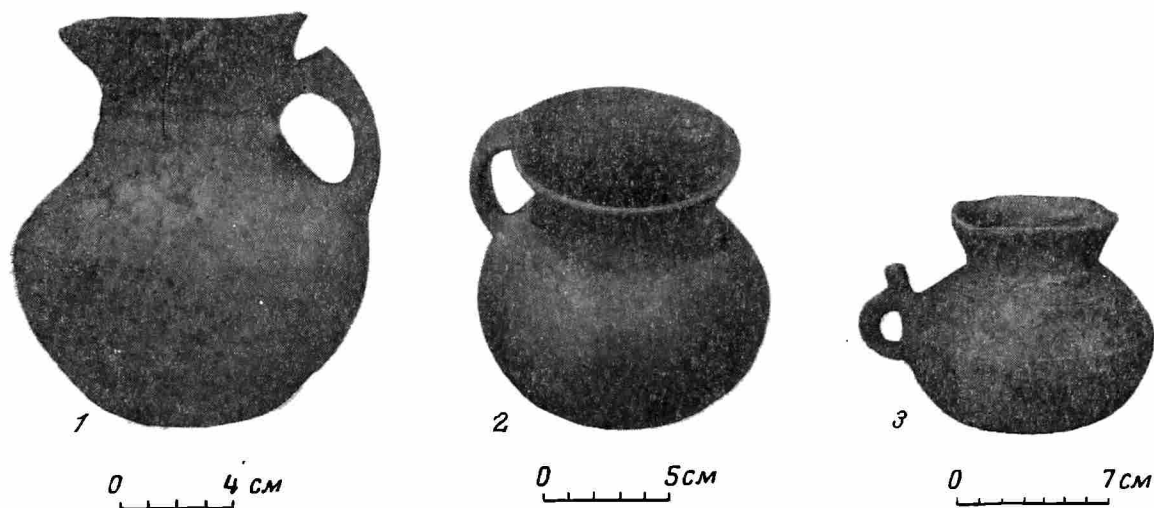

Рис. 30. Кувшины из погребений Тамгацикского могильника:

1 — из могилы № 2; 2 — из могилы № 4; 3 — из могилы № 5.

бине 1,2 м от поверхности земли лежали надмогильные плиты из камня-известняка длиной до 2 м, шириной до 0,9 м.

Непосредственно под плитами в грунтовой могиле на толстом слое глины помещался костяк, лежавший вытянуто на спине. Руки слегка разведены в локтях, кисти (одна или обе) на нижней части живота. В могилах № 1—3 и 5 ноги погребенных в голенях перекрещены (левая на правой). Ориентировка неустойчивая (на юг, юго-запад, чаще на запад). У костяка в могиле № 5 голени не перекрещены, бедренные кости перебиты, череп носит следы искусственной деформации. В головах погребенных лежали кости коровы и древесный уголь.

Из пяти вскрытых могил две мужские и три женские. В мужских могилах (в головах) железные кинжалы и овальные бронзовые пряжки с шипом (могилы № 2 и 5), стеклянная бусина (могила № 2).

¹ Формы сосудов (кувшины с шаровидным и сплюснуто-шаровидным туловом и зооморфными и «ложновитыми» ручками, миски с загнутыми внутрь краями и др.) характерны для всего позднесарматского мира, от Дагестана до Крыма. Столь же характерен и геометрический орнамент врезанными линиями. Ручки в виде стилизованного зверька, подобные тамгацикской, встречены в Пашковском могильнике № 1 (IV—V вв.), в Моздокском и Таркинском могильниках сарматского времени (см. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М—Л, 1941, табл. XXXVI, 22; XXXIX, 10; МИА, № 23, стр. 220, рис. 11, 13; КСИИМК, вып. XXXII, стр. 19, рис. 85, 10 и рис. 35, 24). «Ложновитые» ручки встречены в тех же могильниках (см., например, Таркинский могильник. МИА, № 23, стр. 220, рис. 11, 6; Моздокский могильник, Пятигорский музей краеведения). Ручки с продольными бороздками и ямочками очень характерны для крымских памятников III—IV вв. н. э. — Тиритака, Мирмекий (МИА, № 25, стр. 282, рис. 45, 3; стр. 264, рис. 15 и др.).

При женских костяках металлические зеркала — у правой тазовой кости (рис. 31—1), бусы, стеклянные, сердоликовые, янтарные, пастовые, халцедоновые — у правой тазовой кости и в верхней части туловища (могилы № 1 и 5), бронзовые туалетные инструменты (могила № 3), бронзовые фибулы — у правой тазовой кости и в костях грудной клетки (рис. 31—2), сердоликовая пряжка, астрагал, шиферная точилка. У тазовых костей справа или слева кувшинчики (рис. 30). В могиле № 2 при мужском костяке, кроме кувшина (у правой тазовой кости), найдена еще и миска (у левой тазовой кости).

Вещи, найденные в могилах № 1—3 и 5, ближайšie аналогии находят себе в инвентаре позднесарматских (III—IV вв.) и раннеаланских (IV—начало V в.) памятников Северного и Центрального Кавказа, Крыма, Украины и Поволжья.

Рис. 31. Вещи из погребения № 4 Тамгацикского могильника:

1 — зеркало из белого сплава; 2 — бронзовая фибула.

Так, зеркала, подобные тамгацикскому из могилы № 1, встречались в комплексах, относимых к раннеаланскому времени верховьев Кубани, Кабарды и Осетии¹. Серебряная пряжка из могилы № 1 подобна бронзовой из могильника Гиляч; сходная медная найдена в Алхастинской катакомбе II—III вв. Такие пряжки встречаются в Приуралье, в могильниках II—IV вв.² Бронзовые пряжки с иглой-хоботком, совершенно подобные тамгацикским, найдены в катакомбе № 6 могильника Байтал-Чапкан³, в могиле № 4 (IV—V вв.) Задалиска⁴. Вообще пряжки, подобные тамгацикской, широко распространены и характерны для памятников первой половины I тысячелетия н. э., как сармато-аланских, так и оставленных другими племенами⁵. Столь же характерны для этого времени и туалетные приборы и бусы⁶.

¹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, Ставрополь, 1950, рис. 17в; е'е же. Археологические памятники на р. Гиляч. МИА, № 23, стр. 278, рис. 5, 11; МАК, т. 1, табл. XXII, 106.

² МИА, № 23, стр. 285, рис. 12, 2; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, табл. VI, 8; К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 101, рис. 36, 3.

³ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. . ., рис. 72.

⁴ МАК, т. 8, 1900, табл. 81, 13, 14.

⁵ Пашковский 1 могильник (КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 158, рис. 51—5); катакомбы Суар-гом в Осетии; могильник у сел. Алды Грозненской обл. (ГИМ); могильник Суук-су в Крыму V—VI вв. (ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. X, 3, 4); Фанагория, II—V вв. н. э. (В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагория в 1938—1939, 1940 гг. МИА, № 19, стр. 201, рис. 9, 1, 2, 9); Украина, III—IV вв. н. э. (А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, стр. 60, рис. 5, 3, 6).

⁶ МАК, т. 9, 1904, стр. 145; МИА, № 23, стр. 278, рис. 5, 5, 13.

Очень показательна керамика. Кувшины с округло-приплюснутым туловом и с ручкой в виде стилизованного зверька, орнаментированные валиками или геометрическим узором из врезанных линий (рис. 30—1, 3) чрезвычайно типичны для позднесарматской культуры.

Таким образом, все предметы инвентаря тамгацких могил находят себе аналогии, с одной стороны, в комплексах позднесарматского времени II—IV вв. н. э., с другой — в комплексах раннеаланского, IV—V вв. Поэтому могилы № 1—3 и 5 Тамгацкого могильника, как и исследованные нами участки поселения, повидимому, следует датировать IV и, может быть, началом V в. н. э.

Комплекс могилы № 4 несколько отличен от вещей остальных четырех погребений. Фибулы «с подвязанной ножкой» (рис. 31—2), бусы, астралы встречаются как в сарматских, так и в аланских могильниках, начиная со II в. н. э.¹ Но зеркала с орнаментом, подобным тамгацкому (две концентрические окружности, пересеченные радиальными линиями, (рис. 31—1), и кувшины с «рифленным» туловом (рис. 30—2) появляются в аланских комплексах только с V в.² В памятниках более ранних, чем V века, кувшины, подобные найденному в могиле № 4, не известны. Повидимому, могила № 4 более поздняя, чем остальные, и относится к V в.

Все аналогии инвентаря Тамгацкого поселения и могильника ведут к сарматским памятникам, в частности к раннеаланским. Особенно важно для нас то, что удалось установить сармато-аланский характер обнаруженной нами керамики.

Анализ погребального обряда подтверждает наше предположение о сармато-аланской принадлежности погребенных. Голени погребенных (могилы № 1—3, 5) перекрещены, что чрезвычайно характерно для сарматских могильников Поволжья, Дагестана (Тарки), Среднего Прикубанья (Усть-Лабинский)³. Некоторые детали погребального обряда свидетельствуют о том, что тамгацкие погребения не вообще сарматские, а именно аланские (например, костяки лежали на толстом слое глины, покрывающей дно могилы, что типично именно для аланских могил)⁴.

Особенно наглядно виден процесс формирования собственно аланской культуры из общесарматской на примере несколько более поздней, чем остальные, могилы № 4. Форма могильного сооружения и обряд в общем те же, что и в других могилах, но голени погребенной не перекрещены, а череп деформирован, что свойственно уже для аланских погребений.

¹ Сарматские памятники Поволжья II—IV вв., например Норкинский могильник (ГИМ), сармато-аланские могильники окрестностей Пятигорска и Кисловодска IV—V вв. н. э. (Пятигорский музей краеведения), аланские погребения V в. Осетии (Задалиск, могила № 4 — МАК, т. 8, стр. 191, табл. 81, 9, 16), Кабарды (Мукуланский могильник V в. — МИА, № 3, табл. VI, 7) и другие.

² Зеркала, совершенно подобные нашему, найдены в Мукуланском могильнике V в. в Кабарде (МИА, № 3, табл. VI, 5) и в Сентинском могильнике V в. (раскопки И. А. Владимирова в 1899 г., ГИМ). Зеркала такого же типа найдены в Байтал-Чапканском и Гилячском могильниках (Т. М. Минаява. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 17в; МИА, № 23, стр. 283, рис. 5, 11). Кувшины типа найденного в могиле № 4 обнаружены в Байтал-Чапканском, Гилячском, Задалисском могильниках. Подобные кувшины найдены в Пятигорье (Пятигорский музей краеведения) и в могильниках V в. Кабарды, например в Мукуланском могильнике (МИА, № 3, табл. VI, 3).

³ КСИИМК, вып. XLV, стр. 89; МИА, № 23, стр. 170, 192; КСИИМК, вып. XLVI, стр. 13. Перекрещенность голеней, возможно, объясняется тем, что ноги покойника связывались ремнем или веревкой. Остатки ремня на перекрещенных голених сохранились в одном из сарматских погребений Джангалинского района Западного Казахстана (КСИИМК, вып. XLV, стр. 71). Костяки с перекрещенными голеними иногда встречались и в аланских погребениях (Т. М. Минаява. Могильник Байтал-Чапкан. . . могила № 14, рис. 20).

⁴ МАК, т. 8, стр. 167, 287, 296 — Лац, Галиат, Камунта в Осетии; КСИИМК, вып. XLVI, стр. 117 — Верхний Датых в Грозненской области.

Весьма веским доводом принадлежности тамгацких памятников именно аланам, а не сарматам вообще, может служить наличие керамического материала, совершенно тождественного тамгацкому, в нижних слоях заведомо аланских поселений Черкесии — Инжиччукунском, Адиухском, Ново-Кувинском, существовавших с IV по XII в.¹

Все изложенное позволяет предположить, что тамгацкие памятники принадлежат аланам, скрывшимся в горах от гуннских полчищ, хлынувших в Предкавказье в IV в. н. э. Аланы, в прошлом кочевники, не умели еще достаточно хорошо возводить каменные постройки (этим и объясняется небрежность в построении обнаруженных зданий), не умели возводить оборонительных сооружений вокруг своих поселений (стен вокруг Тамгацкого поселения не обнаружено). Поэтому они и поселились на водоразделе, в труднодоступной местности, а не в речной долине, издавна служившей путем для проникновения врагов.

Так как стен вокруг поселения не было, постройки располагались свободно, далеко друг от друга, без всякого плана. Столь же свободно располагались и могилы.

Собранный нами материал свидетельствует о том, что средневековые обитатели Тамгацкой балки занимались земледелием (жернова, ступы, зерна проса и конопли), скотоводством (кости коровы, лошади, свиньи, реже — барана), умели делать хорошую посуду, металлическое оружие и украшения. Имел место обмен (бусы и серебряные украшения, очевидно, были привозные). Христианство еще не было распространено, погребенные похоронены по языческому обряду.

Во второй половине V в. поселение перестало существовать вследствие какой-то катастрофы (следы которой мы обнаружили на Среднем холме). Очевидно, поселение было разрушено и сожжено враждебными племенами. Но возможно, что на не обследованных нами частях поселения жизнь продолжалась и в дальнейшем.

В самом ауле Жако, на северной его окраине обследован еще один грунтовой могильник. Наружных признаков погребений не было. Здесь раскрыто 15 могил, располагавшихся почти вплотную друг к другу. Они находились на глубине 0,35—0,40 м и представляли собой прямоугольные ямы, стенки которых были выложены прекрасно отесанными каменными плитами. Сверху могилы покрывались большими песчаниковыми плитами. Костяки лежали на спине, вытянуто; головой на запад, со скрещенными на груди руками (по христианскому обряду). Вещей найдено очень мало (бронзовые витые сережки в полтора оборота, бронзовые золоченые грушевидные пуговицы или подвески, колечки, сердоликовые и янтарные бусинки). По аналогии с инвентарем Адиухского могильника и поселения, находящихся в 9 км севернее аула Жако на том же правом берегу М. Зеленчука², исследованный нами могильник у аула Жако мы относим к X в.

В этот период аланы, научившиеся уже возводить мощные укрепления вокруг городищ, селились у рек, служивших торговыми путями. Густота населения была очень большая. Поселения располагались вблизи друг от друга (по берегу М. Зеленчука — на расстоянии не более полукилометра). Невольно вспоминаются слова арабского автора X в. Масуди о том, что в Алании густота населения столь велика и поселения так часты, что «если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве». Постройки и могилы (находящиеся в пределах поселения) располагались теперь вплотную, так как нужно было экономить каждый клочок земли, окруженный оборонительными сооружениями. В этот период аланы были христианами.

¹ Раскопки Т. М. Минаевой. Материал не издан. Хранится в Черкесском областном музее.

² Раскопки Т. М. Минаевой в 1951 г. Черкесский областной музей; КСИИМК, вып. 52, стр. 143.

В школьном дворе аула Жако экспедицией вскрыты два небольших кургана (диаметром 7 и 8 м) полушаровидной формы. Насыпь высотой до 1 м состояла из булыжника. Под насыпью, на уровне материка находился дубовый гроб, в котором на спине, в вытянутом положении, головой на запад лежал костяк. В мужском погребении найдено железное оружие (наконечники стрел, кинжал), кресало, кольца, берестяной колчан. В женском — серебряные спиральные серьги, железный кинжал, костяное шило.

По аналогии с подкурганскими погребениями кабардинского типа, известными от верховьев Кубани и рек Б. и М. Зеленчук до реки Аргун в Грозненской области, раскопанные курганы мы датируем XV в. и относим к кабардино-черкесской группе памятников. В школьном дворе имеется еще десять курганов кабардинского типа, а также очень большой (теперь уже разрушенный) курган, относящийся, судя по размерам и форме насыпи и по находкам бронзовых вещей в каменных гробницах, к эпохе бронзы.

В 6 км к юго-востоку от аула Жако, на высокой скале экспедицией осмотрены остатки квадратной в плане (6,1 × 6,1 м) каменной башни, именуемой Калеж (Древняя крепость). По рассказам местных жителей, две такие же башни имеются на скалах в 2 и 4 км к северо-западу от Калеж. С башни хорошо видна южная и юго-западная часть долины М. Зеленчука. По предварительным данным, башня относится к X—XIII вв.

Таким образом, в результате работ в 1952—1953 гг. обследованы совершенно не изученные ранее в археологическом отношении районы Черкесской автономной области и собраны новые важные материалы для истории Черкесии.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА

(в 1953 г.)

Как и в предыдущие годы, Пянджикентский отряд работал в 1953 г. в составе Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа¹.

Опубликованные в печати отчеты об археологических работах Таджикской археологической экспедиции на городище древнего Пянджикента, ведущихся систематически с 1946 г.², дают достаточно полное представление об этом незаурядном по значению памятнике культуры народов Средней Азии, в первую очередь согдийцев — предков таджиков. Поэтому в сообщении о результатах очередного раскопочного сезона нет нужды останавливаться на общей характеристике городища.

Считаем необходимым напомнить лишь, что оно представляет собой сложный комплекс, состоящий из цитадели (кухендиза), собственно города (шахристана), пригородного поселения и некрополя.

В 1953 г. работы проводились на территории шахристана и пригородного поселения.

В результате работ прошлых лет наметились общие вопросы, разрешение которых и составляет основную задачу исследования памятника. К ним относятся в первую очередь вопросы о социальном составе жителей древнего Пянджикента и об их занятиях. Важное место занимает изучение памятников искусства, что, в частности, связано с вопросом о религиозных представлениях жителей Согда, поскольку религиозные воззрения нашли отражение в памятниках материальной культуры и искусства. Постоянной задачей является также уточнение датировки всего комплекса в целом и отдельных находок.

Раскопки на шахристане. На территории шахристана продолжались раскопки двух строительных объектов (III и VI), работы на которых были начаты в прошлые годы. Кроме того, отряд приступил к исследованию двух новых объектов (IX и X).

Сравнительно небольшие по объему работы на объекте III имеют, однако, существенное значение. Здесь вскрыто четыре помещения (рис. 32):

¹ В работе отряда принимали участие М. М. Дьяконов — начальник экспедиции, А. М. Беленицкий — начальник отряда, старшие научные сотрудники В. Л. Воронина, Б. Я. Ставиский, младшие научные сотрудники Н. Негматов, А. Джалилов, О. Г. Большаков, А. М. Мандельштам, художник Ю. П. Гремячинская, архитектор Г. Лапир, реставраторы Е. Г. Шейнина, И. Б. Бентович, К. Г. Большакова и лаборанты — студенты Ленинградского, Московского и Сталинабадского университетов.

² Отчеты (до 1950 г.) опубликованы в МИА, № 15 и 37; за 1951 г. — СА, XVII; за 1952 г. — КСИИМК, вып. 55.

два жилых, обычных для объекта — квадратный в плане парадный зал (9 × 9 м) и сводчатое продолговатое помещение типа коридора, и два других помещения, которые, как выяснилось, были заняты мастерской, вероятно, по обработке металла и выделке оружия. Открытие подобной мастерской представляет большой интерес.

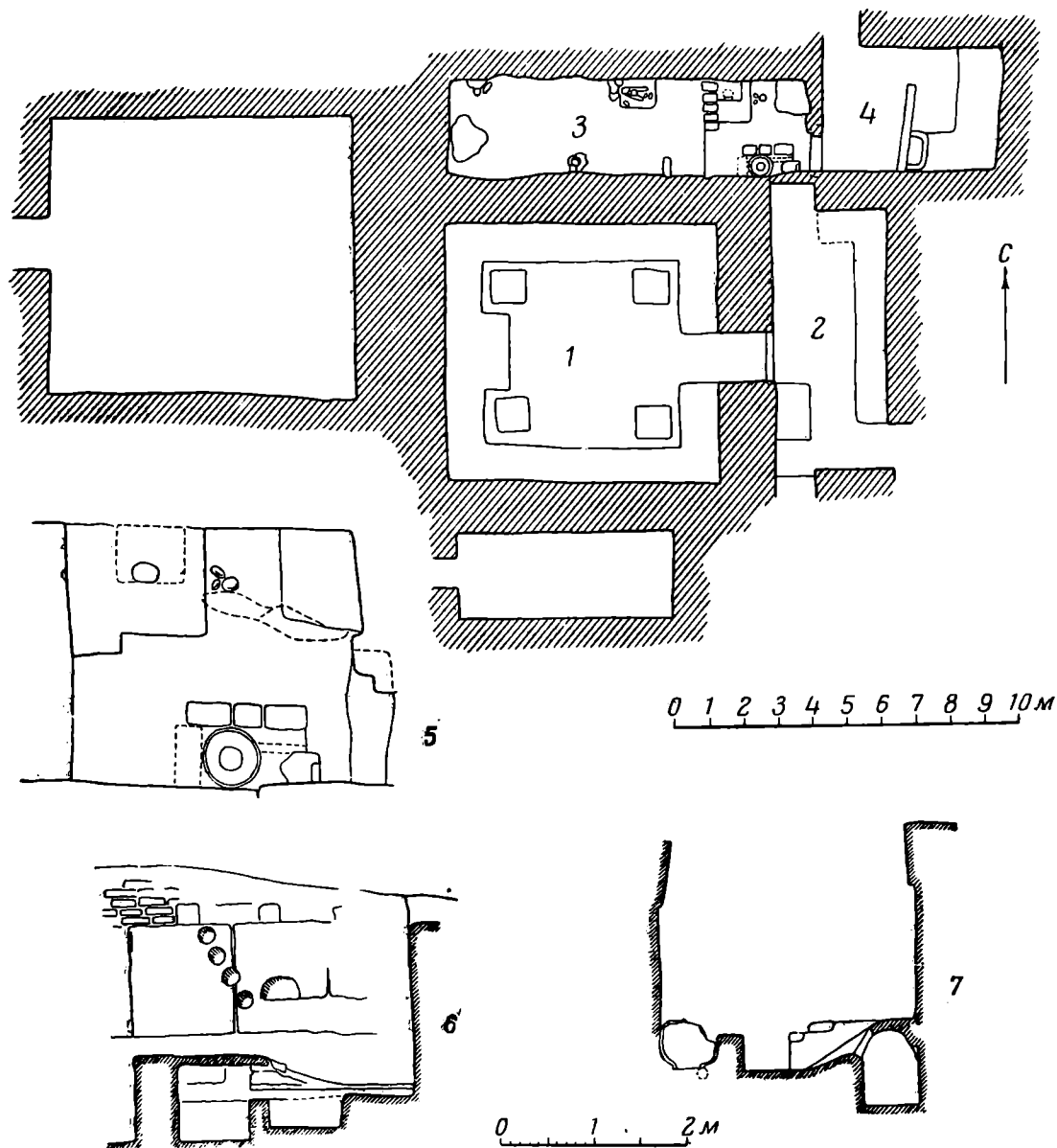

Рис. 32. Шахристан. Объект III.

Помещения, вскрытые в 1953 г.: 1 — парадный зал; 2 — коридор; 3, 4 — мастерская; 5, 6, 7 — план (5) и разрезы (6, 7) восточной части мастерской (помещение 3).

Первое из двух помещений, то, в котором производилась работа, представляет собой прямоугольную комнату (7,0 × 2,75 м), перекрытую некогда сводом. Часть свода уцелела в восточной части помещения. Стены сохранились, хотя и в очень плохом состоянии, почти на всю первоначальную высоту. Надпольный слой на большей части пространства мастерской включал много измельченного угля, накопленного, судя по уплотненности, в течение долгого времени. Пол неровный, со многими выбоинами и углублениями. У северной стены одно углубление облицовано сверху камнями, частично обвалившимися внутрь ямки. Над каменной выкладкой сохра-

нился небольшой участок глиняной прокаленной обмазки. У противоположной стены — вкопанная в землю, также обгорелая горловина хума, заполненная золой.

Наиболее интересны в устройстве мастерской остатки двух специальных довольно сложных сооружений в восточной части помещения (рис. 32—5). Первое из них, расположенное у южной стены, состоит из невысокой площадки, сложенной из сырцового кирпича. На западном ее конце был установлен вниз горловиной крупный хум (корчага) со срезанным дном. На месте сохранилась часть тулова, прислоненная к стене. В толще площадки от края к горловине хума шел узкий канал. Это сооружение, вероятно, является горном с воздухонагнетательным устройством.

Назначение второго, расположенного у северной стены сооружения менее ясно. Здесь также сложена площадка, но более высокая, чем первая. В толще ее оставлено прямоугольное в плане углубление ($0,75 \times 0,6$ м при высоте 0,8 м), идущее до пола помещения. Эта яма (или закромок) перекрыта уплощенным сводом, в котором сверху оказалась пробоина. Внутреннее пространство сооружения заполнено рыхлым лёссом и обломками кирпича. Остальная часть площадки глинобитная с толстыми прослойками измельченного угля, такого же, как и на полу помещения.

Не перечисляя всех находок, встреченных в мастерской, отмечу лишь наиболее характерные. Из керамических изделий, помимо фрагментов разных сосудов, была найдена круглая дисковидная подставка, очень сильно закопченная, и часть овальной ванночки. Обнаружено довольно много поделок из рога и кости (в том числе накладки от лука) и несколько железных предметов. Особенно интересны два двухканальных сопла, отличающиеся по внешней форме друг от друга. Одно из них — сильно прокаленное от длительного употребления, причем один рожок обломан в древности. Другое, видимо, или вовсе не было в употреблении, или же применялось так, что с горном непосредственно не соприкасалось. Среди находок отметим также обломок каменной литейной формы, сильно попорченный.

Второе помещение, меньших размеров, соединялось проходом с рабочей комнатой и имело выход наружу. Тонкой стенкой оно было разделено на две части: западная служила небольшими сенями; восточная, за перегородкой, была оборудована суфой и небольшим закромком. Возможно, что здесь производилась добавочная обработка изделий или их продажа, вернее, и то и другое. Полагать, что эта комната была жилой, нет основания. Перед нами, очевидно, одна из форм двухкомнатных мастерских, которые характерны и для средневековых мастерских Средней Азии. Повидимому, нами обнаружена металлообрабатывающая мастерская, возможно, производившая оружие. Факт открытия ее в составе помещений объекта III сам по себе чрезвычайно интересен.

Следует отметить, что мастерская находится на северном конце квартала. Дальше проходит неширокая улица, по другую сторону которой расположены жилые постройки.

Мастерская размещена в непосредственном соседстве с парадным залом крайней «квартиры» объекта III, несомненно принадлежавшей представителю военно-феодалной знати.

Сказанное позволяет предположить, что положение ремесленника, обосновавшегося непосредственно в жилом квартале знати, было в социальном отношении высоким. Повидимому, мастерская эта свободное ремесленника. Напомним, что открытая в 1952 г. в пригородном поселении стеклоделательная мастерская привела к аналогичному выводу.

Чрезвычайно интересны и результаты раскопок на объекте VI (рис. 33—1). За сезон 1953 г. здесь вскрыто семь помещений. Из них два парадных зала имели плоские перекрытия, остальные пять покрыты сво-

дами. Всего на этом объекте с 1951 г. вскрыто по нижнему этажу 15 помещений.

Из числа сводчатых помещений отметим две комнаты. Первая из них (на плане пом. № 9) замечательна тем, что она оказалась целиком оштукатуренной.

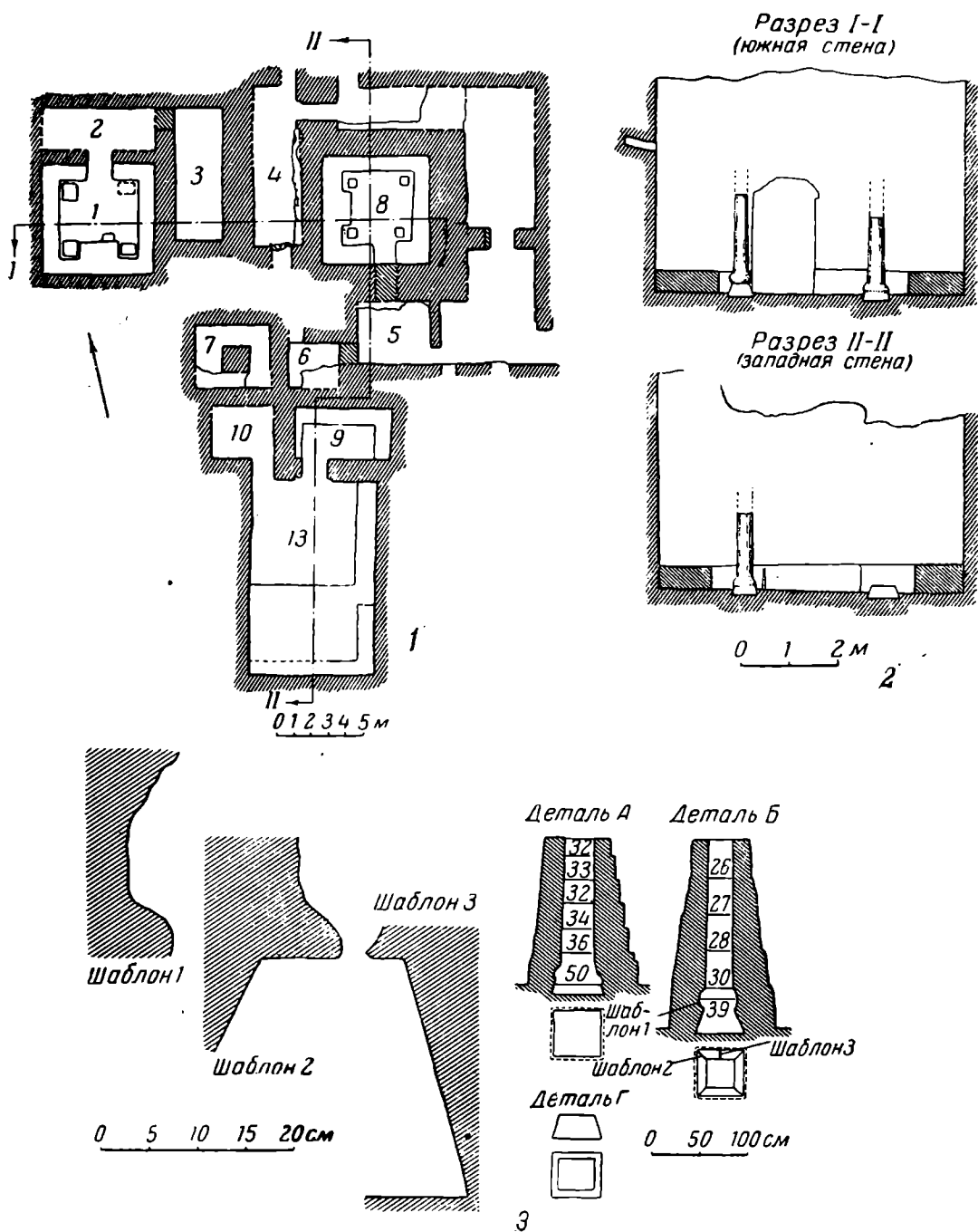

Рис. 33. Шахристан. Объект VI.

1 — план нижнего этажа; 2 — разрезы по южной и западной стенам помещения № 8; 3 — обмеры пустот от колонн.

туренной толстым слоем ганча, который покрывал не только стены, но и свод, суфы и пол. Вообще же для Пянджикента характерна лёссовая штукатурка с примесью мелко изрубленной соломы. Вторая комната (на плане пом. № 10) была богато украшена росписями, некогда покрывавшими и стены и свод. Роспись на стенах почти полностью погибла, однако на своде удалось зафиксировать крупный участок ее, дающий возможность реконструировать живописное оформление всего свода.

Наиболее ценные открытия сделаны в парадных залах. В первом из них (на плане пом. № 8) удалось установить размеры и форму баз и стволов трех колонн. Это оказалось возможным благодаря тому, что при разрушении зала колонны были засыпаны. После того как стволы деревянных колонн сгнили, в слежавшейся земле остались пустоты, заполненные более рыхлым грунтом. Пустоты замечены нами сверху и вокруг них были оставлены «футляры». Последовательные тщательные разрезы позволили восстановить форму колонн (рис. 33—2, 3), проследив ее до высоты около 2 м.

В связи с этими наблюдениями можно считать доказанным, что к данному времени установилась вполне определенная форма колонны. Особенностью колонн является база в виде усеченной четырехгранной пирамиды и ствол с шаровидным утолщением внизу, повидимому имитирующим форму горшка «куза», как эта часть и называется в настоящее время. Древняя среднеазиатская колонна напоминает североиндийскую, для которой также характерна эта деталь¹. Следует, видимо, признать, что наличие в храмах Пянджикента каменных баз другой формы не характерно для всего зодчества времени существования города. В гражданской архитектуре применялись колонны, целиком изготовленные из дерева.

В смысле общей планировки зал этот мало чем отличается от раскопанных в прошлые годы аналогичных помещений. Единственное его отличие заключается в расположении парадной суфы, которая обычно размещалась против входа. Здесь же вход в боковой по отношению к ней стене.

Существенно отличается по планировке второй зал (пом. № 13). При ширине в 7,25 м он достигает 11,5 м в длину. Южная его стена непосредственно примыкает к городской стене. Зал делится на две части: северную и южную, причем пол в южной половине его приподнят, как бы образуя возвышение, имеющее в свою очередь дополнительную суфу с южной и отчасти восточной стороны. О характере перекрытия можно судить только по аналогии с другими подобными помещениями. Оно было, вероятно, плоским и покоилось на столбах. Но следов от колонн и баз при раскопках не найдено. В центре пола зала обнаружены следы кострища, что дает возможность говорить о люке для прохода дыма. Через этот же люк в потолке проникал и дневной свет. Других проемов, через которые помещение могло освещаться, не обнаружено.

Необходимо отметить и другие интересные детали в устройстве зала: это облицовка суф и стен обожженными плитками (34 × 24 см) и применение камышевой подкладки под штукатурку на тех участках, где имелась плиточная облицовка.

Стены обоих зал были покрыты росписями, от которых сохранились лишь небольшие фрагменты, представляющие тем не менее весьма большой интерес.

Объект IX, раскопки которого начаты в 1953 г., расположен в северо-восточном углу шахристана (рис. 34). Все здание раскопать за один сезон не удалось и окончательно охарактеризовать его пока невозможно. В восточной части здание было двухэтажным, здесь прекрасно сохранилось устройство наклонных сводов в «лестничной» клетке.

Из полностью раскопанных помещений следует особо отметить продолговатый уступчатый в плане зал 10,5 × 5,8 м (пом. № 6). По планировке он напоминает помещение 13 объекта VI. В южной, более узкой части пол приподнят, образуя возвышение.

Отличают это помещение и некоторые детали оформления стен: обнаружены ряды ниш, чего до сих пор не наблюдалось в жилых помещениях

¹ Ср. исследование индийского ученого А. Сомогасвами. *Yaksas*, part II. Washington, 1931, стр. 61 и сл.

Пянджикента. В других зданиях изредка встречались лишь одиночные ниши.

К числу особенностей следует отнести ряды гнезд от деревянных полу-круглых в сечении балочек у основания сводов. Во многих углублениях

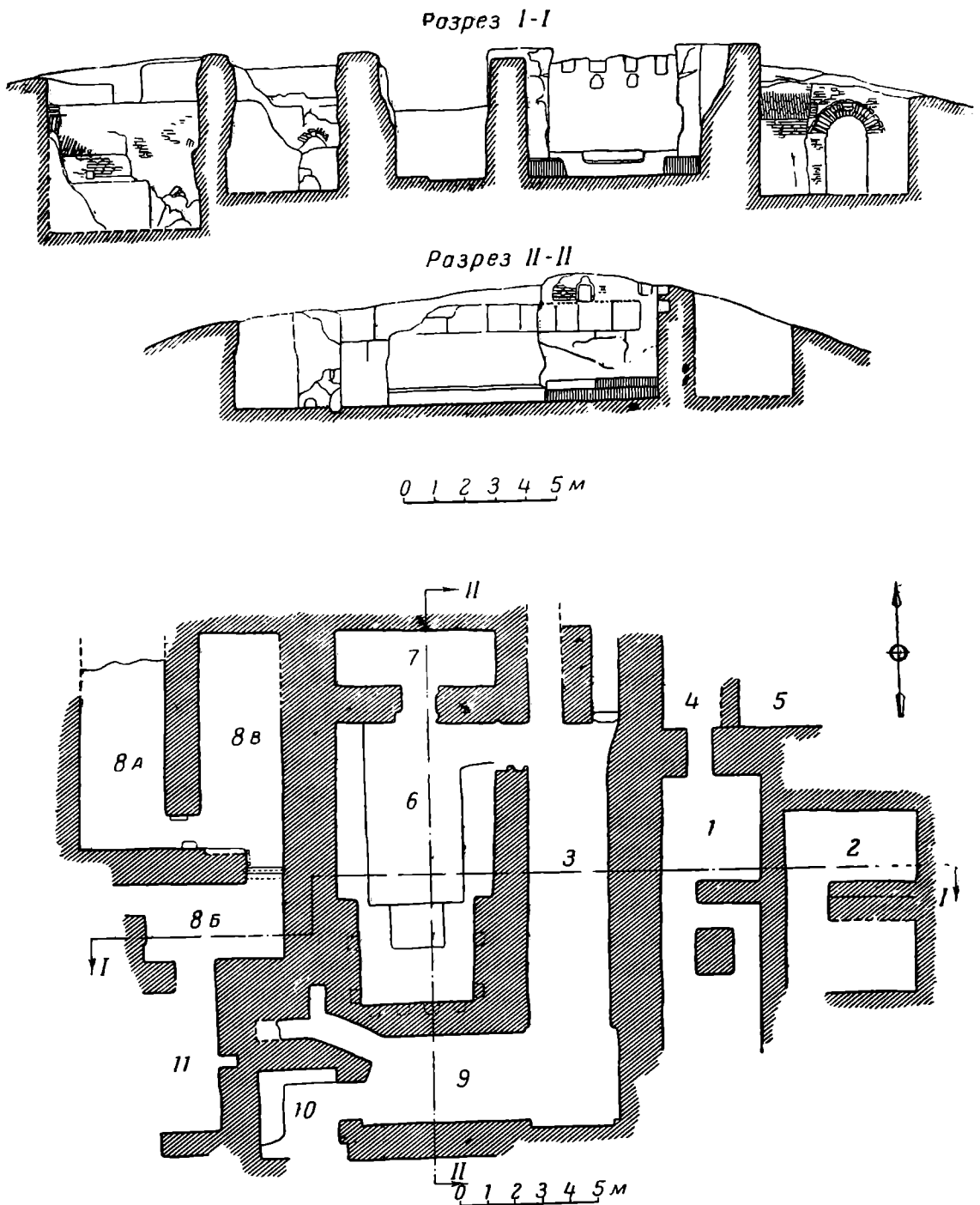

Рис. 34. Шахристан. Объект IX. План и разрезы.

обнаружена деревянная труха. Служили ли они поддержкой для полок или сплошных настилов, — вопрос, на который пока нельзя дать ответ. Помещение было соединено проходом с небольшой сводчатой комнатой на севере и другим проходом с более обширной, но также сводчатой комнатой, прилегающей с востока, которая непосредственно переходит в обширное помещение, идущее к ней перпендикулярно. Загадочна отходящая под углом

к этому помещению узкая сводчатая комнатка с «отростком» в западной части, полностью в текущем году не раскопанная.

К западу расположены три сводчатые помещения, связанные между собой проходами. Выход наружу есть в южной стене, вероятно в небольшой, окруженный стеной, дворик. В некоторых помещениях отчетливо прослеживается вторичный период жизни; сохранилось довольно много весьма характерной посуды серого цвета, главным образом кухонной. На нескольких фрагментах обнаружена надпись арабскими буквами, которая может быть датирована по палеографическим признакам IX—X вв. Надпись свидетельствует о принадлежности керамики этого типа обитателям, ютившимся в развалинах дома уже после того, как город прекратил свое существование.

В 1953 г. начато обследование городской площади, расположенной между храмами и третьим зданием. Этот пункт раскопок обозначен как объект X. Работы этого года, небольшие по масштабу, имели целью изучение собственно городской планировки. Исследован вал, разделяющий площадь на две части. Насколько можно судить, вал представляет собой развалины весьма длинной крытой галереи (типа айвана), стены которой были некогда покрыты росписью. Возможно, что это остатки торговых «рядов».

Раскопан был также небольшой участок между объектами III и IX, где вскрыт участок улицы шириной около 5—6 м, частично как будто замощенной булыжником.

Раскопки в пригородном поселении. В пригородном поселении работы были начаты в 1951 г. и продолжены в 1952 г. За эти годы раскопано четыре жилых дома. Полученный материал дал довольно полное представление о типе жилища в пригороде, планировке, архитектуре и технических приемах строительства. Установлено с полной очевидностью, что пригородное поселение синхронно с шахристаном. Открытие при одном из домов стекольной мастерской, а также некоторые другие находки, позволили утверждать, что жители, наряду с сельским хозяйством занимались и ремеслами.

Развитый план жилых построек, их фундаментальность и размеры позволили сделать вывод, что в каждом доме жила сравнительно небольшая семья свободного ремесленника или земледельца.

В 1953 г. в пригородном поселении раскопки велись уже на восьми пунктах.

В двух пунктах вскрыты жилые здания. Одно из них (№ 6) состоит из трех комнат. После пожара оно частично перестроено — возведены ремонтные стены, нарушившие первоначальный план. В связи с этим дом в том виде, в каком он вскрыт, несколько отличается по планировке от других исследованных экспедицией жилых зданий; не обнаружен пандус для подъема на крышу, имеющийся во всех жилых домах; новой деталью, не отмеченной в остальных зданиях пригородного поселения, является наличие, в одной из комнат, облицованной кирпичом суфы, идущей вдоль всех стен. Эта деталь определяет, по видимому, назначение помещения в качестве «гостиной» (михмон-хона).

Превосходным образцом загородного жилища может служить второй дом, раскопанный в 1953 г. (рис. 35). Расположенный поодаль от центра поселения, он сохранил практически все необходимые для его реконструкции детали внутренней планировки. Дом состоит из четырех помещений. Вход в него с северной стороны. Удлиненная первая комната служила по всей вероятности кухней и столовой, о чем свидетельствуют сильно прокаленный в ряде мест пол, суфа, остатки посуды, костей, золы и пр. Проемы в западной стене вели в две жилые комнаты. Боковые суфы, очень твердый пол, стенная ниша в одной из них — все свидетельствует о жилом характере помещений.

Южная половина первого помещения была занята пандусом, ведущим на крышу. Как и в других домах, часть массива пандуса была использована для устройства сводчатого помещения типа кладовки, причем в западной стенке проделан проем — вход в четвертое помещение, оказавшееся наиболее интересной для нас частью дома.

Его планировка такая же, как и других помещений. В частности, суфа расположена, так же как и во второй и третьей комнатах, у южной стены. В западной части вскрыта обширная яма, а рядом с нею прямоугольное углубление в форме ванны. И то и другое тщательно обмазано толстым слоем ганча.

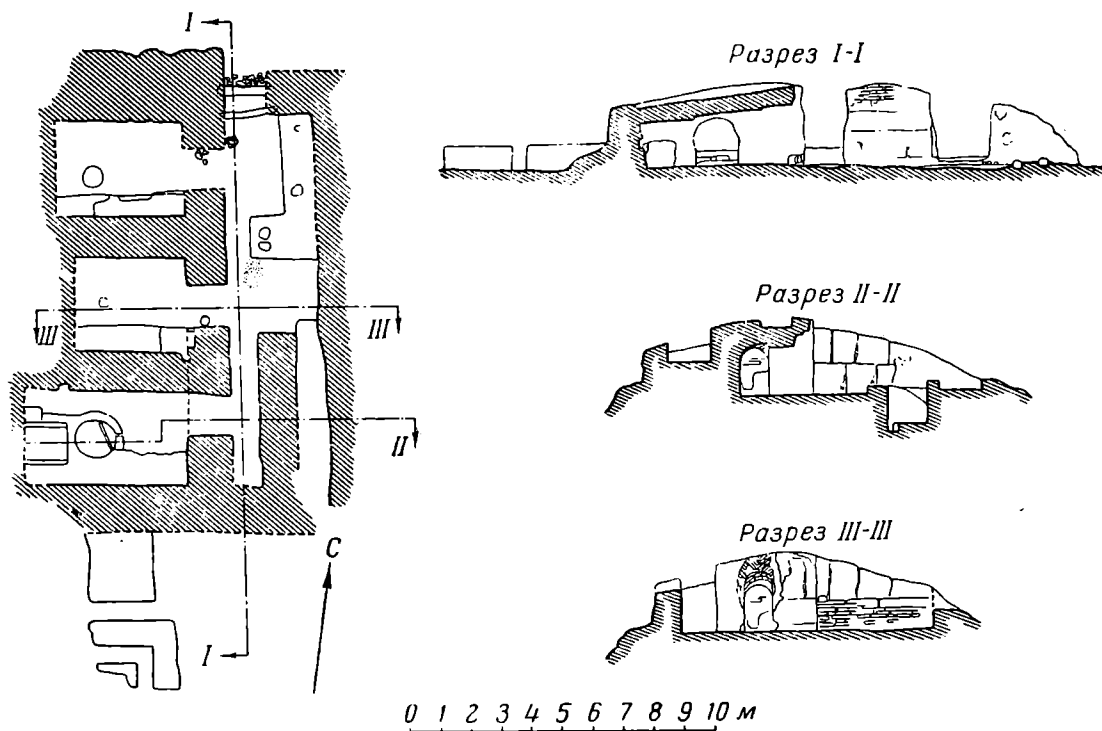

Рис. 35. Пригородное поселение. План и разрезы здания № 9.

Чрезвычайно интересно заполнение ямы. Сверху, как и по всему полу, лежал толстый слой перегорелой черной земли — результат более позднего использования помещения, вероятно, случайными обитателями. Под слоем горелой земли яма была заполнена разбитой посудой, причем оказалось, что в большинстве случаев из обломков собираются целые сосуды. Иначе говоря, в яму, как можно предположить, были сброшены сосуды, находившиеся в комнате. Очень характерен и состав их. Это хумы, кувшины, чаши и т. д.

Устройство ямы тоже необычное. В дне, несколько наклонном, сделано добавочное углубление, отчего яма в разрезе имеет как бы ступенчатую форму. После тщательного исследования стенок ямы был обнаружен, вначале незамеченный, сток или канал, которым ванна соединялась с ямой. Стенки канала также оштукатурены. Стало очевидным, что перед нами не что иное, как винодельня. В ванне выдавливался сок из винограда; по стоку он попадал в яму и в ней отстаивался (см. рис. 35, разрез II—II). Углубление, устроенное на дне, обеспечивало отстойку вина. Комната представляла собой одновременно и давальню и винный погреб, так как, несомненно, разбитые сосуды, обнаруженные в яме, происходят из этой же комнаты.

Это второй случай обнаружения такого рода сооружений на территории Средней Азии. Первая винодельня раскопана на городище древнего Са-

рыга в Киргизии в 1940 г. и датируется XI веком¹. Пянджикентская винодельня безусловно относится ко времени до арабского завоевания, она старше сарыгской по меньшей мере на три-четыре века и по устройству значительно отличается от нее. В сарыгской — приемником-резервуаром для сусла служит вкопанный в землю хум, а не тщательно устроенный специальный резервуар. В этом отношении винодельня древнего Пянджикента ближе по устройству к античным винодельням причерноморских городов, где виноделие имело промышленное значение и стояло на очень высоком техническом уровне². Вместе с тем устройство в резервуаре-приемнике специального отстойника свидетельствует о специфической местной традиции. Отличается пянджикентская винодельня от причерноморских и сарыгской наличием ванны для давления. В последних ее заменяли цементированные площадки.

Некоторые особенности устройства пянджикентской винодельни могут быть прослежены в устройстве давилен недавнего прошлого Самаркандского района, так называемых «чорхишт», предназначенных для изготовления виноградной патоки («шинни», или, вернее, «ширини»). Здесь также устраивалась специальная ванна, но вместо одного резервуара-приемника с отстойником делалось два, причем во второй виноградный сок переливался после того, как он очищался от мяжи, отстаиваясь в первом резервуаре³. Отметим, что в современном названии «чорхишт» сохранилось, повидимому, согдийское слово «чорхушт»⁴, означавшее винодельню. Слово это сохранилось в древнейшем словаре таджикского (персидского) языка XII в.⁵

В целом, устройство винодельни свидетельствует о весьма высоком уровне культуры виноделия. Интересно это открытие и в другом аспекте. Размер ямы рассчитан на производство по крайней мере 1,5—2 тыс. литров вина. Соответственно можно судить и о большом развитии виноградарства.

Помимо раскопанных жилых домов, в 1953 г. на периферии пригородного поселения проведены раскопочные работы в пяти других пунктах. Результаты оказались несколько неожиданными. Во всех вскрытых сооружениях обнаружены остатки захоронений. В четырех пунктах это были специальные наусы. В одном случае для захоронения использовано, видимо, опустевшее жилое помещение.

Обнаружение наусов вне территории собственно некрополя имеет существенное значение для решения вопроса об обряде захоронения. Вполне очевидно, что строгий зороастрийский ритуал в Пянджикенте не применялся. Достаточно отметить, что некоторые из наусов находятся в непосредственной близости от водных протоков, некогда орошавших эти места. Все наусы, как и на некрополе, разрушены и ограблены в древности. Находок немного. Но все же некоторые из них следует отметить. Интересно на одном из оссуариев изображение крылатого гения: отчетливо видна форма его головного убора (рис. 36—1). Находка, насколько известно, уникальна. До сих пор на оссуариях изображения крылатой человеческой фигуры не встречались.

Интересен фрагмент налепа, изображающего женскую полуобнаженную фигуру танцовщицы (?) (рис. 36—2).

Одновременно с раскопками новых объектов велись работы и на ранее раскапывавшихся объектах. Был исследован участок улицы между первым

¹ МИА, № 14, стр. 44.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 103 и др.

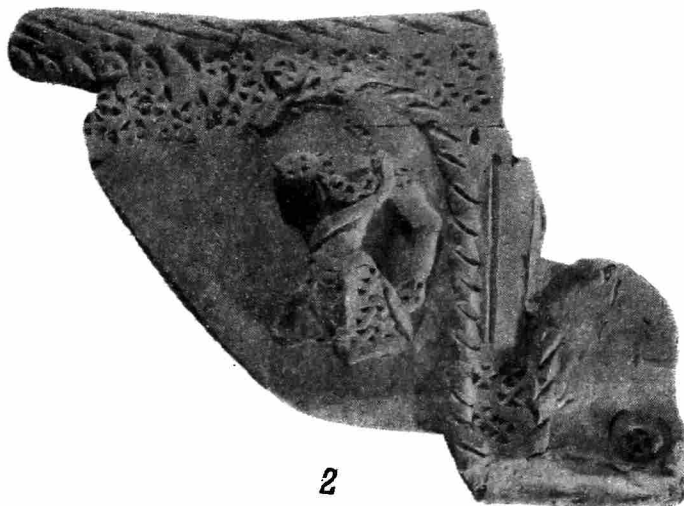
³ М. В. В и р с к и й. Виноградарство Самаркандского уезда, Самарканд, 1903.

⁴ На согдийское происхождение слова «чорхушт» любезно указал мне В. А. Лифшиц.

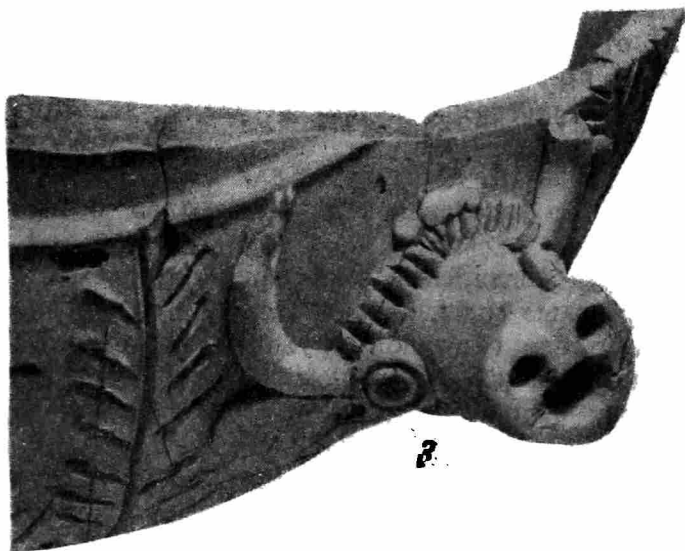
⁵ Lugat-i-furs. Тегеранское издание, стр. 41.

1

2

3

Рис. 36. Предметы из раскопок в Пянджикенте:

1 — фрагмент оссуария с изображением крылатого гения; 2 — фрагмент оссуария с изображением полуобнаженной женской фигуры; 3 — фрагмент глиняного сосуда со сливом в виде головы быка.

и четвертым домами, вскрыты развалины хозяйственных построек, принадлежавшие к третьему дому.

Во время дополнительных раскопок стеклоделательной мастерской, открытой в 1952 г., обнаружены бракованные изделия и отходы производства, подтвердившие назначение этого помещения.

Находки. Охарактеризовать в краткой статье все находки, сделанные во время раскопок, трудно. Как всегда, обильны глиняные изделия. На основании наблюдений 1953 г. можно стратиграфически выделить две группы керамических изделий, из которых одна относится к периоду до разрушения города, а другая к несколько более позднему времени, вероятно, к началу IX в. Среди бытовой посуды отмечен ряд новых форм, найдено несколько замечательных отдельных предметов, например, крупный сосуд с елочным орнаментом и прекрасно оформленным сливом в виде головы быка (рис. 36—3).

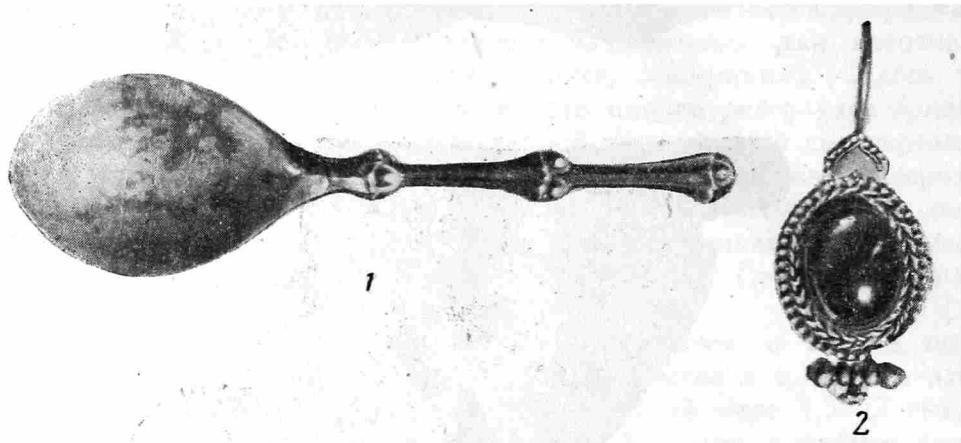

Рис. 37. Серебряная ложечка (1) и золотая серьга (2) из раскопок в Пянджикенте.

Железных изделий, сохранивших форму, сравнительно мало. Отмечу лишь находки железных ножей, наконечников стрел, гвоздей, костылей и пр. Из числа других металлических изделий следует отметить миниатюрный бронзовый котелок и прекрасную серебряную ложечку с ручкой, оформленной в виде отростка виноградной лозы с характерными «междоузлиями», найденную в пригородном доме № 9 (рис. 37—1). Прекрасный образец ювелирного мастерства представляет собой золотая «разборная» серьга с самоцветами (рис. 37—2).

Изделий из рога и кости, обычных для городища Пянджикента, в 1953 г. не встречено, но заготовок этих материалов, особенно в мастерской, сделано много.

Небольшая коллекция согдийских эпиграфических памятников, найденных на городище в прошлые годы, обогатилась еще одной новой надписью, сделанной тушью на стенке глиняной кружки. Надпись состоит из пяти строчек. К сожалению, на обнаруженном нами фрагменте сохранились только начальные части строк. Концы строк размещались на отломанной в древности части сосуда, пока не найденной. Впервые в Пянджикенте встречены арабские надписи. На обломках трех сосудов обнаружены сделанные до обжига надписи; каждая из них состоит из одного арабского слова «сахав», обозначающего «щедрость».

Особое значение, как и в предшествующие годы, имеют находки монет.

Из 109 собранных в 1953 г. монет, по определению О. И. Смирновой¹, 83 согдоязычных, 21 арабоязычных, 4 монеты Бухархудатов, 1 кушанская.

¹ Подробнее см. в работе О. И. Смирновой в настоящем выпуске.

Монеты с согдийской легендой, как и монеты Бухархудатов, датируются кануном арабского завоевания и характеризуют период расцвета Пянджикента. Монеты арабского времени (вторая половина VIII в.), как и фрагменты посуды с арабской надписью, характерны для культурного слоя, образовавшегося в результате вторичного использования случайными жителями отдельных разрушенных помещений.

Монету кушанского времени и небольшую серебряную монету (обол?), к сожалению, до сих пор четко связать с определенным культурным слоем не удалось. Несмотря на редкость находок аналогичных монет, которые датируются приблизительно первыми веками нашей эры, они все же, видимо, не случайны в Пянджикенте. Выявление более ранних слоев следует считать очередной задачей работ в Пянджикенте.

В 1953 г. сделаны важные новые открытия в области живописной культуры древнего Пянджикента. Новые образцы живописи открыты в трех помещениях (объект VI). Несмотря на то, что сохранилась незначительная часть живописного покрытия стен, росписи представляют громадную научную ценность для истории и истории культуры.

Зал № 1¹. Здесь в 1953 г. открыт небольшой участок живописи в северо-восточном углу. На обеих стенах (северной и восточной) сохранилась часть, вероятно, единой батальной сцены. На северной стене изображены воины-всадники, направляющиеся влево. Наиболее интересно здесь изображение двухколесной колесницы, похожей на арбу, кузов которой огражден решеткой. В проеме решетки видна фигура сидящего на скрещенных ногах человека, одетого в цветной кафтан. Хорошо передана конструкция ободов, состоящих из отдельных сегментов.

На восточной стене изображен ряд пеших воинов. Четко видна рука воина, стоящего с поднятым вверх обнаженным мечом. Это первое изображение меча без ножен на пянджикентских росписях. Хорошо передан способ держания меча; клинок, насколько можно судить, двулезвийный.

Зал № 8. Следы росписи здесь сохранились на западной и северной стенах. Северная внизу была окаймлена невысоким фризом. На западном конце северной стены открыта часть многофигурной сцены, от которой сохранилось только четыре фигуры. Особый интерес представляет крайняя фигура справа (голова не сохранилась): обнаженное тело передано синим цветом, на груди перекрещиваются две перекинутые через плечи перевязи; одна из них увешана бубенцами². Такой формы бубенцы из бронзы нередко встречаются во время раскопок. Кроме того, на шее привешен колокольчик. Возможно, что это изображение танцовщицы (рис. 38).

Помещение № 10 — сводчатое. Впервые здесь обнаружена живопись именно на своде. Другого случая живописного покрытия свода комнаты пока мы не знаем. На крупном участке свода живопись сохранилась сравнительно хорошо. Удалось выяснить основной элемент (раппорт) росписи. Свод был расписан по белому фону составляющими сетку ромбами, в центре которых располагалось схематическое изображение цветка, переданного черной, красной и желтой красками (рис. 39). К сожалению, разобрать характер росписи на стенах не удалось. Лишь в одном месте около пяты свода сохранился частично рисунок женской головки.

Бесспорно, важнейшим открытием следует признать росписи в помещении № 13, где по крайней мере три стены были покрыты росписью, которая сохранилась на двух из них — северной и западной.

На северной стене можно различить две сцены. На первой — группа всадников, направляющихся сомкнутым строем вправо. Новое в этой компо-

¹ Зал вскрыт в 1951 г. Обработка настенных росписей в помещении в основном произведена в 1951 и 1952 гг.

² Публикуемые фотографии сделаны с копий художника Ю. П. Гремячинской.

зидии — идущий вслед за всадником слон. Изображение лиц участников и многие детали не уцелели.

На второй — изображена группа музыкантов (рис. 40). Несмотря на плохую сохранность живописи, фигуры и музыкальные инструменты улавливаются вполне определенно. Изображены три музыканта — молодых человека, сидящих на ковре. Форма двух инструментов не вызывает сомнения. Один из них струнный инструмент типа лютни; другой известен нам по изображению в зале № 1; это своеобразный тип арфы, встречающийся

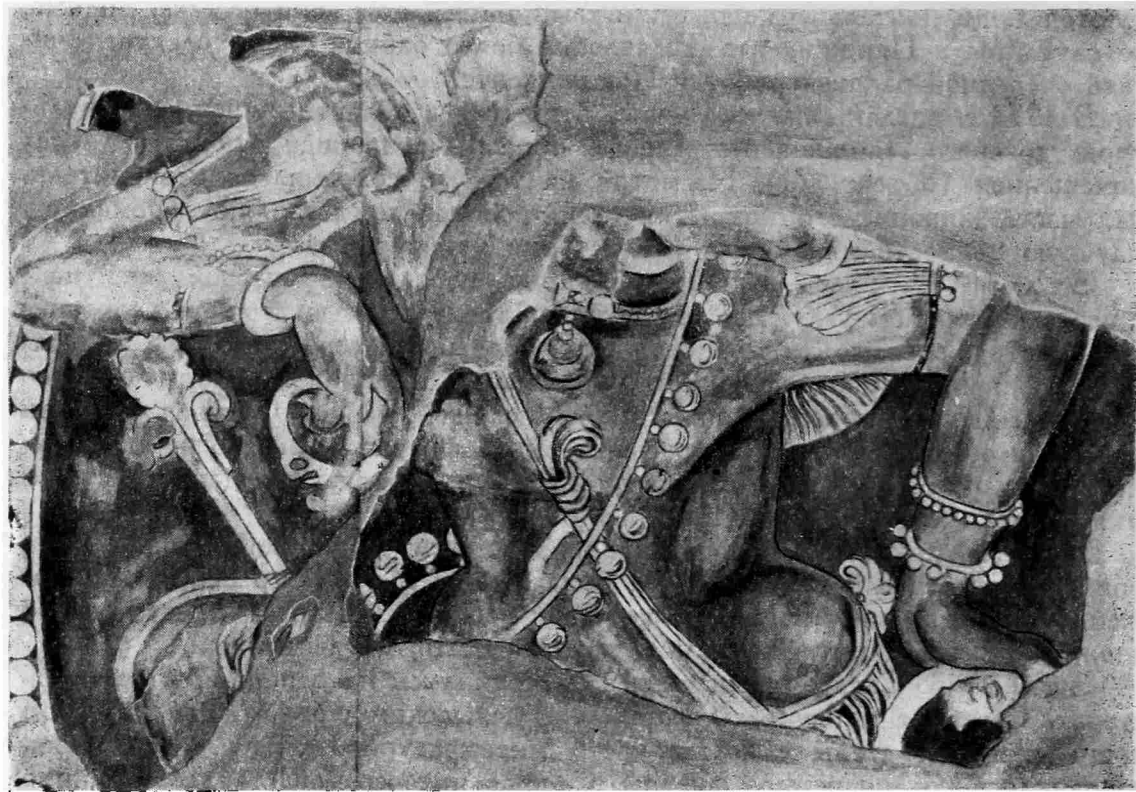

Рис. 38. Фрагмент росписи с изображением сидящей женщины с бубенцами (помещение № 8).

очень редко в изобразительном искусстве. Форма третьего инструмента не ясна. Он несколько напоминает свирель Пана, хотя с полной определенностью утверждать это нельзя.

Очень интересен фрагмент, открытый на западной стене помещения. Это лучший образец пянджикентской живописи и по своей сохранности (рис. 41). Центральное место в картине занято двумя фигурами играющих на доске в какую-то игру. Доска разделена на два поля, в каждом поле имеется по три ряда клеток. По всей вероятности, изображенная игра — один из видов нарда. Во время раскопок здания найдена часть игральной кости. Целая игральная кость (деревянная) встречена на горе Муг.

О том, что игра в нарды в Средней Азии была широко распространена, имеется очень любопытное письменное свидетельство, современное нашим росписям, относящееся к эпохе арабского нашествия¹. Поэтому во включе-

¹ См. Табари. *Annales*, II, стр. 1613. Табари, сообщая под 737 г. о событиях, приведших к распаду Тюркского каганата, передает рассказ о соре, возникшей между предводителями тюрков во время игры в нарды.

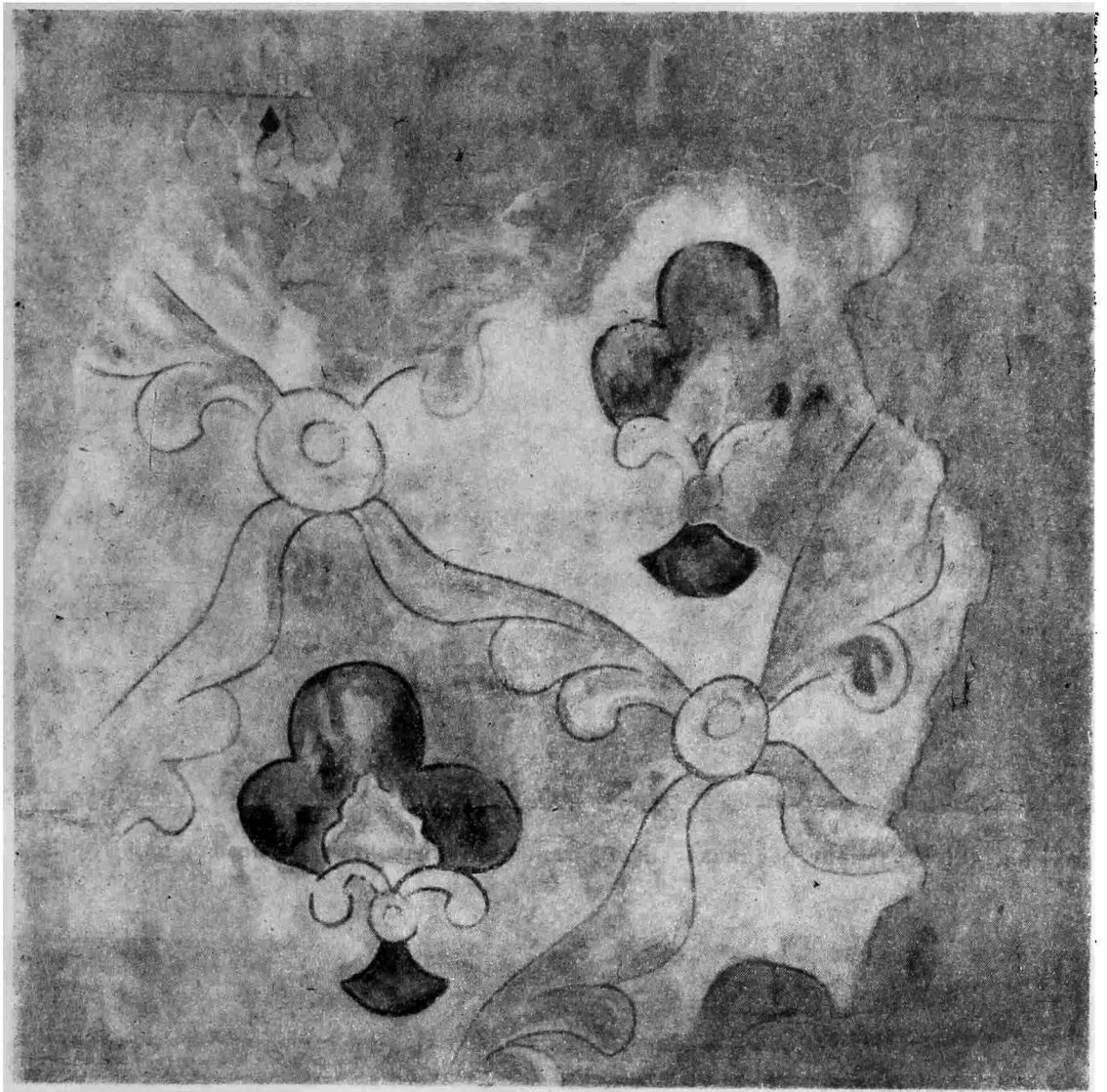

Рис. 39. Фрагмент росписи плафона в помещении № 10.

ним такой сцены в сюжете росписи нет ничего удивительного. Но вместе с тем считать ее только бытовой сценой нельзя. На фрагменте представлены следующие персонажи: правая от зрителя фигура игрока изображает несомненно царя, о чем можно судить по его головному убору в виде короны с крыльями. Форма такой короны хорошо засвидетельствована на монетах и в росписях Пянджикента. Важными деталями являются два языка пламени, поднимающиеся по обе стороны головы и нимб вокруг нее. Характерна внешность партнера царя. Вместо обычного для персонажей пянджикентских росписей плотно облегающего тело кафтана, верхняя одежда партнера дана в виде ниспадающего свободными складками плаща, из-под которого видна обнаженная грудь. Вокруг головы также изображен нимб. Длинные волосы в виде правильных прядей зачесаны назад и повязаны лентой.

Слева от игроков, в одном ряду с ними, помещена женская фигура. В правой руке женщины зеркало. Справа сохранилась часть четвертой фигуры в царской короне. Головы и этих двух фигур окружены нимбами. Сцена представляет лишь часть более обширной композиции; уцелели остатки изображений еще ряда фигур. Несмотря на их фрагментарность,

Рис. 40. Фрагмент росписи с изображением музыкантов из помещения № 13.

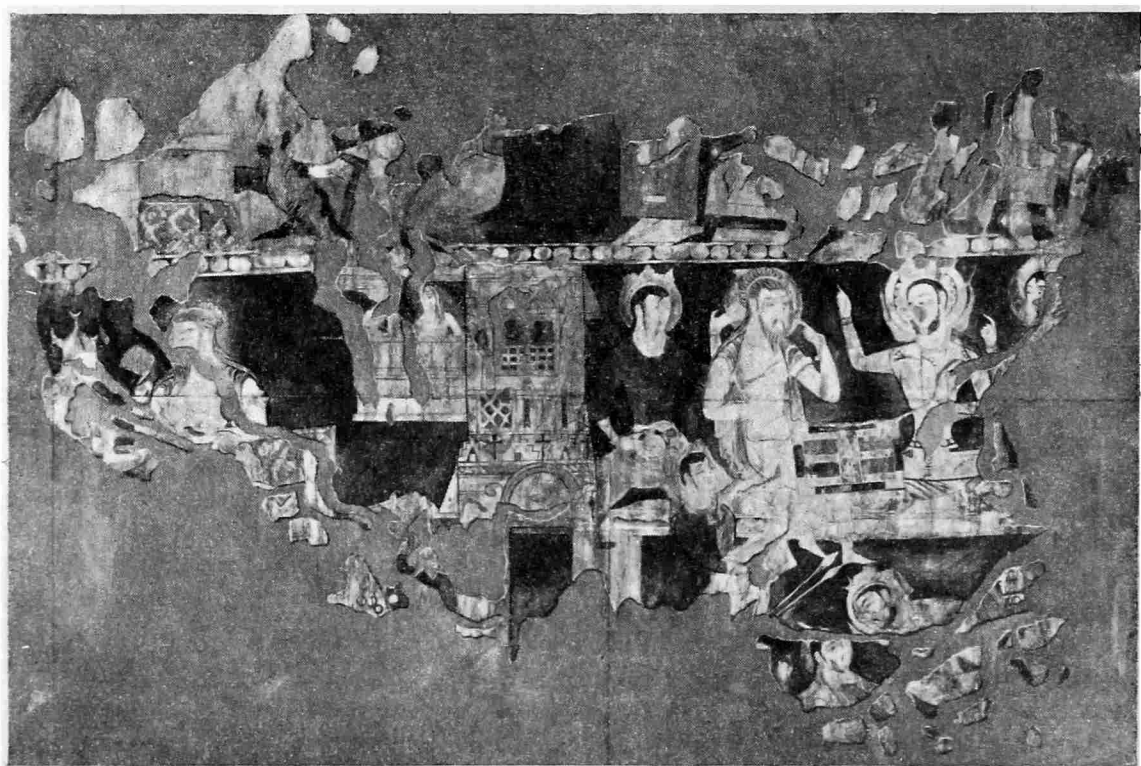

Рис. 41. Фрагмент росписи с изображением игроков в нарды из помещения № 13.

можно, однако, утверждать, что на этой части росписи повторяются изображения тех же персонажей, что и в основной сцене. Иначе говоря, перед нами несколько эпизодов, участниками которых являются одни и те же лица. К сожалению, восстановить содержание эпизодов невозможно.

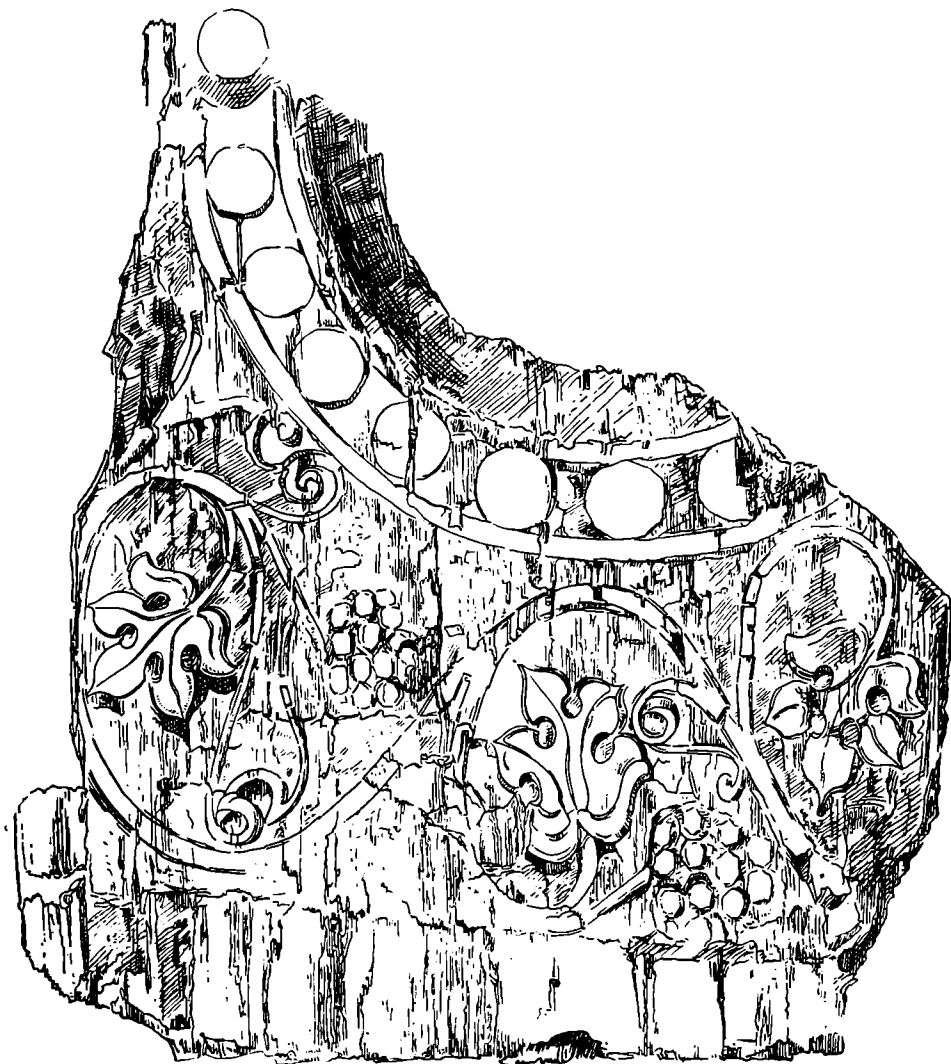

Рис. 42. Фрагмент деревянной плахи с резьбой из северного квадратного зала объекта III.

Приведенные детали делают вероятным предположение, что сцена передает буддийскую легенду, связанную с циклом рассказов о перерождениях Будды, так называемых «джатак». Такому толкованию не противоречат и исторические сведения о распространении буддизма на территории Средней Азии. Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что с I—II вв. н. э. и приблизительно по V или VI в. буддизм получил сравнительно широкое распространение в Средней Азии, в том числе и в Согде.

Из отдельных фрагментов живописи, найденных в завале, интересна находка двух фрагментов росписи этой же стены. На одном сохранился превосходный рисунок головы в короне, на другом — фигура человека (без головы) со связанными руками. Интересно изображение слона на поле одежды этого персонажа.

Для истории народного изобразительного искусства особое значение имеет находка в одном из помещений объекта III, погибшего от пожара, крупного обломка обуглившейся деревянной плахи, покрытой с одной стороны глубоким резным орнаментом, изображающим побег виноградной лозы с листьями и гроздьями винограда, выполненным с замечательным мастерством (рис. 42). Это один из древнейших на территории Согда образцов художественной резьбы по дереву. Он свидетельствует о высоком уровне развития этого вида народного искусства еще в домусульманское время.

О. И. СМЕРНОВА

МОНЕТЫ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА

(По материалам раскопок 1953 г.)

В 1953 г. на территории древнего Пянджикента при раскопках объектов III (жилой массив — квартал), VI (крупный строительный комплекс), VIII (жилые постройки пригородного поселения) и IX (жилой дом в северо-восточной части шахристана) найдено 111 монет. Из них 83 согдийских (медных), 22 аббасидских фельса, 4 монеты сасанидского типа (подражание монетам Варахрана V), так называемые монеты Бухархудатов, одна кушанская медная и одна небольшая серебряная (типа монет клада из Тали-барзу).

Список монет

1. Кушаны. Кадфиз I. Æ, диам. 21 мм, вес 764 г (объект VIII).
2. Монета с изображением лучника на оборотной стороне, Æ, диам. 9 мм, вес 0,24 г (объект VIII).
- 3—6. Монеты Бухархудатов, разные, Æ (объекты III, IX).

Монеты ихшидов Согда (литые по типу китайских)

7. Ихшид Согда Шишпир; без обозначения года и места выпуска. Первая половина VII в. Кеш или Самарканд. Æ (объект IX).
- 8—16. Ихшид Согда Вахшуман; без обозначения года и места выпуска. Середина VII в. Самарканд. Æ (объекты III, VIII, IX).
17. Ихшид Согда Тургаг; без обозначения года и места выпуска. Середина VIII в. (после 738 г.). Самарканд. Первый тип. Æ (объект III).
- 18—21. То же. Второй тип. Æ (объекты VI, IX).
- 22—25. Подражания монетам ихшида Согда Гурака (провинциальный чекан?); без обозначения места и года выпуска. Середина VIII в. (?). Æ (объекты III, VIII).
- 26—29. Ихшид Согда Укар (?); без обозначения места и года выпуска. VII—VIII вв. Æ (объекты VI, VIII, IX).

Монеты афшинов Пянджикента (литые по типу китайских)

30. Амōгйāн; Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст., справа от квадратного отверстия знак δ, слева — знак ↑. На обр. ст. надпись в одну строку из трех слв: рп̄су М 'у 'm'wky'n. Квадратное центральное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка широкий ободок. Æ, диам. 26 мм, вес 4,34 г; снизу остатки

обрубленного литника (2 мм). Сохранность хорошая (объект III), (рис. 43—1).

31—40. Чтение имени окончательно не установлено. Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст. посередине знак ☩; он занимает все поле монеты; его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия. По краю монетного кружка широкий ободок. На обор. ст. надпись в одну строку из трех слов. Первое слово надписи рнсу;

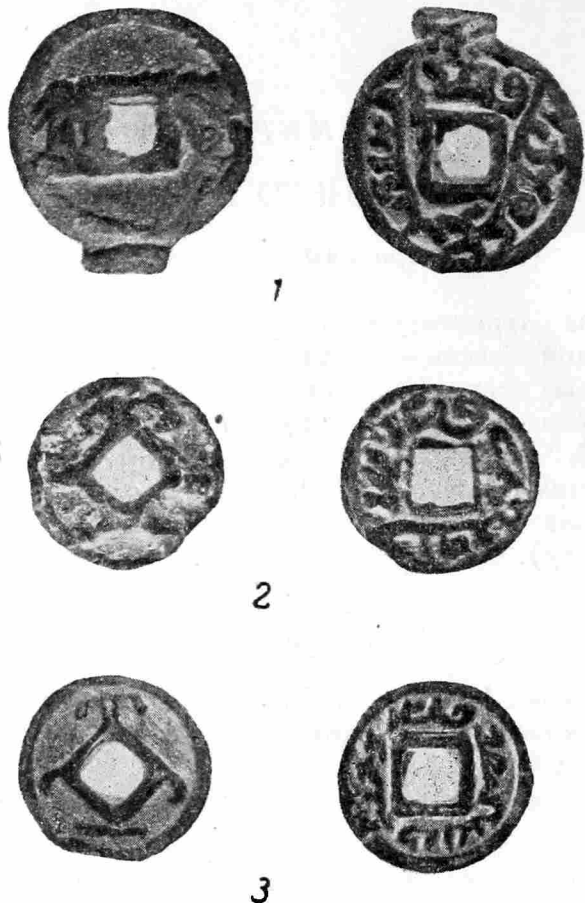

Рис. 43. Монеты афшинов Пянджикента:
1 — Амōгйāн; 2 — неизвестный афшин; 3 — βудуп'.

остальные два не прочитаны. Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка широкий ободок. АЕ, диам. 18—22 мм, вес 1,22—1,80 г. Сохранность плохая (объекты III, VI, IX), (рис. 43—2).

41—52. βудуп'. Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст. посередине знак ☩; знак занимает все поле монеты; его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия. По краю монетного кружка широкий ободок. На обор. ст. надпись в одну строку из четырех слов: γωβ рнсу MRy' βудуп'. Квадратное отверстие заключено в рамку; по внешнему краю монетного кружка широкий ободок. АЕ, диам. 18—22 мм, вес 1,15—3,75 г (объекты III, VI, IX), (рис. 43—3).

*Согдийские монеты неизвестных правителей
Согда и государей Усрушаны*

53—54. Монеты, литые по типу китайских. На лиц. ст. знак (династийный))=(; на обор. ст. согдийская надпись из двух слов, АЕ, диам. 18—19 мм, вес 1,3—1,7 г (объекты VI, VIII, IX).

55—58. Монеты, литые по типу китайских. На лиц. ст. надпись; оборотная сторона гладкая без отличий (?). Æ, диам. 17 мм, вес 1,2—1,59 г (объект IX).

59—62. ṭṛḥṇ, без обозначения места и года выпуска. Усрушана (?). VIII в. На лиц. ст. бегущее вправо фантастическое животное; на обор. ст. знак (династийный) ≅ и согдийская надпись. Æ, диам. 20—17 мм, вес 1,33—2,07 г (объекты VI, IX).

63. На лиц. ст. изображение коня, идущего вправо. По краю монеты надпись из двух слов. Надпись стерта. Обратная сторона затерта. Æ, диам. 21 мм, вес 1,84 г (объект III).

64. На лиц. ст. изображение всадника вправо; на обор. ст. знак (династийный) и остатки надписи. Æ, диам. 20 мм, вес 1,61 г (объект IX).

Фельсы, чеканенные при Аббасидах (целые и фрагменты)

65. Самарканд, 143 г. х. Æ, диам. 23 мм, вес 2,9 г (объект IX).

66—71. Самарканд, 144 г. х. Æ, диам. 19—21 мм, вес 2,01—2,71 г (объекты III, VI, VIII).

72—76. Самарканд, год не читается. Æ, диам. 20—22 мм, вес 2,65—2,80 г (объект VIII).

77—79. Бухара, 151 г. х. Æ, диам. 17 мм, вес 1,35—1,50 г (объект VIII).

Помимо монет, обозначенных в списке, во время раскопок было найдено: 11 арабских монет чекана Аббасидов (целых и фрагментов), 16 согдийских монет (целых и фрагментов), более точное определение которых из-за плохой сохранности не может быть дано, и три монетных кружка, принадлежность которых по тем же причинам определена быть не может.

Монетные находки 1953 г. позволили окончательно выделить из общей массы согдийских монет группу монет правителей Пянджикента.

Эта группа представлена тремя различными типами (см. список, № 30—52), объединенными одним общим для всех знаком. На монетах с легендой ṛṇṣṭṭ MR'y 'm'wky'n знак находится справа от квадратного отверстия; слева помещен второй дополнительный знак. Сопроводительная легенда на оборотной стороне монет содержит титул и имя правителя и является пояснительной надписью к знакам. В легенде — три слова. Два первых хорошо известны по документам с горы Муг и по монетам: ṛṇṣṭṭ MR'y — «афшин Пянджи(кента)». Третье слово легенды представляет сложное имя из 'm'wk (*āmōg) плюс компонент y'n (*yān), по типу таких имен, как ṇwšy'n¹, ṛwt'y'n², ṛṇṣṭṭ y'n³. Вся надпись читается: ṛṇṣṭṭ MR'y 'm'wky'n — «афшин Пянджи(кента) Амōгйāн»⁴. Знаки на лицевой стороне, как следует из содержания надписи, являются, таким образом, знаками (гербом) афшина Пянджикента Амōгйāна. До сих пор единственными известными нам согдийскими монетами, на лицевой стороне которых находятся не один, а два знака, были монеты верховных правителей Согда — ихшидов.

На лицевой стороне монет II типа (№ 31—40) помещен вариант правого знака монет I типа. Легенда на оборотной стороне еще полностью не прочитана. Однако ее первое слово ṛṇṣṭṭ — «Пянджи(кентский)», знак на лицевой стороне (вариант знака афшина Амōгйāна) делают бесспорным

¹ Textes Sogdiens. Изд. E. Benveniste. Mission Pelliot, III. Париж, 1940, стр. 8, 173.

² Там же, стр. 8, 184.

³ Там же, стр. 8, 183, 184.

⁴ «Тот, кто пользуется милостью непогрешимого». Затрудняясь разместить легенду и, видимо, не понимая ее текста, резчик штампа перенес начальный знак третьего слова ко второму MR'y 'm'wky'n. Подробнее на этимологии этого имени мы остановимся в другой работе.

принадлежность этих экземпляров к монетным выпускам правителей Пянджикента.

Легенды монет III типа (№ 41—52) содержат титул $\rho\text{nc}\text{y}$ MR'y — «афшин Пянджикента» и имя $\beta\text{y}\text{d}\text{y}\text{p}$ ¹. На лицевой стороне помещен знак, представляющий вариант правого знака монет афшина Амōгйāна (монеты I типа). Таким образом, на лицевой стороне трех типов монет, легенды которых содержат имена трех афшинов Пянджикента (одно имя не прочитано), помещен один и тот же знак в трех вариантах (рис. 43а).

Аналогичное явление наблюдается в отношении монет ихшидов Согда, на всех типах которых повторяется один и тот же знак (его различные варианты) — династийный (родовой) знак. Отсюда можно заключить, что в знаке (и его вариантах) на исследуемых монетах также следует видеть родовой знак местной (Пянджикентской) правящей династии.

Рис. 43а. Прориси монет.

В каком хронологическом порядке следует располагать монетный материал, нам не известно. Без дополнительных сведений этого сделать нельзя, так как на монетах выпускных данных не помещалось. «Клад», состоящий из монет III типа, учитывая обстоятельства его находки и состав (довольно много монетного брака), так же как и находки множества монет данного типа на остальных объектах раскопок, позволяют с достаточным основанием считать, что группа монет с легендой $\gamma\text{w}\beta$ $\rho\text{nc}\text{y}$ MKy' $\beta\text{y}\text{d}\text{y}\text{p}$ (тип III) принадлежит к выпускам последнего из афшинов Пянджикента, погибшего (или бежавшего) при катастрофе, приведшей к уничтожению города.

Во второй половине VIII в. в Согде одновременно с согдийскими монетами обращались арабские, выпускаемые наместниками Аббасидов. На городище Пянджикента за 1953 г. найдено 33 фельса. Почти все они очень плохой сохранности, чеканены в Бухаре и Самарканде. Самый ранний по времени фельс, найденный на городище, датирован 143 г. х. (760/61 г. н. э.), самый поздний фельс, — битый в Бухаре — с датой 151 г. х. (768 г. н. э.).

Следовательно, город не был уничтожен во время событий 721/22 г. (восстание Диваштича), как это предполагалось, а продолжал существовать до конца 60-х годов VIII в. (768 г. — дата чекана бухарских фельсов с именем ал-Джунайда, найденных на городище).

Развалины Пянджикента, открываемые раскопками, свидетельствуют о том, что город был внезапно покинут жителями, а затем предан грабежу и разгромлен арабами.

С какими именно событиями арабского завоевания была связана окончательная гибель города, не известно. Во всяком случае эти события должны быть отнесены ко времени не ранее конца 60-х годов. Во второй половине VIII в. произошло крупнейшее восстание местного населения против арабов — движение Муканны. Оно охватило в 70-х годах весь Хорасан и Мавераннахр и закончилось в горах Гиссарского хребта — в верховьях Кашка-Дарьи. По данным Нершахи, в движении Муканны

¹ Тот же тип монет входит в состав клада медных монет, найденного в 1952 г. на объекте II; описание клада см. «Эпиграфика Востока», X.

активное участие принял Согд и его города. Пянджикент по своему значению и традициям и по своему местоположению не мог остаться в стороне от восстания. Последним афшином Пянджикента был βудуп', имя которого прочитано на монетах III типа. Монеты с этим именем были, повидимому, вообще последними, выпущенными в Пянджикенте. Вместе с гибелью древнего города прекращает свою жизнь и его монетный двор. Среди позднейшего нумизматического материала монет чекана Пянджикента нет.

А. Л. ЯКОБСОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ В РАЙОНЕ
СУДАКА*(По раскопкам 1953 г.)*

Одна из печей большого производственного комплекса VIII—IX вв. в районе Судака была раскопана в 1952 г.¹ (№ 5 общего плана). Проведенные работы дали материал, важный не только для характеристики керамического производства того времени, но и для понимания истории восточной Таврики в раннее средневековье. Самый факт возникновения и развития такого «производственного центра» указывает на возрождение края, рост его поселений, оживление ремесла и торговли в самую глухую пору средневековья — в то время, когда города и вообще поселения западной части Таврики, и в первую очередь Херсонес, находились еще в глубоком упадке. Вместе с тем вблизи печей какого-либо поселения не обнаружено; это указывает на то, что гончарная продукция сбывалась не на месте, а развозилась по городам и поселкам восточной Таврики, где нередко встречаются амфоры, аналогичные производившимся здесь. Однако открытая в 1952 г. печь не сохранилась целиком и не дала достаточного представления об устройстве такого рода сооружений. Было намечено раскопать в 1953 г. другую печь (№ 18 общего плана), которая, как оказалось, сохранилась в более полном виде. Кроме того, имелось в виду исследовать и ближайшее окружение печей².

Гончарная печь № 18 расположена на северном краю возвышенности и обращена в сторону балки (т. е. от моря); ориентирована, как и ранее раскопанная, с запада на восток.

Раскопки показали ту же планировку, то же устройство и даже приблизительно те же размеры, что и у печи № 5. Обжигались в ней точно такие же амфоры, как и там. Все это свидетельствует о том, что обе печи синхронны и, возможно, функционировали одновременно. Печь № 18 представляла довольно монументальное сооружение: ширина ее у основания топочной камеры 5,6 м, длина (считая от края топки до наружного края стенки верхней камеры) 5,2 м (рис. 44 и 45). Сложена она также из сырцового кирпича (36 × 23 × 13 см). Встречаются кирпичи и меньшего размера — длиной 20—21 см, толщиной 9—10 см.

Нижняя топочная камера разделена на две более или менее симметричные части стенкой (толщиной от 0,66 до 0,84 м), перед которой по оси печи расположено устье топки (ширина устья 1,1 м). В каждой части вдоль этой стенки идут продольные каналы длиной (считая от устья топки)

¹ См. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164 и след.

² Как и в 1952 г., работы осуществлялись особым отрядом археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР (начальник экспедиции В. П. Бабенчиков). Вел раскопки печей А. Л. Якобсон.

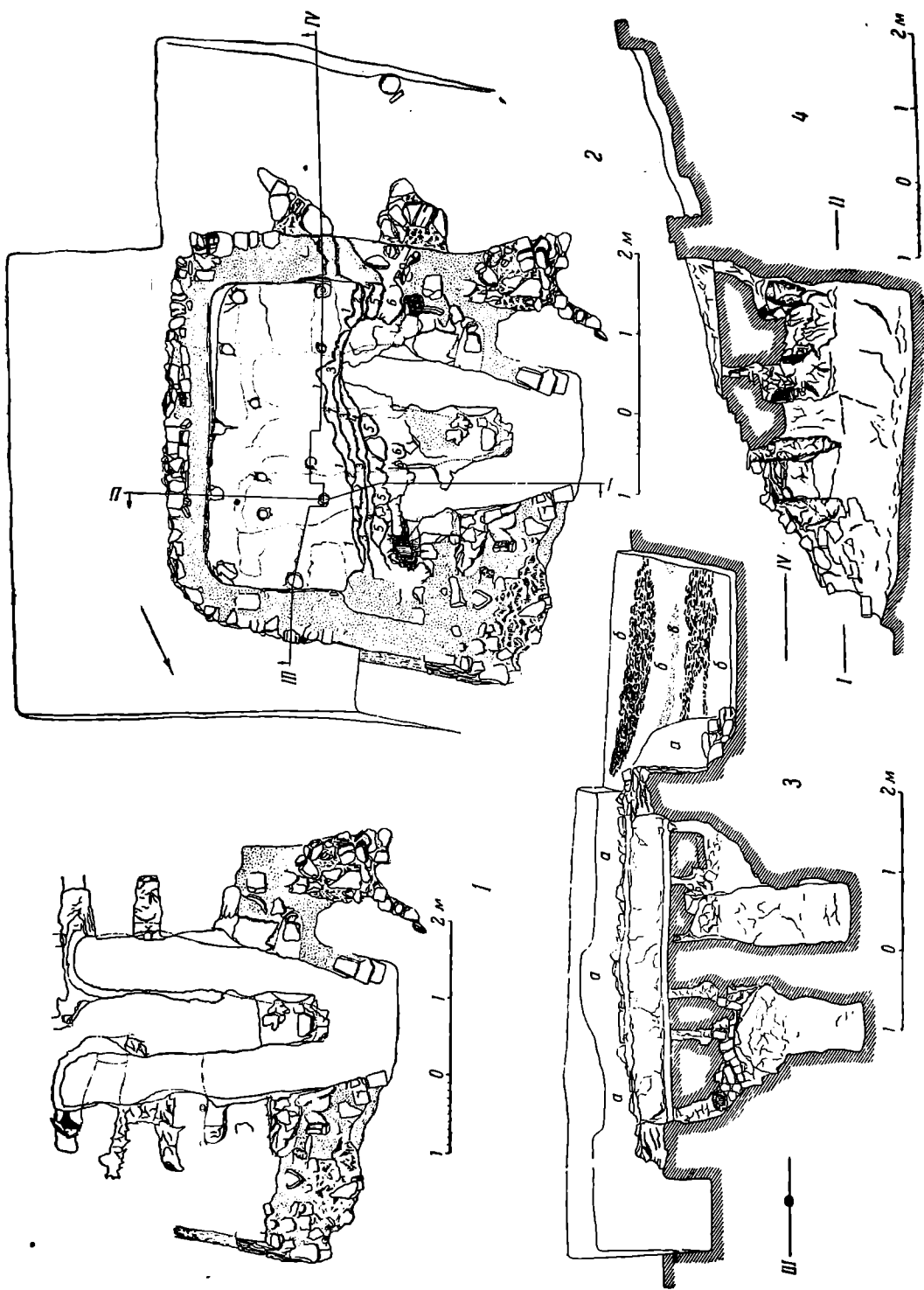

Рис. 44. Гончарная печь № 18:

1 — план топочной камеры; 2 — план верхней обжигательной камеры печи; 3, 4 — продольный и поперечный разрезы печи.

4,2—4,3 м и шириной 0,5—0,8 м. Высота южного канала 2,1 м, северного (в задней его части) 1,8 м (рис. 46—1). От продольных каналов, на высоте 1,2—1,4 м от их основания, ответвляются поперечные. В северной части печи таких каналов пять, в южной также пять, из них один, расположенный в восточном конце печи, ответвляется не в южную, а в северную сторону (рис. 44—1). Каналы эти идут с сильным подъемом и довольно ясно выраженной ступенчатостью (особенно это видно в заднем канале северной части печи), а затем переходят в вертикальные стволы, выходящие в верхнюю камеру круглыми отверстиями (продухами), через которые горячие топочные газы поступали в обжигательную камеру.

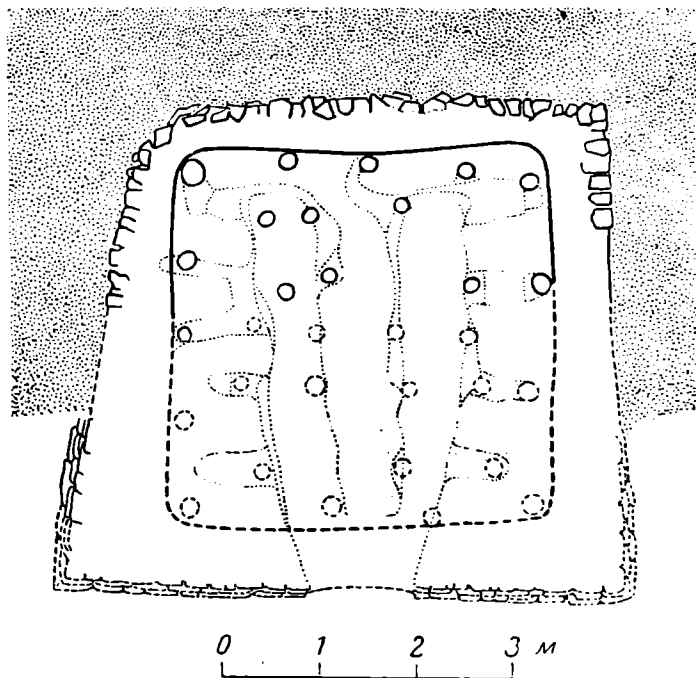

Рис. 45. Реконструкция плана печи № 18.

Стенки между поперечными каналами сложены из наклонно лежащих сырцовых кирпичей соответственно наклону самих каналов, а затем кладка переходит в клинчатые арочки, перекинутые через продольные каналы и веерообразно сложенные из тех же кирпичей. Кладка выполнена небрежно, со вставкой отдельных камней, залепленных глиной, на которой ясно видны следы пальцев, отпечатавшихся при заглаживании поверхности стен. Только в одном месте, в южном канале, в перекрытии использована большая глиняная плита, слегка провисшая. Ширина ее 47 см, сохранившаяся длина 37 см, толщина 9,5—10,5 см. Такая же плита перекрывает и примыкающий к этому месту поперечный канал. Вся поверхность каналов покрыта обмазкой, вероятно не раз возобновлявшейся (толщина ее около 2 см); кладка скрыта под обмазкой. Стены каналов сильно обожжены и закопчены. Пол продольных каналов покрыт плотным слоем золы. На полу встречено довольно много керамики — разрозненных обломков амфор одного определенного типа, короткогорлых, с массивными ручками; скошенный венчик слегка выступает над ручками (рис. 47—1). Тип таких амфор предшествует хорошо известным амфорам X в. и может быть отнесен к предшествующему столетию¹. Вместе с керамикой встречалось много морских ракушек.

¹ См. нашу статью в СА, XV, стр. 333, рис. 6, 22.

Любопытно, что в конце северной стенки южного канала оказалось скопление разрозненно лежавших костей петуха и несколько позвонков барана. То же наблюдалось и в печи № 5. По всей вероятности, это остатки животного, принесенного в жертву при сооружении печи.

Массив печи немного расширяется к западу в сторону устья; кладка его носит смешанный характер: помимо сырцового кирпича, использованы боль-

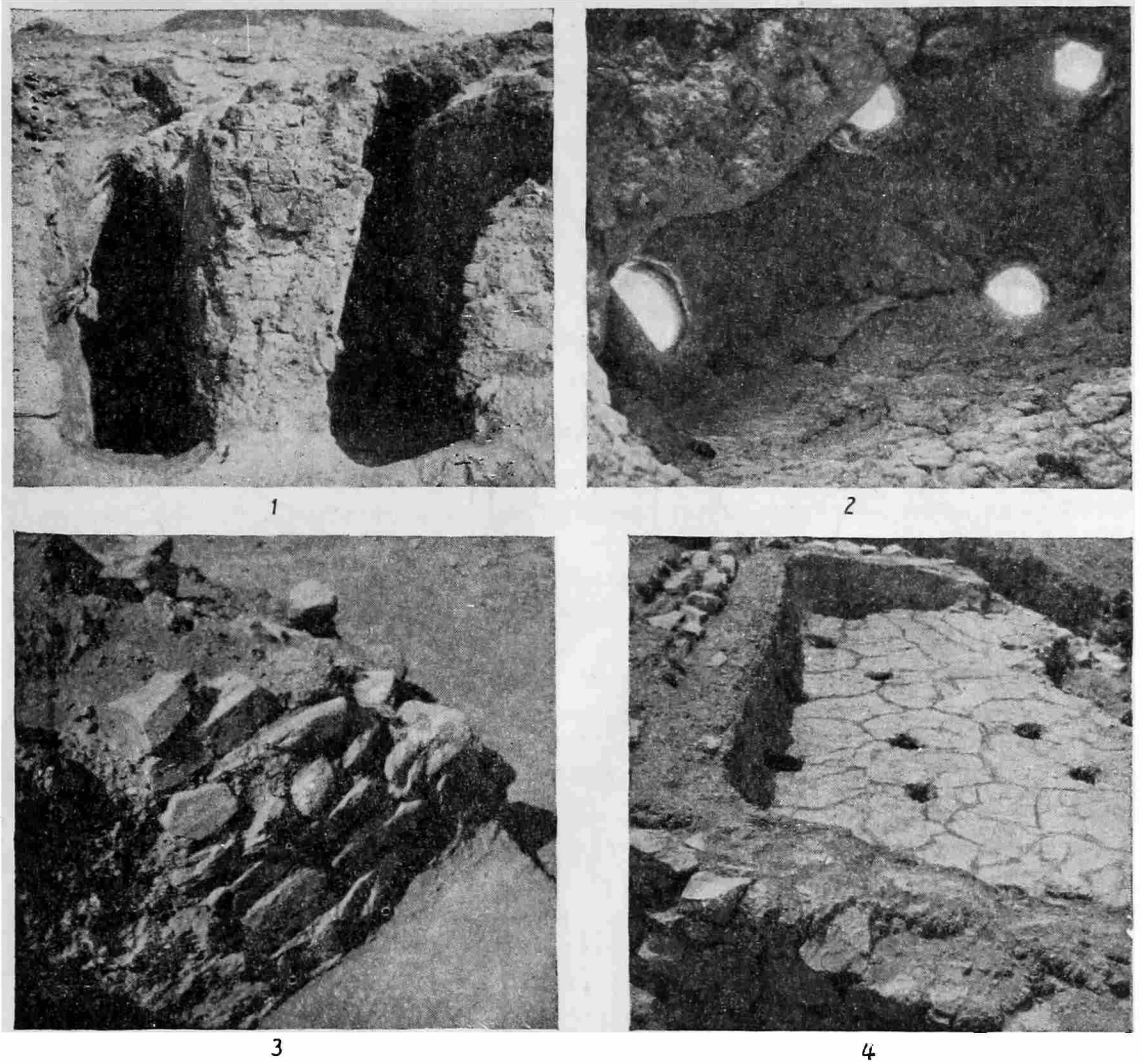

Рис. 46. Гончарная печь № 18:

1 — топка и начало продольных каналов; 2 — поперечные каналы и своды печи; 3 — каменная облицовка северной стороны печи; 4 — под с продухами.

шие необработанные камни, частью окатанные, как в печи № 5. Низ западной части печи (обращенной к балке) заключен в каменный панцырь, выступающий наружу в виде облицовки плитняком и крупным окатанным камнем с южной и с северной сторон (рис. 46—3). Облицовка была, таким образом, несплошной. Как показали раскопки, это объясняется тем, что печь была устроена на довольно крутом склоне балки в плотном массиве зеленоватой материковой глины, в которой был вырыт большой и глубокий котлован. Рельеф местности требовал поэтому несплошного каменного крепления стенок печи, главным образом в нижней, т. е. в западной, ее части. Каменная облицовка оказалась также в верхней части восточного конца южной стены. Котлован после выкладки каменного панцыря был засыпан и утрамбован глиной, смешанной с битой керамикой, дополнительно укреп-

лявшей кладку. Выше искусственной засыпи не было: она естественно нарастала в результате ремонтов сооружения. Так образовались слои пережженной глины с керамическим ломом и с вкраплениями зеленоватой материковой глины, открытые с южной стороны печи.

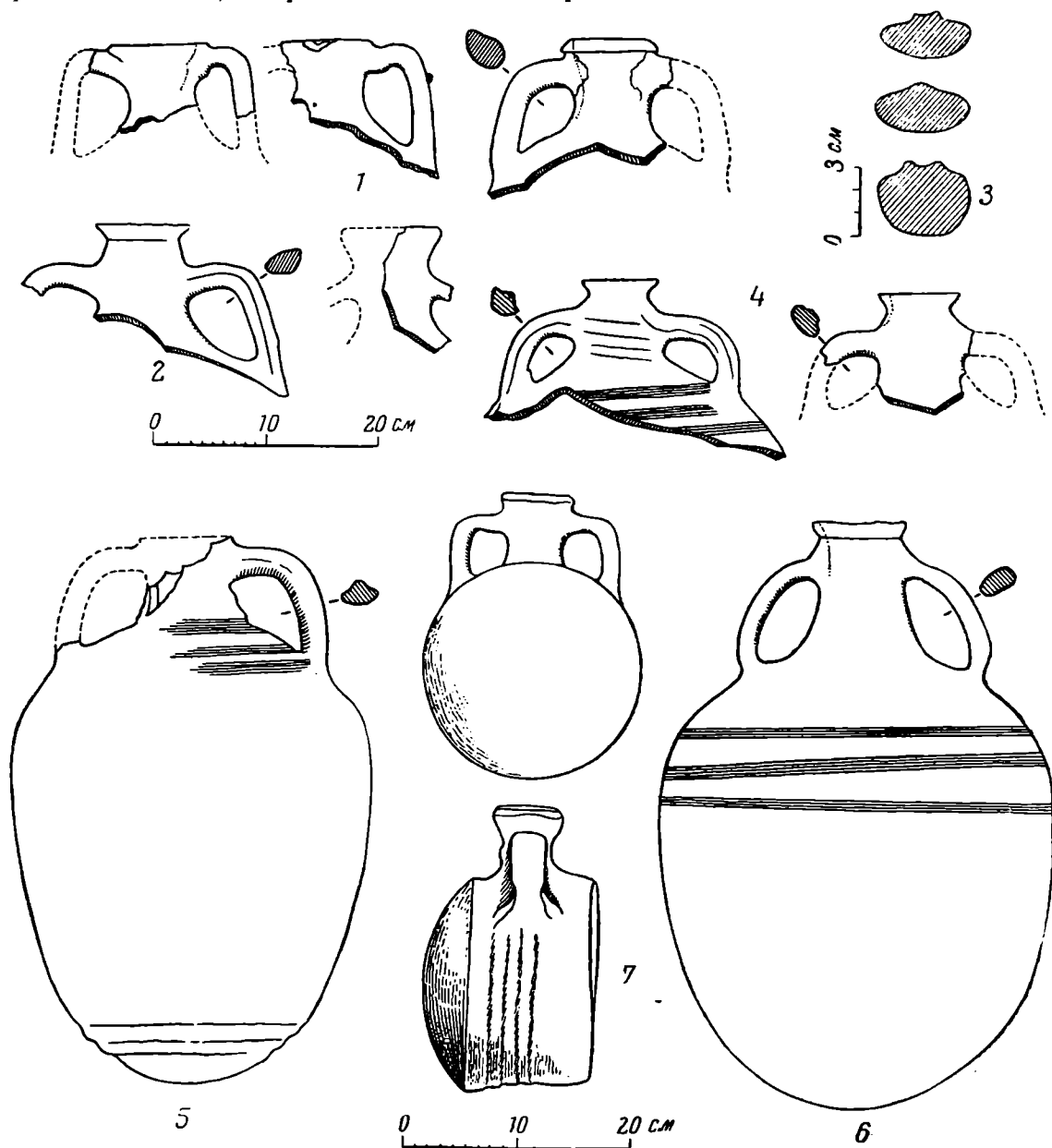

Рис 47. Обломки амфор из печи № 18 и амфоры из других мест Крыма.

1 — горло амфоры из южного продольного канала; 2 — горло амфоры из раскопа с южной стороны печи; 3 — профили ручек амфор этого типа; 4 — горло амфоры из керамических завалов у гончарной печи в Херсонесе, на берегу Карантинной бухты; 5 — амфора из Керчи (фонд Керченского музея); 6 — амфора из Алушты (фонд Алуштинского музея); 7 — фляга, найденная близ Старого Крыма (фонд Крымского областного краеведческого музея, Симферополь).

Аналогичная картина наблюдалась с восточной стороны печи, где котлован достигал наибольшей глубины. Он был укреплен тонкой (толщиной до 0,3 м) стенкой из необработанного камня или голышей, выложенной наклонно (в сторону печи) для придания откосу большей устойчивости. Северо-восточные и юго-восточные углы этого крепления закруглены. Наружная (восточная) часть стенки-крепления рваная; отсюда ясно, что кладка велась изнутри. С той же наружной стороны стенка, на уровне немного выше пода, укреплена широкой полосой (1—1,1 м) пережженной глины,

смешанной с керамическим ломом, т. е. так же, как и с северной стороны; полоса захватывает не всю длину каменного крепления, а лишь среднюю часть его на протяжении 2,8—3 м (симметрично по середине; в южном крае ее нет, в северном она только частично захватывает закругление стенки).

Плотная глиняная засыпь частично перекрывает кладку каменного крепления, из чего можно заключить, что эта кладка укрепляла лишь нижнюю топочную камеру и начало свода верхней обжигательной.

От обжигательной камеры сохранилась лишь часть пода, а с восточной стороны — и начало свода. Под (рис. 46—4), шириной 3,84 м, очень ровный, твердый, обожженный, с незначительным уклоном в сторону топки. Топочные газы проникали в обжигательную камеру через продухи, расположенные в соответствии с поперечными каналами. Сохранилось три ряда продухов числом 13. Из них у пяти, находящихся вдоль восточного края камеры, диаметр больше, чем у остальных (16—19 см, а продух в северо-восточном углу 22 см), вероятно, для того, чтобы наиболее удаленным от топки частям камеры обеспечить нормальный приток топочных газов. Остальные продухи уже (диаметр их 12—13 см). Углы камеры скруглены. В один из продухов вставлено горло амфоры.

Под не один раз возобновлялся: он состоит из шести слоев, общей толщиной 0,3 м, образовавшихся при одновременных ремонтах. В результате одного из них были закрыты продухи, ранее имевшиеся в третьем (считая от топки) канале северной части печи и в северной стороне южного канала (см. рис. 44—3); соответствующие каналы, таким образом, перестали функционировать.

Поверхность стены обжигательной камеры, сохранившейся на высоту 0,50—0,55 м (общая ее толщина вместе с наружным каменным креплением 0,5 м), также покрыта обмазкой в несколько слоев (общей толщиной 7—8 см.), образовавшихся также в результате ремонтов. Очень вероятно, что обжигательная камера была перекрыта кирпичным сводом, о чем можно судить по легкому наклону стены во внутрь камеры и по завалу внутри печи, где встречалось много закругленных кусков обмазки.

Существенные результаты дал раскоп с южной стороны печи (ширина раскопа 2—2,3 м). Здесь выявлено несколько слоев-завалов керамического лома (от амфор), чередовавшихся со слоями зеленоватой глины; одна из прослоек представляла собой пережженную глину, превратившуюся в оранжевый порошок. Большинство слоев с керамикой занимало ограниченную площадь, поэтому число их в различных местах раскопанного прямоугольника различно. Все они выклинивались к краю печи, что указывает на связь завалов керамического брака с данной печью. Можно думать, что керамический лом бросали рядом с печью¹, причем слой лома перекрывали зеленой глиной, а затем (очевидно, при последующих обжигах) снова набрасывали битую керамику. По всей вероятности, первоначально для сброса производственного брака была вырыта рядом с печью яма, северная стенка которой видна на разрезе III—IV (рис. 44—3).

Аналогичные слои керамического лома, но менее мощные (толщина 10—12 см) наблюдались и с восточной стороны печи; они шли широкой полосой на глубину 10 см от дневной поверхности.

У южной стенки печи на материковой зеленоватой глине лежали завалившиеся большие камни и куски обожженных кирпичей — результат разрушения более древней гончарной печи. На существование ее здесь указывает то, что каменный панцырь с южной стороны в одном месте на протяжении около 1 м лежит не на материковой глине, а на керамическом завале, подобном описанному и образовавшемуся, очевидно, еще до со-

¹ Это наблюдение сделано еще в 1952 г. до раскопок, притом в отношении большинства гончарных печей близ Чобан-куле.

оружения панцыря. О том же свидетельствует и тот факт, что открытое в материке с южной стороны печи (на расстоянии 1,8 м к югу от нее) гнездо от деревянного стояка (диаметр 23 см) с куском истлевшего дерева залегало под слоями керамического лома; стояк, вероятно, поддерживал навес, связанный опять-таки не с открытой нами печью, а с предшествующей. Наконец, к более древней печи относились, вероятно, и те большие камни, которые в одном месте образуют часть каменной стенки, уходящей под стенку раскопанной печи.

Раскопками с бесспорностью выяснено, что печь № 18, как и печь № 5, использовалась для обжига амфор, вероятно, одного определенного типа — с интенсивно-красным черепком, яйцевидным корпусом, довольно высоким расширяющимся книзу горлом, расширенным венчиком с плоским верхним краем и массивными ручками с выступающим продольным ребром (рис. 47—2, 3). Керамический лом из печи № 18, образовавший целые слои, состоял почти исключительно из обломков именно таких амфор¹, что устраняет какие бы то ни было сомнения относительно выработывавшейся продукции.

Это именно те «салтовские», а на самом деле северопричерноморские амфоры, которые производились в Крыму, по всей вероятности в IX в. Их выработывали в Чобан-куле и притом, повидимому, в большом количестве; изготовляли их и в Херсонесе: рядом с городом, на восточном берегу Карантинной бухты, недавно открыт керамический завал, связанный с ныне разрушенной гончарной печью того времени (рис. 47—4). Производились они, вероятно, и на Боспоре, где встречены вполне аналогичные амфоры (рис. 47—5)². Из ремесленных центров, таких, как Чобан-куле, амфоры развозились не только в прибрежные поселения, как, например, в Алушту³ (рис. 47—6) или Планерское, но и далеко за пределы Крыма: они распространялись и в Подонье и в салтово-маяцкие поселения (имеем в виду Салтовское городище)⁴ и в славянские поселения — так называемые роменско-борщевские⁵, что вновь указывает на славянские связи Таврики.

Раскопки 1953 г. позволили выяснить и некоторые детали процесса производства. В различных местах раскопа, преимущественно в керамическом завале с южной, северной и восточной сторон печи, а также в южном канале найдены в довольно большом количестве (12 шт.) керамические предметы, представлявшие как бы часть (сектор) массивного, толщиной в 4—5 см, круга с чашеобразным углублением. Каждый такой сектор, радиусом 7—10 см, очевидно, служил подставкой для установки амфор в обжигательной камере. Одна из подставок имела знак, нанесенный по сырой глине (в виде креста). Большею частью эти предметы найдены в обожженном виде, иногда пережженные до бурого цвета, и лишь один из них, обнаруженный с южной стороны печи, не был обожжен.

Где-то неподалеку от печи формовались и самые изделия. Намеком на это служат находки с южной стороны печи полуфабрикатов: кусков стенок, ручек, части венчиков еще не обожженных амфор. В том же южном раскопе, в нижнем его горизонте, у выступающих из-под стены печи остатков каменной кладки найдены куски смятых заготовок глины в виде катышей и куски смятого обожженного изделия — стенки пифоса или черепицы.

¹ Лишь изредка встречались фрагменты амфор меньших по размеру и немного отличающихся по форме (они найдены в продольном канале и упомянуты выше), но вполне одновременных только что описанным.

² Хранятся в Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина (недокументированные).

³ Хранятся в фонде Алуштинского краеведческого музея; подняты со дна моря рыбаками.

⁴ См. СА, XV, стр. 331, рис. 4, 17.

⁵ Городище близ с. Битицы, Сумской обл. (УССР). Раскопки И. И. Ляпушкина, 1953 г.

Помимо амфор, встречались и другие формы керамики: фрагменты больших кувшинов (диаметр плоского дна 7 см), днища плоскодонных сосудов большего размера (диаметр днища 18 см); возможно, что к ним относятся массивные ручки с резко выраженным продольным ребром. В раскопе с южной стороны печи найдена крышка большого сосуда (темнокрасная), украшенная двумя концентрическими полосами рифления, между ними — многорядная волна. С северо-восточной стороны печи рядом с ней оказалось скопление обломков большого пифоса с крупножелобчатой поверхностью, типичной для пифосов IX в.¹ Важно отметить, что среди подъемного материала оказался кусок покоробившейся пережатой стенки пифоса. Возможно поэтому предположить, что, кроме амфор, в одной из печей близ Чобан-куле производились и пифосы. Встречались и куски кровельной черепицы (грубый темнокрасный черепок) с широкими массивными бортиками и водосливными валиками, хорошо известной по слою IX—X вв. в Херсонесе и относящейся к тому же времени. Но здесь ли они выделялись или привозились, пока неясно.

Особую группу составляют фрагменты красноглиняных фляг. Их найдено много с южной стороны печи, в слоях керамического лома, но только в фрагментах, дающих, однако, достаточное представление о форме, уже хорошо известной: это круглые широкие сосуды в форме барабана, диаметром 17—18 см, одна из сторон которого плоская, другая (лицевая) выпуклая. Фляги сверху имеют горло и две ручки, как у амфор. Такие фляги в целом виде находились близ Старого Крыма (рис. 47—7)² на городище в Планерском (раскопки 1949 г.)³, встречались они и на Дону в хазарском слое Саркела⁴. Однако фрагменты фляг из раскопок гончарной печи у Чобан-куле имеют существенную особенность: их выпуклая сторона покрыта ангобом и украшена орнаментальной росписью из толстых красных линий в виде двойных (один в другом) треугольников с точками между ними, размещенных по краю выпуклой стороны фляги или в виде дужек, также окаймляющих край сосуда, чешуйками нарастающих к его центру. На других фрагментах — варианты этих орнаментов (сохранность их, к сожалению, плохая, ибо краска непрочная). Фрагмент с аналогичной росписью найден в 1952 г.

Интерес этой керамики определяется прежде всего тем, что в Крыму подобная орнаментика встречается впервые. Близкий по характеру орнамент, также нанесенный красной краской, наблюдается, насколько нам известно, лишь на сосудах из аланских могильников Северного Кавказа⁵. Для характеристики культурных связей населения восточной Таврики в раннее средневековье эти находки очень важны. Не исключено, что эти фляги и делались тут же. Указанием на это может служить находка на глубине 1,6 м с южной стороны печи, на слое предматериковой глины, днища амфоры с темнокрасной краской, такой же, какой расписывались фляги.

В дальнейшем от исследования собственно печей предстоит перейти к изучению окружающей территории с целью выявить подсобные помещения гончарного производства, проследить весь его процесс, а также приступить к раскопкам поселка гончаров-ремесленников, который был расположен на северном склоне Чобан-куле.

¹ Аналогичные пифосы находились в Гурзуфе; один из них издан (ИАК, вып. 30, стр. 99), другой найден в 1951 г. (хранится в Ялтинском краеведческом музее).

² Хранится в фонде Крымского областного краеведческого музея (Симферополь), № 9105.

³ Хранится там же. Найдена вместе с «салтовской» амфорой.

⁴ Кроме того, 2 таких фляги хранятся в Новочеркасском музее. (см. М. И. Артамонов, СА, XIX, 1954, стр. 263—268).

⁵ См. керамику из могильника близ с. Ладзы. МАК, т. 8, табл. LXXII и стр. 168 (сравни СА, XIX, стр. 265, рис. 3).

Т. М. МИНАЕВА

ГОРОДИЩЕ АДИЮХ В ЧЕРКЕСИИ

Черкесская автономная область до последнего времени оставалась одним из наименее обследованных в археологическом отношении районов Северного Кавказа. Многолетние археологические разведки и раскопки, проводившиеся на Кавказе Московским археологическим обществом и археологической комиссией, не затронули территории Черкесии в ее современных административных границах. Работы эти протекали в самых верховьях Кубани (В. М. Сысоев) или западнее Черкесии (В. Сизов, Е. Д. Фелицын, Н. И. Веселовский).

Однако Черкесия оказалась не менее богатой археологическими памятниками, чем соседние области. В последнее пятилетие нами были произведены археологические обследования основной части Черкесии по долинам рек Кубани, Б. и М. Зеленчука. На обследованной территории открыто много памятников — курганов, поселений, могильников и городищ. Темой настоящей статьи является описание одного из открытых нами памятников — городища Адюх.

Городище расположено на правом берегу М. Зеленчука в 2 км южнее аула Инжиччукун. Берег в этом месте отвесно обрывается над поймой реки и возвышается над нею приблизительно на 117 м. В напольную сторону он делает небольшой подъем. Городище занимает мыс, ограниченный с одной стороны рекой, с другой глубокой балкой Адюх. Состоит оно из трех частей. Первая часть длинным узким клином выступает в пойму реки и с трех сторон защищена отвесными скалистыми уступами. От остальной площади городища ее отделяет ров глубиной 6 м и шириной до 40 м. Ров пересекает городище от обрыва над балкой Адюх до обрыва над поймой реки.

За рвом, вдоль балки, располагается вторая часть, отделенная вторым рвом глубиной 1,7 м и шириной 28 м.

За вторым рвом, на пространстве между балкой Адюх и берегом реки, раскинулась третья, самая большая по площади часть городища. С напольной стороны ее ограничивает каменная стена, идущая дугообразно от балки до берега. Стена в настоящее время покрыта дерном и имеет вид вала, высотой 1,2 м, и только сверху видны слагающие ее камни.

Никаких строений на поверхности городища не сохранилось, кроме башни, известной всем в Черкесии под именем башни Адюх. Это позднее сооружение связано с городищем только своим местоположением, а потому на описании его мы не останавливаемся.

Первичное обследование городища было произведено нами в 1949 г. В 1951 и 1952 гг. мы произвели на нем пробные раскопки. На всех трех частях городища были заложены раскопы и, хотя площадь их слишком

невелика по сравнению с общей площадью городища, все же в результате работ получен материал, по которому можно судить о характере памятника.

В первой части городища, на узком скалистом мысу, в 1951 г. был исследован могильник с христианским обрядом погребения. На вскрытой площади обнаружено 16 нетронутых могил, да свыше десятка раскопанных кладоискателями. Все могилы оказались однородными по устройству и погребальному обряду. Они вырублены в скале в виде узкой длинной ямы

1
2
Рис. 48. Погребения, обнаруженные на городище Адиух:

1 — погребение № 4 в первой части городища; 2 — могила № 6 в северо-западном углу здания в третьей части городища.

с сильно закругленными концами. Ширина ямы различна: наибольшая отмечена в середине, наименьшая в ногах погребений. По краям могила обставлялась каменными плитками, поставленными на ребро, сверху покрывалась крупной плитой или двумя-тремя небольшими плитками.

Погребенный клался на спине, вытянуто, головой на запад. Руки скрещивались на груди или на животе (рис. 48—1). Инвентарь захоронений весьма беден: железный нож, бронзовые одна или две пуговички, металлическое колечко, одна или несколько бусин. Все это, кроме ножа, — принадлежность одежды. Следов пищи не найдено: не было ни посуды, ни костей животных.

В восточной стороне мыса, на месте курганообразного возвышения, обнаружены остатки христианской церкви, ориентированной строго на восток. Стены ее (толщиной 0,9 м) сохранились на высоту 0,6—0,8 м. Основание здания покоилось на слое извести и глины, толщиной 15 см, положенном непосредственно на поверхность. Панцыри стен сложены из грубо отесанного камня на красной местной глине. Пространство между панцырями забито мелким камнем, щебнем и глиной. С внутренней и наружной сто-

рон стены были оштукатурены и побелены известью. Вход в церковь в западной стене. Общая длина здания 6 м, из них на алтарную часть падает 2,5 м. Пол церкви был устлан тонкими плитками из довольно рыхлого песчаника. Обвалом стен и кладочискательскими раскопками пол почти полностью уничтожен. В глине, осыпавшейся со стен, на полу найдены черепки крупного красного сосуда с линейно-гребенчатым орнаментом и нагрудный крест-складень из низкопробного серебра. Возле стен с наружной стороны располагались могилы. Одна из них оказалась под входом в церковь.

Почти такая же площадь была вскрыта и во второй части городища. Здесь оказались жилые комплексы, много раз перестраивавшиеся, перекрывавшие друг друга. Перестройки неблагоприятно отразились на сохранности строений нижнего горизонта и создали очень сложную запутанную стратиграфию раскопа.

В верхнем горизонте лежали остатки каких-то оград или стен, сложенных из камня-голыша без всякой связи. Они напоминали ограды дворов в современных аулах горцев Северного Кавказа. Стены эти очень разрушены и планировку их выяснить не удалось.

В верхнем горизонте в небольшом количестве встречены черепки красноглиняной посуды с линейно-гребенчатым орнаментом, кости домашних животных, четыре жернова, типа вращающихся жерновов; кроме того, два обломка таких же жерновов были использованы в качестве строительного камня в стенах. Найдены две разбитые ступы, два каменных песта-толкача, употреблявшихся при обработке зерна, два каменных молота, железные ножницы для стрижки овец, обломок браслета из темнолилового стекла, глиняная крупная пуговица с ушком на оборотной стороне и некоторые другие вещи.

В нижнем горизонте раскопа оказалось основание каменного здания с погребком под полом. В погребке найдены черепки от двух крупных глиняных корчаг.

Неподалеку от строения с погребком, с северной его стороны, обнаружены три круглые зерновые ямы, вырубленные в материковой скале, которая подстилает культурные напластования на всей площади городища. Диаметр наименьшей из ям 1,4 м, наибольшей 1,7 м. Ко дну ямы слегка расширяются, дно немного вогнуто. Такие же две ямы оказались и с восточной стороны строения.

Культурный слой нижнего горизонта состоял почти сплошь из золы, в которой встречались в большом количестве кости животных и черепки посуды. Среди костей не только кости домашних животных, но и диких — оленя, косули, кабана. Нередко кости носили следы обработки (распиловки, сверления, обточки), например, два клыка кабана оказались срезанными вкось, на роге оленя заметны следы незаконченной распиловки и отпила двух отростков. В числе находок в этом горизонте несколько глиняных пряслиц, каменные точильные бруски, обломок светильника в виде каменного стержня с расширенным основанием и блюдцеобразной верхней частью. В ней имеются четыре круглых углубления для фитилей. На поверхности и в углублениях сохранился слой нагара.

Керамика нижнего горизонта отличается от керамики верхнего слоя. Здесь нет красноглиняных черепков с линейно-гребенчатым орнаментом. В подавляющей части это обломки сероглиняных сосудов с гладким налепным валиком, обломки кувшинов с высокой шейкой и носиком, крупные корчаги с сильно утолщенным и горизонтально отогнутым венчиком. В самом нижнем слое встречались фрагменты от чернолощеных небольших горшочков с налепными на поверхность сосочками. Сосуды изготовлены преимущественно на гончарном круге, но найдены обломки и от лепных

горшков. На днищах некоторых сосудов имеются гончарные клейма: концентрические круги, крест в круге, крест без круга, квадрат и пр.

В третьей части городища был заложен раскоп на курганообразном бугре на краю обрыва над рекой. В центре бугра выделялась глубокая яма, задернованная и поросшая густой травой. Раскопками обнаружено здание прямоугольной формы, длинными сторонами ориентированное с севера на юг, соответственно обрезу берега. Основание здания лежало непосредственно на скале, стены были сложены из грубо обтесанного камня на известковом растворе. Толщина стен 0,9 м. Восточная стена сохранилась на высоту 1,2 м, другие значительно ниже. В юго-западном углу материковая скала образовала выступ, высотой 20 см. Неровности на поверхности этого выступа были залиты известковым раствором, таким же, какой служил связкой для стен. Возможно, что выступ этот имел практическое применение, быть может, в качестве нар. Здание погибло от пожара, о чем свидетельствует слой золы и сажи на восточной стене. В этом слое найдены черепки посуды тех же типов, какие встречались во второй части городища. Наиболее характерны фрагменты от чернолощенных сосудов, украшенных по поверхности «сосочками».

В центральной части здания, в слое золы и сажи, обнаружена могила в виде ящика из каменных толстых плит, поставленных на ребро, сверху прикрытая плитами (могила № 3). Она ориентирована с запада на восток; западный закругленный конец шире восточного. В могиле найден костяк мужчины средних лет. Лежал он на спине, вытянуто, головой на запад, руки скрещены на груди. У тазовых костей — крупная костяная пуговица, а рядом с ней часть железного кольца. Могила была засыпана золой и сажой, взятой из культурного слоя здания. Погребение тождественно погребениям близ христианской церкви.

В северо-западном углу здания сохранилась детская могила, по устройству совершенно подобная описанной. Под ней могила другого типа (погребение № 6). Она — четырехугольная, причем две ее стороны составляли стены здания, две другие выложены из камней в два яруса; дно выстлано тонкими песчаниковыми плитками. На них лежало два костяка. Костяк престарелого мужчины, вплотную придвинутый к южной стенке могилы (рис. 48—2), лежал на левом боку; некоторые его кости в неправильном положении. Возле черепа найдена бронзовая позолоченная пластинка с пунктирным орнаментом (рис. 49—12), на груди несколько бронзовых бубенчиков-пуговиц, у бедра узкая бронзовая пластинка (рис. 49—11).

Другой костяк, пожилой женщины, лежал на спине. На черепе с правой стороны сохранились остатки головного убора из тонкой шелковой материи красного или коричневого цвета. Край его был окантован полосой из трех рядов мелких выпуклых позолоченных бляшек, нашитых на кожаную ленту (рис. 50). По следам окиси от бляшек, сохранившимся на теменной кости, можно видеть, что окантовка головного убора на темени образовывала угол, заканчивавшийся трехлепестковой розеткой из более крупных бляшек. Под шейными позвонками обнаружены два височных кольца из бронзовой проволоки в два оборота (рис. 49—8). Возле шейных позвонков несколько хрустальных шаровидных бусин; на грудной клетке бронзовые бубенчики-пуговицы (рис. 49—2, 3, 4), такие же бубенчики на тазовых костях, а возле них остатки тесьмы из толстых ниток. На пальце левой руки серебряный пластинчатый перстень (рис. 49—9), на правой ноге у ступни бронзовый пластинчатый браслет, около левой ступни круглое из белого металла зеркало с ушком на оборотной стороне (рис. 49—13).

Близ южной стены здания с внутренней стороны — вырытая кладовщиками яма. В ней найден бронзовый бубенчик, обломки железной сабли и куски костяных пластинок с резным орнаментом в косую клетку. Это, по видимому, остатки украшения колчана.

Вокруг здания открыто еще несколько могил, однородных только что описанным, причем особенно ярко выступало стратиграфическое положение могил. Погребения, аналогичные парному захоронению (№ 6) в северо-

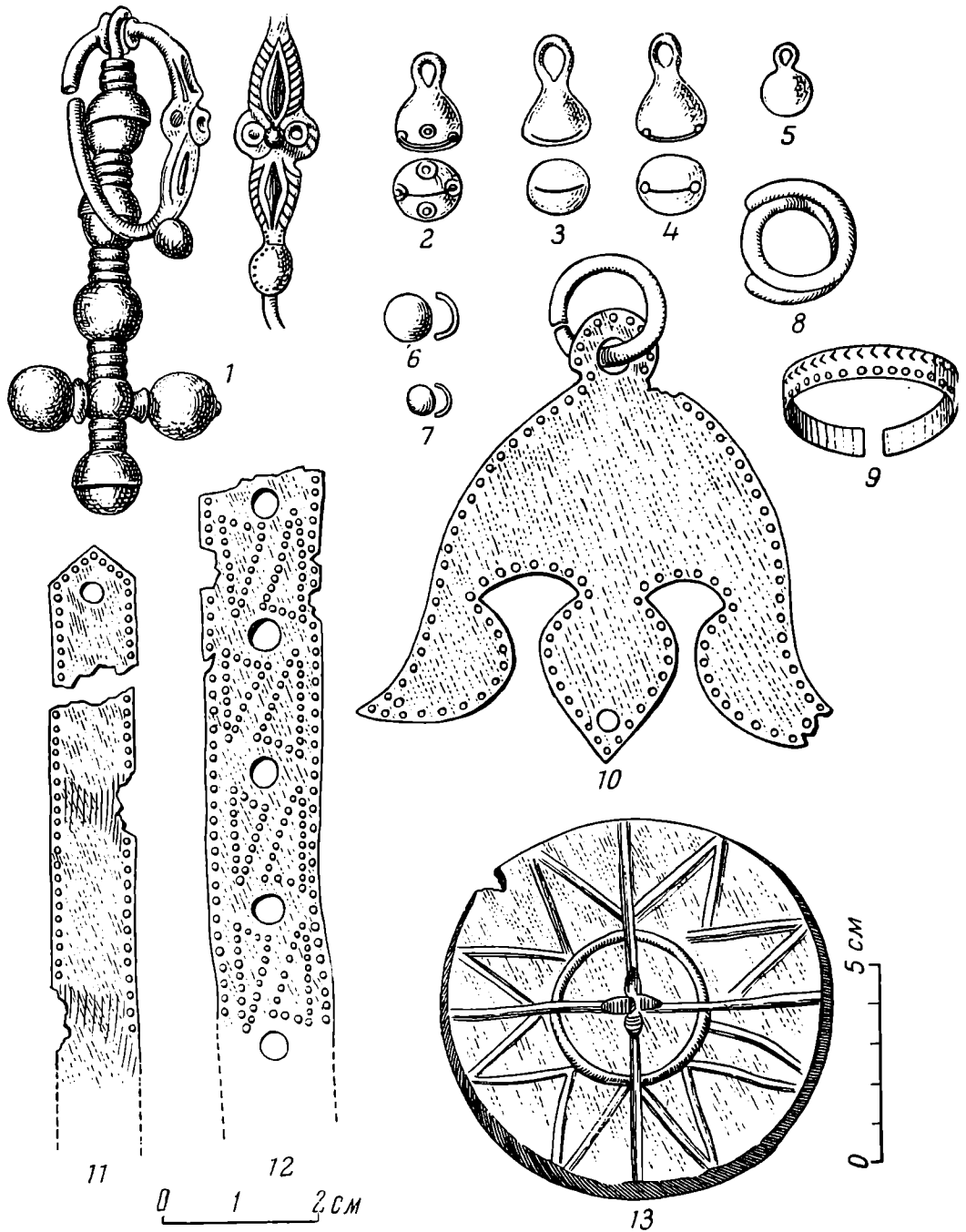

Рис. 49. Предметы украшения из погребений на городище Адюх:

1 — серебряная серьга; 2-5 — бронзовые пуговицы; 6, 7 — бронзовые бляшки от головного убора; 8 — бронзовое височное кольцо; 9 — серебряный перстень; 10 — бронзовая подвеска; 11, 12 — бронзовые орнаментированные пластинки; 13 — зеркало из белого сплава (1 — из могилы № 2, остальные из могилы № 6).

западном углу, в одном из которых оказался горшок с линейно-гребенчатым орнаментом, лежали под могилами, тождественными мужской могиле № 3 в центре здания.

Следующий раскоп был заложен возле первой городской стены. Здесь открыт жилой дом и выяснено устройство городской стены. Она была сложена из крупных кусков грубо отесанного камня; кладка на известко-

вом растворе. Пространство между панцырями заполнено щебнем и залито известковым раствором. Основанием стены служила скала, в которой для кладки прорублена канава глубиной 0,2 м. Ширина стены 1 м. Высота ее в настоящее время 1,2 м. С напольной стороны следов жилищ возле стены не оказалось.

Со стороны городища к ней вплотную примыкало жилое строение длиной 3 м и шириной 4 м. Каменные стены его (толщиной 0,6 м) сложены на глине и сохранились на высоту 0,9 м. Возле задней, в качестве которой служила городская стена, в жилище была устроена «лежанка» шириной 0,8 м и высотой 0,6 м. В противоположной стороне оказался дверной проем шириной 0,9 м. Полom жилища служила материковая скала. Слево от входа, вдоль восточной стены, помещались нары из каменных плиток неправильной формы. Нары возвышались над полом на 35 см. Направо от входа имелись такие же нары, но они не доходили до «лежанки». Между ними и «лежанкой» в юго-западном углу строения стоял очаг из глины и каменных плит. На полу жилища возле нар с левой стороны найден каменный точильный брусок с дырочкой для подвешивания. В культурном слое на площади жилища и примыкающих участках встречались черепки чернолощеных сосудов, украшенных по поверхности «сосочками», и сероглиняных с гладким наlepным валиком.

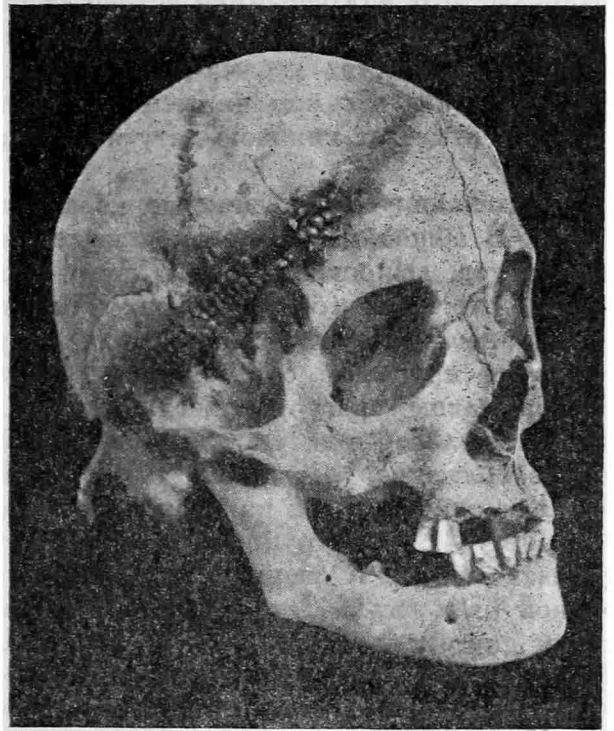

Рис. 50. Женский череп из могилы № 6. На черепе видна кайма из бронзовых позолоченных бляшек от головного убора.

Последний раскоп заложен нами в западном конце городской стены, на расстоянии 20 м от обрыва над рекой. Здесь в стене была заметна седловина.

Раскопками установлено, что на этом месте первоначально были вторые ворота, шириной 2,1 м, впоследствии заложенные вертикально стоящими камнями.

В итоге раскопками установлено, что все три части городища представляют собой единый комплекс.

Несмотря на небольшую исследованную раскопками площадь городища, на сравнительно малое количество добытого при этом материала, вопрос о датировке памятника может быть решен с достаточной определенностью. Установлено два хронологических напластования. К первому, древнейшему, периоду относится жилое строение (с очагом) у восточных ворот городской стены, каменное здание на обрыве над рекой с могильником возле него, остатки строений нижнего горизонта с прилегающими к ним зерновыми ямами во второй части городища. Ко второму, позднему, периоду относится кладбище и остатки христианской церкви в первой части и строения верхнего горизонта во второй части городища.

Время первого периода в жизни города устанавливается прежде всего на основании изучения керамики. Наиболее характерны и наиболее легко поддаются хронологическому определению обломки чернолощеных сосу-

дов. Формы их по найденным фрагментам восстанавливаются достаточно точно. Это небольшой горшочек с сильно раздутыми боками, с вытянутой и слегка вогнутой шейкой и с сосочками по расширенной части тулова. Иногда сосочки обведены лощеными полосками или резными кружками. Этот тип посуды широко известен в археологических памятниках Северного Кавказа. В частности, распространен он и в памятниках, территориально близких к изучаемому городищу — в могильниках городищ Гиляч и Байтал-Чапкан.

Дата древнейшего слоя городища Гиляч, на основании многих данных, как нам уже приходилось об этом писать, определяется концом IV—V вв. н. э.¹ К V в. н. э. относится и могильник Байтал-Чапкан². На Северном Кавказе этот вид керамики встречается и в памятниках VI в. На городище Адюх подобная керамика составляет очень незначительный процент среди общего количества керамических находок; залегала она на всех раскопанных участках в самом нижнем горизонте культурного слоя. Ясно поэтому, что она отмечает нижнюю дату в жизни поселения, т. е., по видимому, VI в. н. э.

Подавляющее большинство керамики относится к более позднему времени. В общей массе черепков выделяются обломки сосудов для хранения продуктов. Широкие венчики таких сосудов, по форме напоминающих пифосы, отогнуты горизонтально. Имеются сероглиняные лощеные сосуды с длинным носиком у края горла, сосуды с боковыми ушками, с ручкой с двумя круглыми отверстиями, разбившейся, на наш взгляд, из ручки, изображавшей фигуру медведя; сосуды с орнаментом в виде каймы из лощеных полосок в косую клетку аналогично керамике из могильника в урочище Песчанка, раскопанного И. А. Владимировым в 1898 г. Особенно близки они керамике из подземного склепа Галиатского могильника, исследованного Е. И. Крупновым в 1935 г. Дату могильника в Песчанке определяет монета Юстиниана (527—565 гг. н. э.), найденная в инвентаре одной из могил³. Дата Галиатского склепа определяется серебряным арабским диргемом, чеканенным в Басре в 81 г. Хиджры (700—701 гг. н. э.)⁴.

Следовательно, мы видим, что основная масса керамики из нижнего слоя городища Адюх относится приблизительно к VII—VIII вв.

К древнейшему периоду относятся и могилы с нехристианским обрядом погребения, вскрытые возле здания над обрывом к Зеленчуку. В инвентаре этих могил имеются некоторые датирующие предметы. Для нас интересны прежде всего серьги из низкопробного серебра (могила № 2; рис. 49—1). У них овальное проволочное кольцо с шаровидным выступом и плоским расширением в виде розетки. К кольцу прикреплен длинный проволочный стержень, на который нанизано пять полых шариков, разделенных между собою рубчатыми цилиндриками. Внизу к стержню прикреплены два поперечных шарика, отчего конец стержня получает форму креста.

Золотые серьги подобной формы найдены в 1940 г. во 2-м Зеленчукском храме. Вместе с ними оказались перстни с глазком в гнезде и с четырьмя выступами, шаровидные бубенчики, такие же бубенчики малого размера на цепочках, штампованные трехлепестковые бляшки и некоторые другие вещи. Несмотря на превосходство материала, из которого изготовлены вещи из Зеленчукского храма (золото и алмадины), по форме они

¹ Т. М. М я н а е в а. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, стр. 296.

² Т. М. М я н а е в а. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2—3. Ставрополь, 1950.

³ ОАК за 1898 г., стр. 124—135.

⁴ Е. И. К р у п н о в. Галиатский могильник как источник по истории Алан-Оссов. ВДИ, № 2, 1938.

вполне однородны с аналогичными предметами из могил городища Адиух. находка в Зеленчукском храме для нас особенно ценна тем, что она датирована алмандиновой печатью армянского князя Ашота I (855—891 гг. н. э.)¹. Эта дата определяет и время рассматриваемых могил городища Адиух. Их мы можем относить также к концу IX в. н. э.

Такой датировке не противоречат и многие другие данные, на которых мы не можем здесь остановиться подробнее.

К тому же времени относятся и зеркала, найденные при всех трех женских костяках. Все зеркала оказались однотипными. Изготовлены они из светлого «белого» сплава и представляют собой диск (6,5—10,5 см диаметром) с косо срезанным краем. Лицевая сторона диска совершенно гладкая, оборотная украшена геометрическим орнаментом — литым, рельефным. Узор образует концентрические круги, зигзаги между ними, перекрещивающиеся прямые и ломаные линии. В центре оборотной стороны небольшое ушко (рис. 49—13).

На основании высказанных соображений древнейший период в жизни поселения на балке Адиух можно определить VI—IX вв. н. э.

Грань между древнейшим и последующим вторым периодом может быть установлена по событию в жизни обитателей, о котором ясно говорят письменные греческие и арабские исторические источники и которое чрезвычайно ярко отражено в материалах наших раскопок: в начале X в. среди алан (заселявших в это время в числе прочих областей Северного Кавказа и верховья Кубани с ее левыми притоками) распространилось христианство².

В могильнике третьей части городища непосредственно над могилами с языческим обрядом погребения обнаружены могилы с чисто христианским обрядом: устойчивая ориентировка строго на запад, положение костяка со скрещенными на груди руками, отсутствие пищи, инвентаря, кроме мелких вещей от одежды. В таком резком изменении обряда сказалось влияние новой религии — христианства. Датой нижних, языческих могил, на основании анализа их инвентаря, должен являться IX век н. э. Новые христианские погребения были совершены вскоре после языческих захоронений, когда городское кладбище по старой традиции еще продолжало функционировать. Впоследствии оно перенесено в первую часть городища, где была сооружена христианская церковь. Таким образом, археологический материал могильника конкретизирует свидетельства письменных исторических источников.

Десятый век является началом второго периода в жизни города. Продолжался этот период до XIII в., судя по находкам в верхнем горизонте культурного слоя. В церкви обнаружен крест-складень (энколпион) с изображением распятия и евангелистов по концам. Такие кресты — частая находка в развалинах древнерусских городов домонгольского периода. Они встречаются в слоях XI—XII вв. Много их совместно с вещами и монетами X—XII вв. найдено при раскопках Херсонеса. Значительно реже встречаются они на Северном Кавказе. Нам известна только одна находка подобного креста-складня в 1903 г. в станице Махошевской Кубанской области.

Другие находки: обломок браслета, круглого в сечении, из темнолилового стекла, железный наконечник стрелы, железные ножницы для стрижки овец также подтверждают намеченную датировку.

Керамика этого времени по типу другая в сравнении с керамикой

¹ В. А. Крачковская. Печать Багратиды Ашота с арабской надписью. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 112—117.

² Ю. Кулаковский. Христианство у алан. Византийский Временник, т. V, вып. 1 и 2, стр. 1—19.

первого периода. В ней преобладают сосуды из красной тонко отмученной глины, украшенные линейно-гребенчатым орнаментом.

Основные отрасли хозяйства обитателей города выявляются раскопками совершенно отчетливо. Скотоводство играло в нем одну из главных ролей. Оно доставляло основную пищу населению. Кости домашних животных (коровы, лошади, овцы или козы, свиньи) в значительном количестве встречались в культурном слое городища, причем в нижнем горизонте больше, чем в верхнем.

Наряду со скотоводством существовало и земледелие. О нем можно судить по зерновым ямам и орудиям для обработки зерна: жерновам, каменным ступам и толкачам.

Все орудия для обработки зерна найдены в верхнем слое городища. Некоторые из жерновов лежали непосредственно под дерновым слоем. Этот факт с очевидностью свидетельствует о том, что к концу периода существования города роль земледелия в хозяйстве усилилась.

Значительное место в хозяйстве занимала охота. Рога оленя, косули, клыки дикого кабана — нередкая находка на городище. Животные эти, без сомнения, водились в изобилии в лесах по балкам, окружавшим городище. Дикие кабаны встречаются в них и до сих пор.

Материалы раскопок указывают и на то, что обитатели города занимались ремеслами. Наиболее широко развитым было гончарное. В частности, изготовление чернлощенной керамики требовало и технических навыков и высоко в техническом отношении оборудованных «закрытых» обжигательных горнов, благодаря которым посуда приобретала черный цвет и высокую степень водонепроницаемости. Все это было недоступно любому из жителей поселения и требовало специалистов — гончаров. Подавляющее большинство керамики изготовлено на гончарном круге.

Широко была развита обработка кости. Из костей домашних животных изготовлялись игольники, пуговицы, различные рукоятки, костяные трубочки для детских колыбелей и пр.

Особенно широко использовались рога домашних и диких животных. Встречались рога со следами стесывания поверхности и пиления, с обрезанным и отшлифованным по обрезу краем, с надрезами на поверхности, расколотые вдоль и пр. Подобные находки можно рассматривать как отбросы производства.

Развито было и строительное ремесло. О нем можно судить по наличию зданий из тесаного камня, печи для выжигания извести и находке железного орудия для тески камня. Интересно, что все строения, вскрытые раскопками, оказались каменными. Очевидно, свидетельство доминиканца Юлиана о том, что аланские князья не строили каменных укреплений, касается степной Алании и не отражает развития строительного дела в предгорной и горной частях бассейна Кубани.

Обилие жерновов в верхнем культурном слое и сложность их выделки заставляют предполагать существование группы специалистов по выработке орудий для мукомольного дела, которое достигло довольно высокого технического уровня. Все обнаруженные жернова принадлежали к типу вращающихся, каменные толкачи в ступах двигались при помощи рычагов и приводились в движение, по всей вероятности, ногами, как это практиковали некоторые из горских народностей до недавнего прошлого.

Имеются некоторые данные и по вопросу о социальной структуре. Об экономическом неравенстве среди населения города можно сделать вывод на основании изучения остатков различных по качеству строений. Жилище у городской стены (размером 3 × 4 м) с нарами и очагом построено из грубо отесанного камня на глине, тогда как одно из жилых строений во второй части городища было возведено из тщательно обтесанного камня на известковом растворе.

Экономическое неравенство само собой может подразумеваться из факта развития ремесел и торговли у населения, о чем говорилось выше. Исходя из этого, можно констатировать, что еще в первый период существования города начался процесс классового образования, который впоследствии привел к феодальной структуре общества. Показательным в данном отношении является и характер самого поселения чисто городского типа, занимавшего большую площадь, обнесенную каменной стеной, с христианским храмом, с двумя кладбищами.

Исторические свидетельства XII—XIII вв. указывают на то, что Алания была страной с развитыми феодальными отношениями. Состояние феодальной раздробленности ее в начале XIII в. с исключительной выразительностью рисует «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом»: «... Пришли в страну, которая называется Алания, где жители представляют смесь христиан и язычников: сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком».

Очевидно, в связи с усиливающимися междоусобицами проведены и некоторые переделки оборонительных сооружений на городище Адюх. В поздний период жизни города (X—XII вв.) были заделаны западные ворота. Теперь в город можно было проникнуть только через одни ворота в восточной стене.

Во второй части города была сооружена длинная стена вдоль западного склона. В это же время, по всей вероятности, были поставлены стены вдоль первого и второго рвов и таким образом первая и вторая части города оказались полностью отрезанными от третьей.

Итак, в результате наших раскопок 1951 и 1952 гг. у балки Адюх устанавливается наличие поселения городского типа. Впервые поселение образовалось в VI—VII вв. н. э. и, постепенно развиваясь, существовало до эпохи монгольского завоевания.

Раскопки городища у балки Адюх дали новые археологические материалы, нужные для изучения культуры алан западной части Северного Кавказа.

Ущелье Б. Зеленчука со времен христианизации алан (X в.) становится религиозным центром страны, являвшимся в то же время культурным и политическим центром. Недаром именно здесь обнаружены первые памятники зарождающейся на основе греческого алфавита аланской письменности. Не случайно также, что именно в ущелье Б. Зеленчука, во 2-м храме, оказались находки золотых вещей с алмадинами, тогда как в других областях Алании в конце I тысячелетия н. э. золото и драгоценные камни встречаются сравнительно редко. Показательно и то, что среди вещей найден предмет официального назначения — алмандиновая печать армянского князя Ашота I. Эта находка говорит о широких международных связях алан, населявших верховья Кубани и Зеленчуков, не только с Византией через восточное Причерноморье, но и с далекими областями Закавказья.

Густота населения, о которой можно судить по количеству обнаруженных памятников, значительность этих памятников свидетельствуют о богатой культурной и политической жизни аланских племен на территории верховьев Кубани и ее левых притоков. Развитию страны содействовали удобные перевальные пути из предкавказских степей к восточным берегам Черного моря. Пути эти по Кубани, Теберде через Клухорский перевал, по Б. Зеленчуку, р. Пшиш через Наурский перевал — достаточно ясно отмечаются археологическими находками.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД ИЗ ДВИНА

В 1953 г. при раскопках средневековой армянской столицы города Двина в одном из помещений цитадели открыто несколько ям — глубоких колодцев, часто встречающихся в средневековых городищах. При расчистке ямы у восточного угла комнаты обнаружено много обломков глиняной и стеклянной посуды, среди которой особое внимание привлекли обломки сосуда синего стекла, расписанного золотом. Это небольшой флакон в форме чуть приплюснутого шара на невысоком кольцевидном поддоне (рис. 51). Узкое отверстие в верхней части указывало на наличие горлышка. Высота сохранившейся части сосуда 6,5 см, наибольший диаметр 8,5 см, диаметр дна 4,3 см. Сосуд сделан из прекрасного тонкого стекла интенсивного синефиолетового цвета. Вся его поверхность покрыта узорами, выполненными золотом и цветными эмалями. На тулове сосуда, на расстоянии сантиметра друг от друга, были расположены четыре медальона, из которых сохранились только два. Медальоны состоят из большого и малого кругов. В центре каждого внутреннего круга помещены фигуры людей и зверей. В одном медальоне, сохранившемся почти целиком, изображен скрипач, сидящий, поджав под себя ноги. Несмотря на небольшой размер фигурки, черты лица выполнены четко. Это человек с большим носом и крупными миндалевидными глазами под дугообразными бровями. Волосы прямые, подстриженные ниже ушей. Менее тщательно передана одежда, представляющая собою свободное платье с длинными рукавами. Ноги прорисованы только общими линиями. Под ногами, очевидно, коврик. В левой вытянутой руке человек держит шейку скрипки, корпус которой лежит на плече, около щеки. В правой руке у музыканта лучковый смычок; верхняя часть его касается струн инструмента.

Второй медальон сохранился хуже, но все же настолько, что можно восстановить изображение. В его центре фигурка льва с приподнятой правой передней лапой и загнутым над спиной хвостом. От третьего медальона сохранился лишь небольшой обломок, на котором уцелело изображение пушистого хвоста какого-то животного.

В нешироком наружном поясе медальона, вокруг центральных фигур, изображение шести птиц, в свою очередь вписанных в кружочки. Птицы напоминают уток, у некоторых из них обозначен хохолок. В пространстве между кружочками и птицами растительный орнамент, а поле между центральными медальонами заполнено орнаментом, напоминающим виноградную лозу. Все ограничивающие линии и орнаменты выполнены золотом. В небольшом количестве для украшений использована и разноцветная эмаль.

На плечиках сосуда помещен поясик из девяти восьмилепестковых розеток, причем четыре лепестка выполнены желтой эмалью, а другие четыре

светлозеленой; сердцевина цветка отмечена красным. Между центральными медальонами и дном, ниже золотого канта, зеленой эмалью нанесен плохо сохранившийся растительный орнамент.

Судя по изящной форме и богатым украшениям, флакон служил предметом туалета, в нем, вероятно, хранилась дорогостоящая жидкость.

За последние годы среди материала, найденного при раскопках Двина, накопились в большом количестве стеклянные изделия, весьма разнообразные по цвету и по характеру изготовления. В большинстве случаев они дошли в обломках, однако нередко удается восстановить форму изделия. Это в основном вазы, сосуды, флаконы, бокалы и т. д. Все предметы датируются IX—XII вв.

Б. А. Шелковников в статье «Керамика и стекло из раскопок города Двина»¹ пишет об исключительной ценности двинской коллекции стеклянных изделий. Несмотря на их близость со стеклянными предметами Ирана, Самарры и других центров ближнего Востока, они в основной своей массе имеют специфические особенности, которые позволяют предположить, что многие из найденных изделий изготовлены в Армении.

Местное происхождение стекла К. Кафадарян считает бесспорным², подтверждая это свидетельствами армянских средневековых историков о производстве в Армении высококачественного стекла.

Таким образом, по мнению исследователей, значительная группа двинских стеклянных сосудов, несмотря на исключительное разнообразие форм, техники и на сходство со стеклянными вещами, изготовленными в соседнем Иране и в Месопотамии, является предметом местного армянского производства.

К другой группе стеклянных изделий относятся вещи несомненно привозные. Специалисты без труда отмечают их иранское и переднеазиатское происхождение.

Описанный же нами флакон нельзя включить ни в одну из этих двух групп.

¹ Труды Государственного Исторического музея Армении, т. IV, 1952, стр. 11.

² К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952, стр. 237—238 (на арм. языке).

Рис. 51. Стеклянный сосуд из Двина.

Все детали — тонкость стекла, цвет, узоры, стиль орнамента и пр. — резко отличают его от основной массы стеклянных предметов из Двина.

Б. А. Шелковников обратил наше внимание на то, что флакон во многих чертах сходен с вазой несомненно византийского происхождения, вывезенной из Константинополя крестоносцами в 1204 г. и хранящейся ныне в сокровищнице собора св. Марка в Венеции¹. Это — небольшая с двумя фигурными ручками глубокая чаша² из тонкого стекла темного пурпурно-фиолетового цвета. По среднему борту чаши расположены семь крупных медальонов. В них помещены выполненные светложелтой эмалью сцены на мифологические сюжеты. Медальоны обрамлены расположенными по кругу розетками, наведенными также разноцветной эмалью. Свободные места

Рис. 52. Стеклоная ваза из сокровищницы собора св. Марка в Венеции.

между медальонами заполнены растительным орнаментом, выполненным золотом (рис. 52).

Действительно, по стилю (медальоны с изображением людей, характер растительного орнамента) и по технике (фактура стекла, использование золота и эмали) эта ваза очень напоминает сосуд из Двина. Сходство станет еще более убедительным, если мы обратимся к первому, подробному описанию производства византийского стекла — к «Трактату о различных искусствах» Теофила³, написанному около 1100 г.

Теофил указывает, что византийцы делали драгоценные кубки, фляги с длинной шейей из сапфирового и пурпурного стекла, украшали их золотом, серебром и краской, которую приготавливали сами же из белого, красного, желтого, зеленого стекла.

Теофил, подробно описывая технику росписи золотом и красками, тут же между прочим упоминает, что украшались эти предметы изображениями людей, зверей и листьев.

¹ Б. А. Шелковников. *Художественное стекло*. Рукопись, стр. 52; Robert Schmidt. *Das Glas*. Berlin u. Leipzig, 1922, стр. 35—38.

² Издана в красках А. Pasini, *Il Tesoro di San Marco in Venezia*, 1885, рис. 82.

³ *Schedula Diversarum artium des mömibes Thephobes*.

Техника изготовления нашего флакона полностью аналогична технике, о которой говорится в трактате. Она связывает оба сосуда, только ваза из сокровищницы св. Марка — пурпурно-фиолетового цвета, флакон из Двина — сапфирно-фиолетового. Оба сосуда украшены золотом и эмалью.

Еще один стеклянный сосуд, выполненный в такой же технике, был найден при раскопках средневековой стекольной мастерской XI—XII вв. в Коринфе¹. Это цилиндрическая небольшая фляга с узким горлом, изготовленная из синего стекла и тоже расписанная золотом, красной и зеленой эмалью. На корпусе фляги в кружочках-медальонах изображены птицы, а все свободные места заполнены растительным орнаментом (рис. 53).

Таким образом, мы знаем о трех стеклянных предметах одной и той же техники, совпадающей с той, о которой так подробно пишет Теофил.

Византийское происхождение венецианской вазы и коринфского флакона не вызывает сомнения, что дает нам право с полной уверенностью и двинский сосуд отнести к византийским изделиям.

В свое время Р. Шмидт² правильно отметил общее стилистическое сходство росписи стеклянных флаконов с украшениями византийских костяных изделий. Несмотря на различие материала и соответственно этому техники обработки (роспись в первом случае и резьба во втором), их сравнение выявляет много общих черт. Высокое мастерство византийцев в резьбе по кости известно по многочисленным вещам, особенно по прекрасным шкатулкам из слоновой кости, дошедшим до нас в большом количестве³. Они богато украшены изображениями людей и зверей и целыми мифологическими и светскими сценами. На этих шкатулках можно встретить сцены пиршеств, изображения воинов, царя, актеров, музыкантов и др.

Во всех случаях, так же как и в росписи по стеклу, фигурки людей и зверей заключены в круглые или квадратные медальоны. Свободное пространство между ними заполняется растительным орнаментом. Эти вещи датируются X—XII вв.

В Эрмитаже хранится византийская костяная пластинка того же времени из Херсонеса⁴, на которой изображен лев, поразительно похожий на льва с рисунка во втором медальоне двинского сосуда. Лев изображен в такой же позе с поднятой правой лапой и загнутым над спиной хвостом.

Можно без труда заметить, что мы имеем дело с одним и тем же художественным стилем, выраженным в разных по материалу и технике вещах.

Дата предметов из кости также совпадает с датировкой стеклянных изделий из Двина, относящихся к XI—XII вв.

Рис. 53. Стеклянный сосуд из Коринфа.

¹ G. R. Davidson. A mediaeval glass-factory at Corinth. Amer. Jour. Archaeol., XLIV, 3, 1940, стр. 297—324.

² R. Schmidt. Das Glas. Berlin u. Leipzig, 1922.

³ Goldschmidt u. Kurt Weitzmann. Die Byzantinischen Elefanteneinschnitten des X—XIII Jahrhunderts. I Band, Berlin, 1922.

⁴ Инв. номер X-188.

Есть еще одно обстоятельство, которое привлекает внимание не только археологов, но и специалистов по истории музыки, оно дает нам еще одно доказательство, подкрепляющее сказанное.

Вернемся к изображению скрипача в центре первого медальона. Музыкант держит скрипку горизонтально, приставив ее к плечу. Такое положение смычкового инструмента в восточных странах не было принято, тогда как на Западе оно стало распространяться с IX в.¹

Скрипка многим отличается от современной. Корпус ее больше, шейка короче. Корпус сделан в форме восьмерки, но еще без резко вычерченных боковых выемок; несмотря на то, что на нем ясно обозначены три струны, на шейке нарисованы четыре колка.

Это крайне редкое и одно из самых ранних изображений прототипа скрипки — фиделя.

Местом происхождения и развития этого инструмента специалисты считают славянские страны Балканского полуострова².

Широкое распространение имели фидель и другие смычковые инструменты в Византии с X в. Таким образом, и маленькая фидель-скрипка в руках музыканта приводит нас также в Византию X—XI вв.

Изображения древних смычковых инструментов очень редки. Одно из самых ранних изображений — это инструмент в руках музыканта на фреске в северной башне Софийского собора в Киеве (XI в.)³. На первый взгляд киевский музыкант похож на скрипача, изображенного на сосуде из Двина: оба держат смычковый инструмент на плече горизонтально, сходно и время, к которому относятся изображения, однако резко отличаются друг от друга формы инструментов. У двинского музыканта он по форме больше напоминает средневековый фидель, инструмент же киевской фрески — грушевидной формы с неясно выраженной шейкой, более похожий на другой смычковый инструмент — ребек.

Сказанное убеждает нас в том, что найденный при раскопках Двина в 1953 г. флакон — византийского происхождения и датируется вероятнее всего XI в.

Эта маленькая, но ценная находка еще раз показывает широкие торговые связи средневекового армянского города Двина не только с Востоком, но и с Западом.

¹ А. Г. Гинзбург. История виолончельного искусства. Музгиз, 1950; И. Ямпольский. Русское скрипичное искусство. Музгиз, 1951; Р. М. Грубер. История музыкальной культуры, т. I, М.—Л., 1947.

² А. Г. Гинзбург. История виолончельного искусства. Музгиз, 1950.

³ А. Д. Радченко. Софийский музей. Путеводитель. Киев, 1952, стр. 52; Очерк истории СССР IX—XIII вв., М., 1953, стр. 248.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЧАЧА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

В отделе истории культуры и искусства советского Востока Государственного Эрмитажа среди старых дореволюционных собраний хранится ряд древнейших бронзовых предметов, происходящих из Средней Азии и не известных в нашей научной литературе. Публикация этих предметов, ввиду крайней скудости материалов, освещающих культуру Средней Азии в эпоху бронзы и раннего железа, является делом небесполезным, в силу чего автор и берет на себя смелость обратить внимание археологов и историков культуры хотя бы на некоторые из таких предметов.

Публикуемые в данной заметке два бронзовых изделия¹ происходят из районов среднего течения Сыр-Дарьи, тяготеющих к древнему Чачу (округа современного Ташкента). Оба они приобретены Н. И. Веселовским во время его поездки в Туркестанский край в 1885 г. и переданы в Эрмитаж из Археологической комиссии в 1896 г.²

Бронзовый нож (инв. № СА-12209) происходит из кишлака Турбат, расположенного в 15 км восточнее современного сел. Ленинское, лежащего на дороге Ташкент—Чимкент. Нож — литой, однолезвийный, в форме прямой пластины, клиновидной в сечении. Слабо выраженная ручка его украшена односторонним барельефным изображением птичьей головы с длинным изогнутым клювом, переданным очень простыми средствами: данный в невысоком рельефе контур повернутой влево головы птицы дополнен лишь двумя углубленными линиями, подчеркивающими рот и переход к клюву, и кружком, изображающим глаз. Конец ножа обломан. Длина сохранившейся части 10,6 см, ширина лезвия 1,1 см, максимальная ширина ручки 1,4 см, максимальная толщина 4 мм (рис. 54—1).

Однолезвийные ножи в виде прямых пластин со слабо выраженной ручкой не раз встречались на территории Чача в качестве случайных находок³. Судя по описанию, подобные предметы известны и в Семиречье⁴. Нож такого же типа найден и при раскопках сакских курганов Тамдинского могильника на Памире⁵. Нож из кишлака Турбат отличается от всех пере-

¹ Качественный анализ их произведен в лаборатории отдела химической реставрации Государственного Эрмитажа В. Н. Кононовым.

² Отношение № 1504 от 28 августа (ст. ст.).

³ А. И. Тереножкин. Памятник материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 9, стр. 30 сл.; его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 153 и рис. 69, XVI, 3 и 8.

⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, стр. 355; его же. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 94.

⁵ Материалы Памиро-Алайской экспедиции 1948 г. Нож экспонирован на выставке Средней Азии в Государственном Эрмитаже (зал I, хр. I).

численных выше лишь украшением ручки (на остальных подобные украшения отсутствуют).

Из бронзовых изделий, обнаруженных на других территориях, ближе всего к ножам такого типа стоят однолезвийные ножи ранних кочевников Алтая (майэмирский этап)¹ и однотипные им, относящиеся к первой стадии

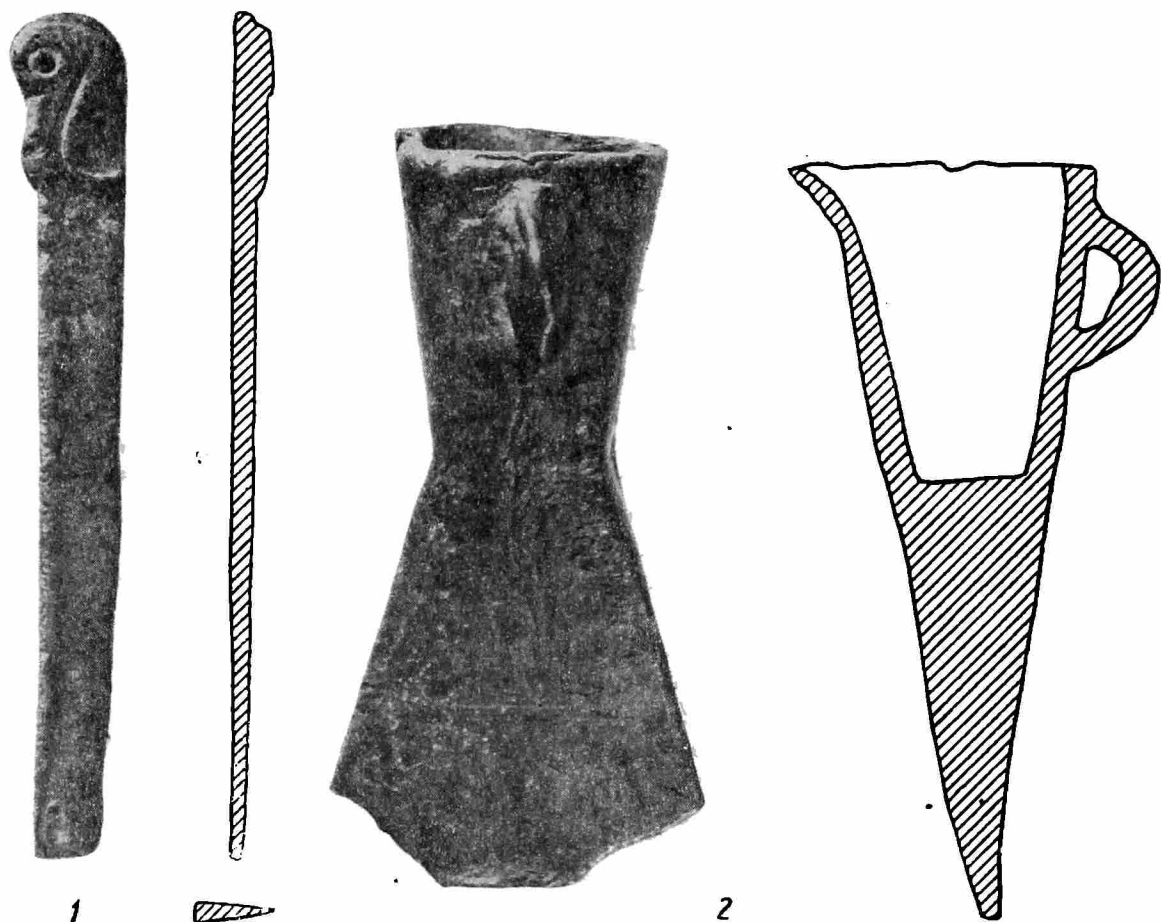

Рис. 54. Древнейшие бронзовые изделия Чача.

тагарской культуры на Енисее². Первые датируются VII—V вв. до н. э., последние — более широко, первой половиной I тысячелетия до н. э. Правда, майэмирские и тагарские ножи несколько отличаются по форме, но пластичность, однолезвийность и слабо выраженная ручка роднят их со среднеазиатскими. С ножом же из кишлака Турбат их сближает и компановка на ручке одностороннего барельефного изображения, исполненного в стиле «раннескифского» искусства, когда натуралистическое изображение животных не носило еще следов условной декоративности³.

Нож из кишлака Турбат, таким образом, есть основания датировать VII—IV, скорее всего VI—V вв. до н. э. Форму же его следует рассматривать как местную, характерную для Чача, Семиречья и Памира, т. е. для районов обитания сакских племен.

Бронзовый кельт (инв. № СА-12207) приобретен Н. И. Веселовским в кишлаке Баксук на р. Ангрэн, в 80 км от Ташкента. Кельт имеет

¹ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, рис. 5—4.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 228 и табл. XXIII, особенно фигурный указ. табл., рис. 3.

³ Ср. такую же трактовку птичьей головы на майэмирской бляшке. М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 4—2.

четырёхгранную втулку, высотой в 4 см, выделенную из самого клина орудия и суживающуюся по направлению к рабочей части (диаметр втулки наверху 3,9 см, внизу 2,7 см). На задней грани втулки помещено вертикальное дугообразное ушко (диаметром в 2,3 см). Рабочая часть, в профиль имеющая вид асимметричного клина, расширяется книзу. Высота ее 6,8 см, максимальная ширина 5,6 см. На боковых гранях отчетливо видны швы от литейной формы. Втулка кельта слегка деформирована, лезвие притуплено, а углы его срезаны. Ушко в верхней части потерто, очевидно, прикреплённой к нему веревкой (рис. 54—2).

Кельтами называют орудия, различные по назначению, чаще всего топоры и тесла¹. Судя по асимметричности рабочей части и наличию ушка для привязывания к рукояти, кельт из кишлака Баксук следует относить ко второму из указанных типов орудий.

Это не первая находка такого рода орудий на территории Чача². Однако находимые здесь прежде кельты были иными по назначению: почти все они относятся к разряду кельтов-топоров³ и фактически лишь повторяют тип кельтов III минусинской группы. Для рассматриваемого нами орудия в Средней Азии можно указать лишь одну единственную аналогию — кельт, происходящий из селения Лебединовки в долине р. Чу, восточнее г. Фрунзе⁴. Единичными находками засвидетельствована эта форма и в группах хорошо изученной древней бронзы Южной Сибири⁵. Единичность известных нам находок кельтов такого типа не позволяет относить их форму к особенностям, присущим какому-либо определенному району, тем более что втульчатые орудия, близкие по форме к кельту из кишлака Баксук (хотя и отличные от него по назначению и даже по материалу) известны, помимо Южной Сибири⁶, и на территории Восточной Европы, вплоть до Прибалтики⁷.

Вопрос о датировке орудия из кишлака Баксук сейчас не может быть разрешен достаточно определенно. Но если учесть, что кельты с выделенной втулкой отсутствуют в известных нам ранних группах и засвидетельствованы в Восточной Европе в комплексах, относящихся уже к I тысячелетию н. э.⁸, то кельт из кишлака Баксук, равно как и лебединовское орудие, следует, вероятно, относить к поздним типам орудий такого рода и датировать не ранее середины I тысячелетия до н. э.⁹

¹ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отд. истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I, 1941.

² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 153, рис. 69, XVI; ср. Изв. УзФАН, № 9, 1940, стр. 30 сл.

³ Исключение составляет один так называемый «кельт-мотыжка».

⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА, № 14, табл. XXXIV, 6, и, видимо, табл. XCV, 6а. Ср. также таблицу в работе А. Н. Бернштама «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня». СА, XI, стр. 348—349. В тексте указанных работ этот кельт не упоминается; в описании табл. XXXIV на стр. 156 отмечено лишь, что кельт происходит из с. Лебединовки, в описании табл. XCV и в СА, XI, указания о нем вообще отсутствуют. Этот кельт упомянут в другой работе А. Н. Бернштама «Археологический очерк Сев. Киргизии», Фрунзе, 1941, стр. 21. Ср. ПИДО, № 5—6, 1935, стр. 139.

⁵ См. кельт (ОИПК 1123-112) из собрания Радлова; хранится в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Кельт этот по форме тождествен лебединовскому орудию.

⁶ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. II, вып. 1. СПб., 1902, табл. VI, фиг. 10 и стр. 37.

⁷ См., например, П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. Тр. Ин-та этногр., нов. серия, т. XV, М., 1951, рис. 156 и 181.

⁸ Ср. железные «кельты» в работе А. А. Спицына «Древности бассейнов рек Оки и Камы». СПб., 1901, табл. XII, 4, и стр. 11, 31.

⁹ Отнесение кельта из с. Лебединовки в графу памятников «андроновской стадии» на табл. XCV в МИА, № 14, и на табл. в СА, XI, следует, видимо, признать ошибочным.

Еще в 1914 г. В. А. Городцов, рассматривая район распространения кельтов, писал, что в его состав входят Индо-Китай, Китай, Япония, Сибирь, Европа и западное побережье Малой Азии. Границу этой «ойкумены кельтов» он считал прилегавшей «к главнейшим культурным очагам древнего мира: Индии, Ирану, Турану, Месопотамии, почти всей Малой Азии, Египту и островам Эгейского моря, не впустившим в свои области, повидимому, ни одной характерной формы кельта»¹. Чач, видимо, и был одной из пограничных областей этой «ойкумены». Во всяком случае и по сей день в Средней Азии южнее Сыр-Дарьи не засвидетельствовано ни одной находки кельтов.

Оба публикуемых бронзовых предмета подтверждают культурное тяготение Чача в середине I тысячелетия до н. э. к кругу центральноевразийских археологических культур и свидетельствуют о древних связях народов Средней Азии с населением степной полосы СССР. Бронзовый нож из Турбата, специфически сакской формы, свидетельствует и о развитой местной металлургии и об умелом применении в ней художественных приемов так называемого «скифского звериного стиля».

¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1914, стр. 186.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

ЗАМЕТКИ О КАРАСУКСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КРАСНОЯРСКА

Основной район распространения погребальных памятников карасукского времени — Минусинская котловина. Даже ее ближайшая периферия бедна карасукскими памятниками. Поэтому открытие их в относительно отдаленных от Минусинской котловины местах, в частности, в окрестностях Красноярска, приобретает известный научный интерес.

В 1943 г. при земляных работах на так называемом Ладейском поле (г. Красноярск), на глубине 0,75 м, было обнаружено погребение, относящееся к карасукскому времени. Наземные его признаки, положение костяка (женского) и вещей в могильной яме не удалось установить¹. Инвентарь захоронения довольно богат и по разнообразию уникален; он значительно дополняет наши представления об орудиях и предметах украшения носителей карасукской культуры.

1. Кельт бронзовый, клиновидный и почти прямоугольный в сечении (рис. 55 — 1), орнаментирован двумя поперечными выпуклыми линиями на уровне боковых выступов (ушки без отверстий) и одной продольной, спускающейся от середины нижней линии. По краю втулки имеется шесть выпуклых точек. Подобные кельты, по предложению М. П. Грязнова², можно назвать «поясковыми кельтами карасукского типа». Глухие ушки, на наш взгляд, характерны для кельтов раннего этапа карасукской культуры.

2. Бронзовый коленчатый большой нож, характерный для карасукской культуры (рис. 55 — 2).

3. Такой же нож, но меньших размеров (рис. 55 — 3). Ручка его согнута больше, чем у первого, и потому между лезвием и ручкой образуется угол до 150°. Она орнаментирована тремя рядами штампованных квадратных углублений. На конце ручки — шейка для ремня.

4. Бронзовый пластинчатый предмет неизвестного назначения (рис. 55 — 4). По форме и размерам напоминает ножны для малого ножа. На лицевой стороне пластинки одиннадцать поперечных линий с мелкими нарезными делениями. На другой стороне по краям расположены четыре петли для прикрепления ремня. На выгнутой стороне предмета два кружка с отверстиями для подвешивания.

¹ Грубчатые кости и череп со всеми вещами были доставлены в Красноярский музей, где хранятся в настоящее время. Osteологический материал еще не изучен специалистами. См. заметку Б. О. Долгих в газ. «Красноярский рабочий» от 30 июня 1943 г.

² М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. Отд. истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, 1949, стр. 248.

5. Длинное шило с навершием в виде головки животного со стилизованными рогами и ушами (рис. 55—7). Через прорези навершия продевался ремень.

6. Орнаментированная трубочка, напоминающая игольницы из трубчатых костей мелких животных или птиц (рис. 55—8). Орнамент состоит из десяти рядов треугольных точек.

7. Медная игла со сломанной головкой (рис. 55—6), заметны лишь следы пробоия. В этом месте игла уплощена с двух сторон, а ниже округлена

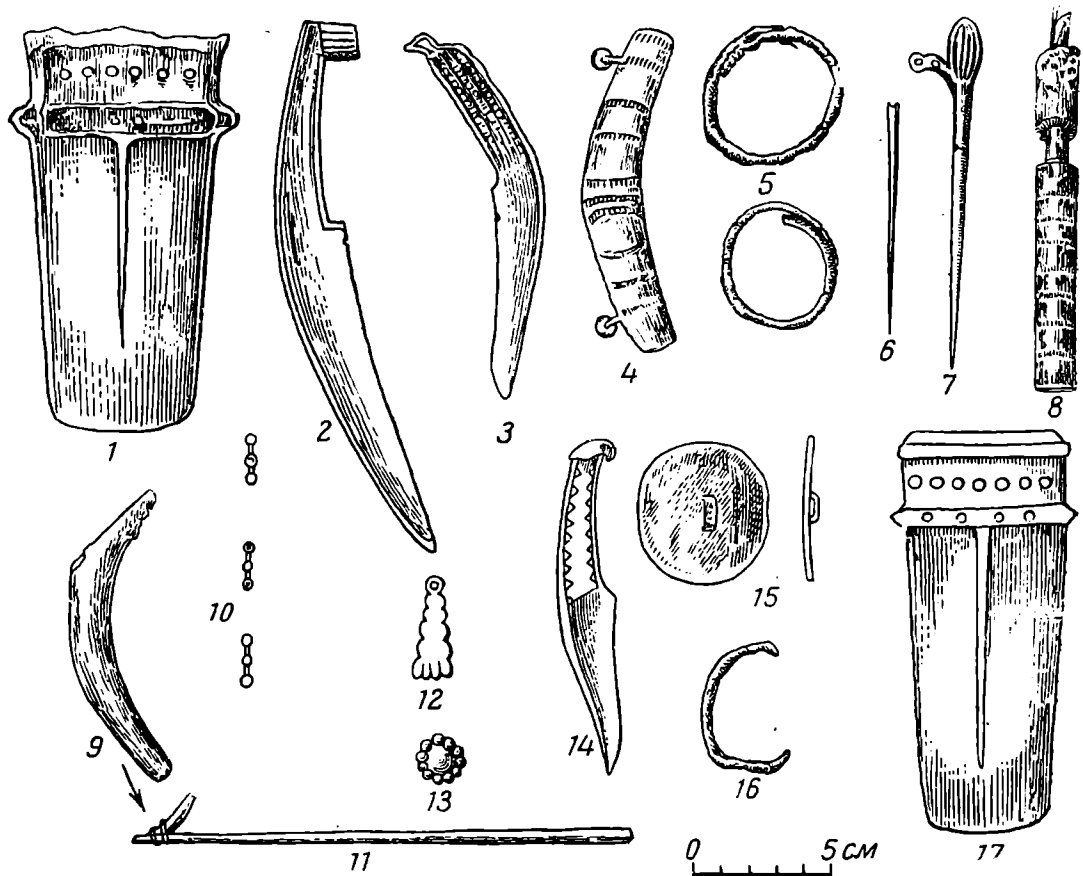

Рис. 55. Инвентарь женского погребения и случайные находки из Красноярска:

1—кельт; 2, 3—ножи; 4—пластинка; 5—височные кольца; 6—иголка; 7—шило; 8—игольник; 9—обделанный рог; 10—нашивки (застежки); 11—способ крепления рога (реконструкция); 12, 13—подвески; 14—нож; 15—зеркальце; 16—обломок кольца; 17—кельт.

и конец хорошо заострен. Игла вместе с шилом была вложена в ремешок, который продевался в описанную выше трубочку и часть которого сохранилась в ней.

8. Два больших медных кольца, называемых обычно височными (рис. 55—5).

9. Три массивных пуговицы (застежки), каждая из которых состоит как бы из трех шариков с перемычками (рис. 55—10).

10. Цилиндрическая белая пастовая бусица, аналогичная широко распространенным в карасукских памятниках.

11. Обработанный рог, широкий конец которого срезан так, что мог удобно прикрепляться к гладкой поверхности. Судя по этнографическим данным, рог мог быть прикреплен в виде крючка к концу палки (рис. 55—9, 11). Подобный рог или подходящее дерево с сучком служит в быту скотоводов в качестве крючка для ловли овец или коз за правую заднюю ногу. Карасукцы были овцеводами и, быть может, знали крючки такого назначения.

Заканчивая описание предметов единственного в своем роде богатого карасукского погребального комплекса, следует сказать, что до данной находки следы бытования карасукцев в районе Красноярска были зарегистрированы лишь отдельными случайными предметами, собранными Г. П. Соновским на Усть-Собакинской стоянке¹.

Поскольку подъемный материал находит себе параллели в описанном комплексе, следует вкратце остановиться и на нем.

На том же Ладейском поле был найден клиновидный кельт, прямоугольный в сечении². Он имеет, как и описанный нами кельт, глухие ушки, т. е. простые выступы, расположенные ниже края втулки, украшен рельефными линиями и точками (рис. 55—17).

Находка в одном районе второго топора дает основание считать их орудиями местного производства, так как аналогичных находок в других местах нет³, к тому же первый топор «испорчен при литье».

Вторым пунктом, где обнаружены карасукские предметы, является известная в археологической литературе Базайская стоянка, расположенная также в окрестностях Красноярска. Там встречены типичные для карасукской культуры так называемая лапчатая подвеска и выпуклая бляшка в виде круглой звездочки, окаймленной мелкими кружочками (рис. 55—12, 13).

На этом же месте в одном из шести погребений (№ 2), исследованных И. Т. Савенковым в 1885 г., обнаружен бронзовый кельт (рис. 56—1). По мнению М. П. Грязнова, это орудие случайно оказалось в погребении, датированном неолитическим временем⁴. По своим размерам и деталям он отличен от описанных выше карасукских кельтов (рис. 55—1, 17). Но есть и некоторые общие черты: рельефные линии, опоясывающие предмет, и выступы вместо ушек⁵.

Третьим пунктом является территория самого города. Карасукские черты ясно прослеживаются на отдельных бронзовых кинжалах из коллекции И. А. Лопатина, собранной в Красноярске и его окрестностях (рис. 56—2-4). В свою очередь эти вещи сходны с другими кинжалами из Красноярского и Канского районов⁶.

Карасукскими же следует считать некоторые орудия, обычно называемые кинжалами (рис. 56—9, 10); первое хранится в Красноярском музее (№ 234), второе происходит из Базаихи и хранится в Музее антропологии и этнографии (кол. 897, 39). Конец ручки этого «кинжала» специально откован с таким расчетом, чтобы он вставлялся в какую-то рукоятку. Интересно, что соотношение длины ручки и лезвия у бронзовых кинжалов обычно 1 : 1,5—2, тогда как у так называемых «кинжалов» это соотношение равно 1 : 4. Повидимому, орудия эти служили и в качестве черенкового копья и насаживались на длинное древко. Нет никаких оснований предполагать, как это делал В. Г. Карцев⁷, что у «кинжала», хранящегося в Красноярском музее, ручка была отломлена.

Четвертым местом карасукских находок можно считать устье речки Собакиной, в 10 км выше Красноярска. Там найден типичный карасукский нож со следами долгого употребления (рис. 55—14).

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 148.

² G. Merhart. Bronzezeit am Enissei. Вена. 1926, табл. VI, 6 и рис. 50.

³ Кельт хранится в Красноярском музее. В. Г. Карцев. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 37.

⁴ Устное сообщение М. П. Грязнова, указавшего и на другие предметы карасукской культуры. Базайские погребения вероятнее датировать карасукским временем.

⁵ Кельт опубликован Г. Мергартом, писавшим ошибочно о минусинском происхождении предмета (см. Bronzezeit am Enissei, табл. VI, 9). Им же опубликован аналогичный нашему кельт, происходящий из Енисейской губернии и хранящийся в Историческом музее № 338, 32/40 (см. указ. соч., стр. 87, рис. 48).

⁶ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2. СПб., 1891, стр. 63—66, табл. XI, 3, 4, 8; ср. 5, 6, 7; Г. Мергарт. Указ. соч., рис. 36, 37 и 38.

⁷ В. Г. Карцев. Указ. соч., стр. 43.

Ближайшей аналогией ему служит бронзовый кривой нож, найденный «в самом Красноярске, в так называемой Теребиновке». Сюда же можно отнести маленький нож, найденный у с. Кардачи, в 17 км восточнее

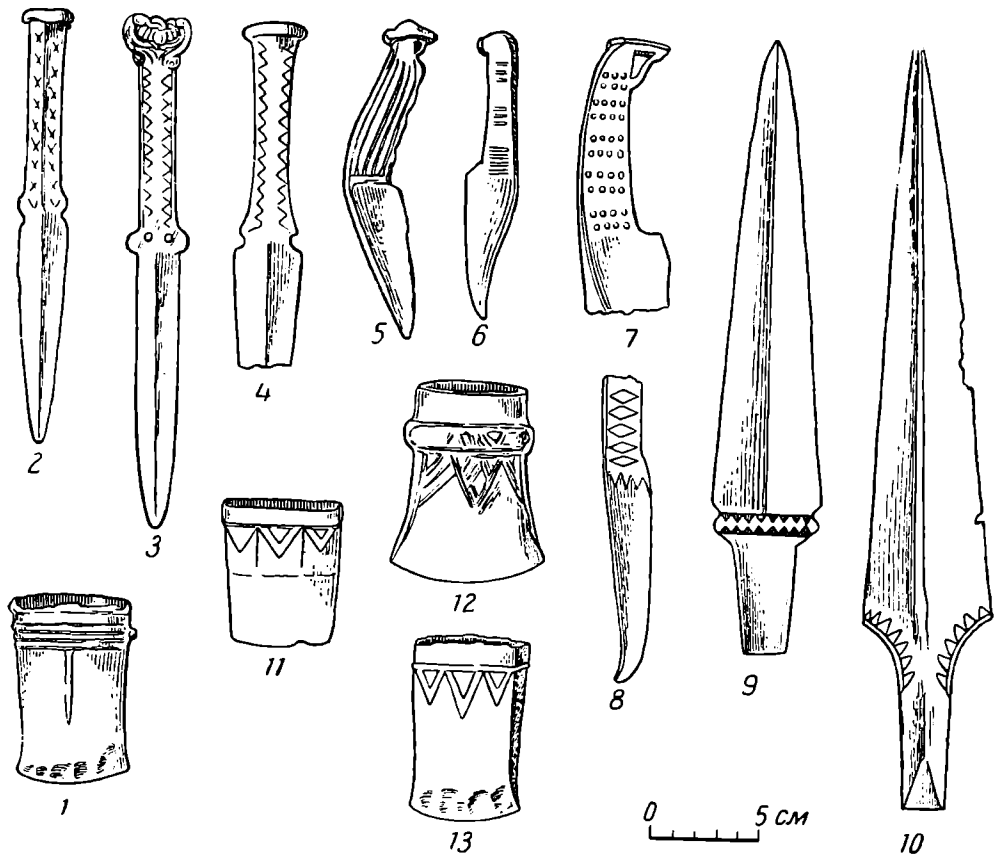

Рис. 56. Бронзовые предметы из окрестностей Красноярска:

1 — кельт-тесло; 2, 3, 4 — кинжалы; 5-8 — ножи; 9, 10 — черенковые копья; 11, 13 — кельты-тесла; 12 — массивный кельт.

Красноярска, и большой, обнаруженный у с. Иркутского, в 35 км к востоку от Красноярска, а также обломок ножа из с. Елани, в 12 км к северо-западу от Красноярска¹ (рис. 56—5-8).

На этом же месте, т. е. в устье речки Собакиной, был обнаружен в 1871 г. небольшой бронзовый кельт² (рис. 56—12). Глухие ушки, опоясывающие предмет линии и треугольные узоры сближают его с карасукскими кельтами, описанными выше. По классификации М. П. Грязнова, орудие отнесено к так называемым поясковым кельтам сейминско-турбинского типа³.

В связи с этим нельзя не упомянуть безушковые клиновидные кельты, снабженные поясковыми и треугольными орнаментами, найденные в разное время в окрестностях Красноярска⁴. Таких насчитывается более десяти. К ним же можно отнести около десяти подобных орудий, найденных в районе Канска⁵. Они относятся к указанным поясковым кельтам

¹ В. В. Радлов. Сибирские древности. т. I, вып. 1, СПб., 1888, стр. 28, 33, 35, табл. VI, 20; V, 9, 14, 21.

² В. В. Радлов. Указ. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1902, стр. 35—36, рис. 5а и 5б.

³ М. П. Грязнов. Древняя бронза минусинских степей. Тр. Отд. истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1947, стр. 247—248.

⁴ В. В. Радлов. Указ. соч., т. II, вып. 1, стр. 9—12, табл. I, 9 и табл. II, 1—4, 8.

⁵ Там же, табл. II, 5—7.

сейминско-турбинского типа, но их самобытность и близость к карасукским очевидна (рис. 56—11, 13).

В числе карасукских памятников следует упомянуть многослойную стоянку в устье речки Собакиной, на левом берегу Енисея, в 10 км выше Красноярска. Стоянка известна с конца прошлого века. В 1919—1921 гг. здесь вел разведочные работы Г. П. Сосновский, а в 1929 г. В. Г. Карцев¹. На стоянке обнаружены черепки карасукского горшка².

Таковы известные нам следы бытования носителей карасукской культуры в районе Красноярска. Материал весьма скромный, но ценен, в особенности описанные выше ладейские находки. Они составляют не только новый карасукский комплекс, но вместе с подъемным материалом дают возможность проследить некоторое своеобразие карасукской культуры далеко за пределами известного ареала ее распространения.

Каковы же эти местные особенности?

В Минусинской котловине почти не встречается ни одного карасукского погребения без типичной керамики³, в окрестностях же Красноярска ее нет. Правда, мы не знаем, достоверны ли сведения об отсутствии керамических изделий в Ладейском погребении, как не знаем и карасукской керамики из раскопок Г. П. Сосновского на Усть-Собакинской стоянке. Но нам известен облик керамики нижнего слоя данной стоянки по раскопкам В. Г. Карцева, относившего материал этого горизонта к карасукской культуре. Сосуды покрыты не свойственными этой культуре сплошными («гусеничными», «запятювидными») узорами. Форма сосуда — остродонная⁴. «Местная керамика здесь еще весьма архаична, — пишет С. В. Киселев, — и скорее может сопоставляться с афанасьевской»⁵.

Вот почему нижний горизонт Усть-Собакинской стоянки со своеобразной керамикой и костями исключительно диких животных (определение В. И. Громова) не имеет прямого отношения к карасукской культуре.

На основании изложенного можно сказать, что карасукская керамика в районе Красноярска представлена не остродонными сосудами, покрытыми сплошными узорами, как керамика из нижнего горизонта Усть-Собакинской стоянки, а особой посудой, украшенной треугольным орнаментом, характерным для всей карасукской орнаментики. По описаниям В. Г. Карцева, эта керамика отличается от карасукской лишь деталями рисунков. Сюда же следует отнести и находки Г. П. Сосновского из слоя, расположенного, вероятно, над нижним горизонтом Усть-Собакинской стоянки.

До находки в карасукском погребении было неясно время бытования кельтов с глухими ушками. Боковые выступы таких кельтов напоминают выступы каменных топоров, встречаемых часто по Ангаре. Рельефные линии, идущие между ушками (орнаментально имитирующими привязи каменных топоров к рукоятке), сливаются с выступами. С середины нижней линии опускается одна черточка или ряд заштрихованных треугольников. Последние повторяют узор карасукской керамики. Усть-Собакинский кельт с выступами по бокам по орнаменту может быть связан с безушковыми клиновидными кельтами из окрестностей Красноярска и Канска, насчитывающимися более 20 находок. Они обыкновенно сближаются с турбиносейминскими топорами и древнее, чем обычные «поясковые кельты карасукского типа», как их называет М. П. Грязнов.

¹ В. Г. Карцев. Отчет о раскопках за 1928—29 гг. Архив ИИМК, ф. 2. № 171, стр. 37.

² В. Г. Карцев. Указ. отчет, стр. 13.

³ С. А. Теплоухов. Древние могилы Минусинского округа. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1929, стр. 91—108, табл. XII—XVI, рис. 16, 17.

⁴ В. Г. Карцев. Материалы..., стр. 38, табл. V.

⁵ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 148.

Таким образом, карасукские кельты с выступами и без них имеют местное происхождение. За пределами Красноярска и Канска подобные кельты встречаются очень редко (Минусинская котловина, д. Кривая, с. Бейское, с. Абакан, Ангара-Чадобец и др., затем Ирбит).

Хотя в Ладейском карасукском погребении и не найдено ни одного кинжала, они есть среди случайных находок в черте города и его ближайших окрестностях. У интересующих нас кинжалов, носящих карасукские черты, наблюдаются выемы между лезвиями и ручками. Ширина последних иногда почти одинакова. Техника изготовления менее совершенна, чем у обычных минусинских изделий. По штрихованным треугольным узорам и по форме эти кинжалы относятся к серии карасукских бронзовых предметов, локализованных в районе Красноярска.

Если с выделением значительного комплекса археологических предметов, имеющих некоторые присущие только им особенности, можно говорить об обитании определенной группы людей на территории распространения этих находок, то в районе Красноярска—Канска могло обитать одно из карасукских племен, культура которого была сходна с типичной культурой карасукских племен Минусинской котловины, но имела местные отличительные черты.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

БРОНЗОВЫЙ МЕЧ ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

В Томском краеведческом музее хранится бронзовый меч с пометкой в инвентарной книге: «Из Минусинской котловины». Более точно место его находки не известно. Меч прямой, двулезвийный, сломанный пополам. Лезвия заточены на обе стороны. Клинок в середине имеет утолщение, подобное «срединной жилке» многих кинжалов, минусинских и происходящих из других мест, только значительно более широкое, особенно у рукояти. К острию клинка это утолщение суживается. Конец клинка закруглен (рис. 57—1).

Меч цельнолитой, с литым орнаментом на рукояти. Перекрестья в настоящем смысле этого слова нет, имеются выступы в виде лопастей, слегка загнутые в сторону клинка и расширяющиеся к концам. В средней части этого «перекрестья», между клинком и рукояткой, — утолщение прямоугольной формы, четырехгранное в сечении.

Рукоятка меча представляет в сечении сильно вытянутый прямоугольник с закругленными (для удобства охвата) сторонами. Конец рукоятки обломан в древности, почему длина и форма навершия остались неизвестными.

Общая длина сохранившейся части 42,5 см, длина клинка с «перекрестьем» 37,5 см, ширина клинка под «перекрестьем» 3,7 см, толщина клинка в середине 0,6 см, толщина клинка у лезвия 0,3 см, длина сохранившейся части рукоятки 5 см, ширина 2,5 см, толщина рукоятки 0,7 см, ширина «перекрестья» 6,8 см.

Рукоятка украшена с обеих сторон орнаментом. На одной стороне орнамент состоит из двух параллельных зигзаговых линий, идущих вдоль. В треугольничках, образованных одним из зигзагов и боковым ребром рукоятки, — выпуклые точки.

Другая сторона рукоятки украшена зигзаговой линией, разделяющей все поле на треугольники, вершины которых обращены в разные стороны. Треугольники одного ряда заштрихованы косой штриховкой, другого — украшены двумя точками, расположенными параллельно «перекрестью» меча.

Узор на литейной форме вырезан углубленно и при отливке он получился рельефным, а фон — углубленным.

Меч изготовлен из прекрасной золотистой бронзы, отлит в двусторонней форме, затем подвергся дополнительной обработке, так как швы везде зашлифованы и их совсем незаметно. Отливка очень чистая. Поверхность меча покрыта зеленой патиной.

Находка представляет большой интерес. Бронзовые мечи — вообще редкость, а для Минусинской котловины это пока уникальная вещь. Един-

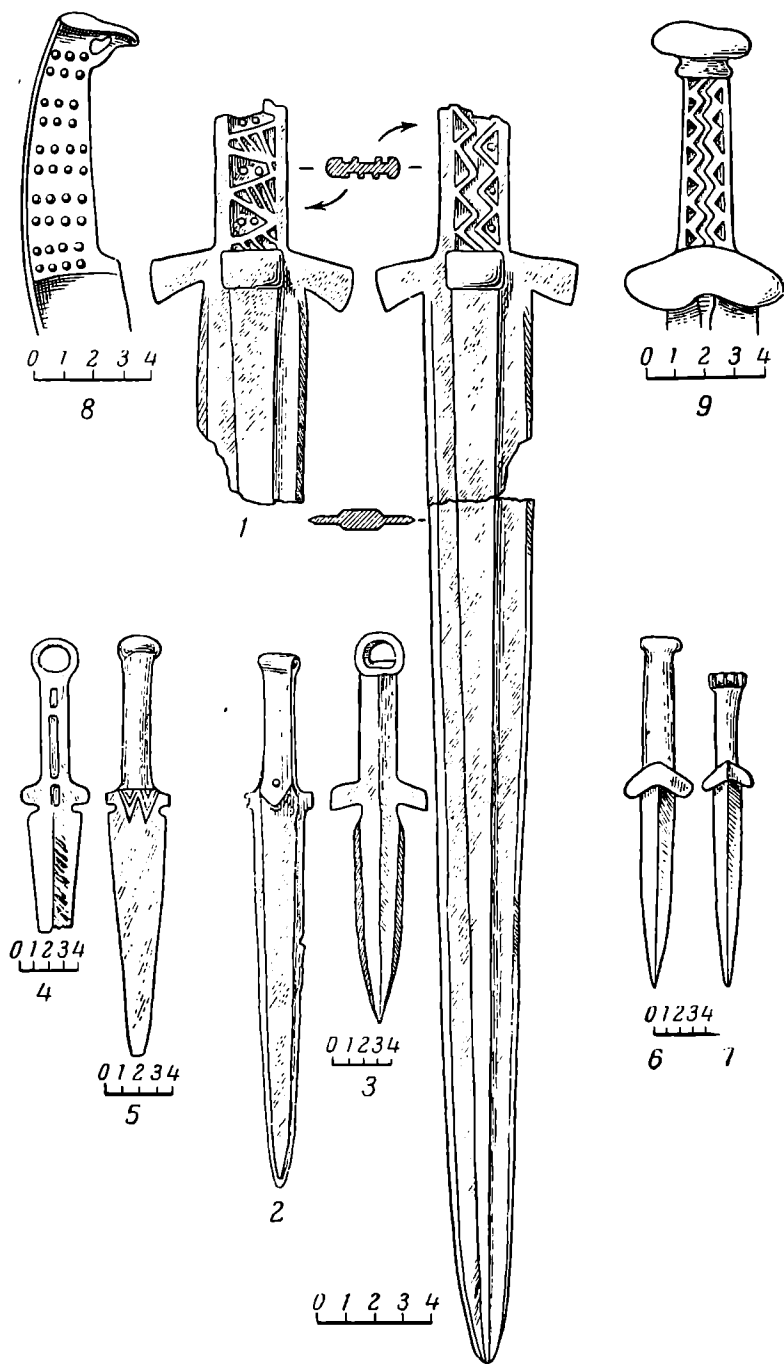

Рис. 57. Бронзовый меч, кинжалы и нож из Минусинской котловины:

1 — меч; 2-5, 8 — карасукские кинжалы и нож; 6, 7, 9 — тагарские кинжалы.

ственный приближающийся по размерам кинжал-меч найден недалеко от Красноярска, на берегу Енисея, у с. Коркина (рис. 57 — 2)¹, но длина его лезвия с «перекрестьем» меньше длины той же части минусинского меча с р. Вилюя, описанного Д. Н. Анучиным и неоднократно изданного².

¹ Издан у В. В. Радлова в «Сибирских древностях». МАР, № 5, табл. XI, рис. 1.

² Д. Н. Анучин. Notice sur quelques épées en bronze trouvées dans la Russie et en Sibérie. Trav. du Congr. de arch. préhist. à Moscou, 1892, стр. 342—345; Г. П. Соколовский. Заметки по археологии Прибайкалья. Изв. СОРГО, т. 51, 1926; А. П. Окладников. Археология и основные вопросы древней истории Якутии. КСИИМК, вып. IX, стр. 73, рис. 9, 1; его же. История Якутии, т. I, табл. XXI, рис. 1, Якутск, 1949.

Датировка меча может быть произведена на основании его формы и орнамента. Перекрестье того же типа встречено на кинжале из Томского могильника (Большой мыс), относимого М. Н. Комаровой к переходному карасукско-тагарскому времени¹.

Два кинжала, очень сходные с публикуемым мечом, найдены на Алтае. У обоих перекрестье того же типа, но несколько более развитое, а один с таким же утолщением в середине клинка². М. П. Грязнов относит их к VII—V вв. до н. э., включая в комплекс предметов майэмирского этапа, хотя оба кинжала происходят из случайных находок, а не из раскопок, и категорически настаивать на этой датировке нельзя.

Если брать более далекие аналогии, можно указать на кинжал из Каменноостского могильника в Кабарде (раскопки Е. И. Крупнова, 1948) уже с железным клинком, но с бронзовой рукояткой и перекрестьем той же формы, что и у минусинского. Е. И. Крупнов датирует могильник VIII—VII вв. до н. э.³

В Минусинской котловине тоже известно несколько кинжалов с таким перекрестьем, но они происходят из случайных находок. Рукоятка одного из них (рис. 57—3) заканчивается кольцом, уплощенным снизу, или, как называет С. В. Киселев, «аркой на кронштейне». Ножи с таким навершием неоднократно встречались в погребениях Минусинской котловины и датируются концом IX—VIII в. до н. э. (Баинов улус, раскопки В. Г. Карцова, 1930; Ильинская гора, раскопки С. В. Киселева, 1929; Капчалы, группа III, раскопки В. П. Левашевой, 1935 и др.).

Перекрестья многих карасукских кинжалов изготовлялись посредством выемок в клинке (рис. 57—4, 5)⁴. М. П. Грязнов называет такие перекрестья шипами. Примерно того же типа перекрестье и у меча с р. Вилюя.

Перекрестье публикуемого меча является дальнейшим развитием этого типа перекрестий; «лопасти» или «шипы» становятся шире клинка, но толщина их не превышает толщины клинка, небольшое утолщение имеется лишь посередине. Дальнейшее развитие перекрестья заключается в полном его обособлении от клинка. Все тагарские кинжалы имеют уже настоящие обособленные перекрестья (рис. 57—6, 7)⁵.

Рукоятки карасукских кинжалов — овалы в сечении, полые внутри. Плоские рукоятки появляются в переходное карасукско-тагарское время (например, уже упоминавшийся кинжал из Томского могильника) и бытуют в тагарскую эпоху.

Орнамент меча подтверждает его датировку. Заштрихованные треугольники и цилиндрические ямки — излюбленное украшение карасукской керамики, в тагарскую эпоху этот орнамент не встречается. Есть некоторые основания полагать, что цилиндрические ямки (в отличие от ямок с круглым дном) появляются в конце существования карасукской культуры⁶. Напомним, что на литейной форме для минусинского меча вырезаны

¹ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Зап. Сибири. МИА, № 24, рис. 25, 9.

² М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, рис. 5—1 и 6—9.

³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 99—100. Кинжал хранится в ГИМ, зал V.

⁴ И. П. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, табл. IV, рис. 5; табл. I, рис. 5а. Томск.

⁵ В. В. Радлов. Указ. соч., табл. VII, рис. 2; И. П. Кузнецов-Красноярский. Указ. соч., табл. IV, рис. 6.

⁶ Такие ямки встречены на карасукских сосудах, украшенных еще остросеребряными валиками (стоянка Батени — см. С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, вып. 2, и др.). Остросеребряные же валики на сосудах из Причерноморья твердо датируются предскифским временем (Обиточная, Белозерский лиман и др.).

именно такие ямки. Вообще на карасукских бронзовых ножах (рис. 57—8) и кельтах часто встречается орнамент в виде выпуклых точек.

Зигзаги как элемент орнамента встречаются на карасукских¹ и на тагарских ножах и кинжалах² (рис. 57—9), а также и на керамике карасукского и переходного карасукско-тагарского времени. Техника нанесения орнамента — углубленный фон и выпуклый рисунок — характерна уже для тагарского времени.

Таким образом, по изложенным соображениям меч из Минусинской котловины может датироваться переходным карасукско-тагарским временем, т. е. временем около VIII в. до н. э.

¹ В. В. Радлов. Указ. соч., МАР, вып. 3, табл. V, рис. 19.

² Там же, табл. VIII и стр. 48, рис. 11.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ТАШТЫКСКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ

При изучении памятников таштыкского искусства удалось установить, что в ту эпоху достигло небывалого расцвета искусство объемной реалистической скульптуры не только из дерева, как считалось до сих пор, но и из камня; сюжетом обычно служили животные. Мы знаем таштыкские каменные изваяния лежащих баранов, статуи лошадей и быков¹. Известны и высокохудожественные скульптурные изображения человека: во-первых, это появляющиеся в раннеташтыкское время² (I в. до н. э.—I в. н. э.) деревянные статуэтки³, которые позднее, на сырском этапе (I—II вв.), становятся составными, причем части их изготовляются уже из различных материалов (кость и дерево)⁴; во-вторых, это лицевые портретные погребальные маски, сделанные из гипсовидной терракоты; и, наконец, каменные изваяния с изображениями людей, лучшим образцом среди которых является одно открытое недавно.

В 1948 г. в Хакасский областной музей краеведения была доставлена четырехгранная каменная стела, высеченная из девонского песчаника⁵. Высота ее в настоящее время составляет 1,31 м, но стела первоначально была несколько выше. Грани в среднем достигают 30 × 18,5 см. Высота лица от верха лба до подбородка 23 см, ширина скул 15 см. Изображение объемно, но оно не выдается над плоскостями камня, а выступает благодаря углублениям по поверхности камня (рис. 58). Никаких других изображений или рисунков на столбе нет.

Столб найден на р. Малая Есь у улуса Кызласова⁶. Первоначально он стоял в ряду других вертикально вкопанных камней, причем врыт был так,

¹ Таштыкские каменные изваяния животных см. F. J. Strahlenberg. Der Nord- und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, табл. XXI; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2, 1929, табл. VII, рис. 56, 57, 59, а также стр. 85, XVI и XVII; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2. М., 1951, табл. XIX, рис. 3; H. Appelgren-Kivälö. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 286, 340.

² По выделяемым нами этапам таштыкской эпохи. Не опубликовано; см. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха (I в. до н. э.—V в. н. э. в истории Хакасско-Минусинской котловины). Автореферат кандидатской диссертации. Изд. МГУ, М., 1953.

³ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. XXXVIII, рис. 2.

⁴ Там же, табл. XXXVIII, рис. 6.

⁵ Стела найдена и перевезена в музей местным краеведом и любителем древностей А. Н. Липским. См. А. Н. Липский. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 157—162.

⁶ См. карту, приложенную к работе М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2, 1929, стр. 89.

что высеченное лицо оказалось вверху столба в перевернутом виде. Ряд камней тянулся на восток от двух небольших прямоугольных оградок типа тюркских поминальных¹, так широко распространенных на Алтае, в Туве, Монголии и Казахстане. Эти оградки сооружались тюркскими племенами, входящими в состав каганата VI—VIII вв. До сих пор на территории Хакасско-Минусинской котловины они обнаружены не были, ибо кыргызы, не зависящие от орхонских тюрок, не имели обычая их сооружать. Тюркские ли это оградки, покажет детальное обследование. Ничего неожиданного в нахождении такого рода памятников здесь нет, так как орхонские тюрки,

Рис. 58. Лицо изваяния с р. Малая Есь.
Вид спереди и сбоку.

как известно, периодически совершали грабительские набеги на землю кыргызов. Тюркские изваяния тувинского типа в небольшом количестве в этой местности имеются².

Для датировки найденного в 1948 г. памятника важнее всего необычайное сходство изображенного лица с таштыкскими масками, которое бросается в глаза с первого взгляда. В самом деле, и по стилю и по характеру изображения это типично таштыкская маска-бюст (IV тип масок — по С. В. Киселеву)³, но изваянная из камня. Та же манера изображения только передней половины головы, с такими же плохо детализированными ушами, те же сощуренные глаза со щелевидным разрезом век и, наконец, тот же общий монголоидный тип лица, который характерен для большинства масок, найденных в таштыкских склепах⁴.

Все это позволило нам уже при первом осмотре в 1950 г. датировать изваяние таштыкским временем. Значение этой находки очень велико.

¹ А. Н. Липский. Указ. соч., рис. 71.

² Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24. сто. 94—96, рис. 42—43.

³ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 450.

⁴ С. В. Киселев. Указ. соч.; ср. маску-бюст на табл. 43.

Во-первых, она доказывает, что таштыкские скульпторы достигли подлинных вершин в создании реалистического портрета, с равным успехом подчиняя своему замыслу любой материал (дерево, керамическую массу, камень). Эта «каменная маска» изваяна с не меньшим искусством, чем маски из гипсовидной терракоты, а ведь при этом, конечно, не участвовали никакие формы, снятые с лица умершего человека. Этот факт подтверждает справедливость нашего сомнения в том, что таштыкские маски изготовлялись механическим способом и не являются произведениями искусства. Ведь то, что можно было воплотить в камень, гораздо легче создать при помощи пластического материала.

Очень любопытно назначение этого изваяния. Оно, несомненно, вытекает из назначения погребальных масок, происходящих из склепов. Ясно, что подобная каменная скульптура создавалась не для того, чтобы сопровождать прах покойного в могилу. Она, как и маски (первоначально), предназначена была для совершения необходимого ритуала почитания умершего и, может быть, стояла в каком-либо святилище, но, очевидно, не у склепа, содержащего большое количество погребений. И если маски погребались вместе с прахом, то изваяния такого рода предназначались для более длительного почитания знаменитых, наиболее отличившихся предков. Таким образом, в скульптуре, найденной у улуса Кызласова, можно видеть портретное изображение реального лица. Нет никакого сомнения в том, что это изваяние обязано своим происхождением таштыкским маскам. Совершенно определено оно является переходным памятником (от масок к каменным изваяниям), интересным соединительным звеном в генезисе каменных изображений человека. Предшествующим звеном были маски-бюсты; они предназначались для установки вертикально, для чего у многих из них снизу есть расширения, образующие подставку.

Маски-бюсты, появляясь впервые в склепах изыхского (раннего) этапа, встречаются затем в склепах сырского и уйбатского этапов, т. е. существовали они в пределах от I в. до н. э. до IV в. н. э. Правильнее, вероятно, считать, что такого рода изваяния пришли на смену терракотовым маскам, может быть, в конце III или начале IV в., когда маски уже исчезают. Эта точка зрения подтверждается и более поздними типами таштыкских каменных изваяний, открытыми еще в конце XVIII в., но получающими хронологическое определение окончательно лишь благодаря находке скульптуры на р. Малая Есь. Мы имеем в виду изваяния, известные в литературе под хакасскими названиями «Кизи-таш» (правильнее, «Кизи-тас», т. е. «каменный человек») и «Улу-Кыс-таш» (правильнее, «Улух-Хыс-тас», т. е. «большая каменная девушка»), найденные еще П. С. Палласом в 1772 г. на левом берегу р. Абакан, между селами Аскыз и Усть-Есь, в так называемой Могильной степи¹. До нашего времени они не сохранились и известны по несовершенным рисункам Г. И. Спасского (1818 г.) и И. Р. Аспелина (1887 г.), недавно переизданным М. П. Грязновым²; да по описаниям академика Палласа и других авторов.

Эти изваяния также представляют столбообразные четырехгранные плиты, но с изображениями на трех гранях.

Наверху средней широкой грани — лицо, грудь, руки человека, в одном случае (Кизи-тас), держащего в левой руке сосуд. На боковых узких гранях помещены различные мелкие рисунки:

Кизи-тас — на правой грани сложный лук в налучье, а ниже всадник на коне с копьём в руках, на конце которого висит трехлопастный флаг. На

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина I, 1772 и 1773 гг. Перевел В. Зуев. СПб., 1788, стр. 501.

² М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, XII, стр. 146—147, рис. 15, 16; здесь же см. историю изучения и библиографию.

левой грани, сверху, также копье с флагом, а ниже какое-то животное и фигурка ребенка¹;

Улук-Хыс-тас — на левой грани шесть идущих друг за другом верблюдов, на правой, сверху вниз, тамгообразный знак, животное, фигурка ребенка и верблюды².

Фигуры этих памятников плоские и силуэтные, высеченные несомненно одновременно. Изображение выделялось на общей плоской поверхности камня при помощи углубления фона, т. е. совершенно так же, как и у изваяния с р. Малая Есь. Последнее, таким образом, сближается с изваяниями Кизи-тас и Улук-Хыс-тас единством техники и тем, что изображения основных человеческих фигур даны погрудно. Таким образом, не остается никаких сомнений в таштыкском возрасте открытых Палласом памятников, тем более, что, по справедливому указанию М. П. Грязнова, в течение многих лет изучавшего все известные ныне каменные изваяния Хакасско-Минусинской котловины, в такой технике изготовлены лишь эти два изваяния (третье, открытое в 1948 г. на р. Малая Есь, М. П. Грязнову известно не было)³. М. П. Грязнов высказал, в основном, правильное предположение, что «они относятся ко времени около нашей эры или несколько позднее», причем предложил «считать их ранними формами каменных баб тюркского типа»⁴. Он справедливо приводит в качестве ближайшей аналогии изваяние, по его данным, привезенное Адриановым из Тувы и хранящееся ныне в Минусинском музее. Следует указать, что сведения, приведенные М. П. Грязновым о происхождении этого изваяния, ошибочны. По документам музея стела обнаружена на территории Хакасской авт. обл. в пещере на левом берегу р. Нени, против заимки Колпаковых⁵. Изваяние без сомнения таштыкское и нахождение его в пещере подтверждает тот факт, что каменные изваяния умерших предков устанавливались в эту эпоху в особых святилищах. Ввиду того, что рисунок, помещенный в работе М. П. Грязнова, неточен, так как выполнен не с оригинала, а по фотографии Адрианова⁶, приводим зарисовку, сделанную нами с самого изваяния в Минусинском музее (рис. 59—1). Это обломок четырехгранной плиты девонского песчаника высотой 0,7 м, шириной 0,3 м и толщиной около 0,13 м. Техника изображения та же, что и у других таштыкских изваяний, близки также сюжет и композиция. На средней грани крупная основная фигура человека (верх отбит и не сохранился) с сосудом в руках, сидящего сложив ноги «калачиком». Ниже изображены два сосуда: кубок и, очевидно, котел гуннского типа; еще ниже — сцена охоты: человек с луком в руках и марал, пораженный стрелой в спину, на марала спереди нападает охотничья собака. На левой грани, очень сильно поврежденной, сверху вниз расположены: хищная птица с трехпалой лапой, под нею непонятный предмет вроде булавы, затем лук и рядом с ним — колчан, в самом низу — полустертая, еле заметная фигурка человека. Контур изображений предварительно вычерчивался металлическим острием, а затем фон углублялся при помощи железного шпунта, следы которого сохранились в виде многочисленных точек.

Изваяния Кизи-тас, Улук-Хыс-тас и с р. Нени, несомненно, входят в одну группу и относятся к одному времени. Они позднее Мало-Есинской «каменной маски» и уже предшествуют тюркским. Образуется как бы один генетический ряд: таштыкские погребальные маски лица — стоящие маски-бюсты — каменные погрудные изображения (типа Мало-Есинского) —

¹ М. П. Грязнов. Указ, соч., рис. 15.

² Там же, рис. 16.

³ Там же, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 148.

⁵ Минусинский музей, инв. книга № 7, 1934, № 11. Здесь указано, что изваяние доставлено в музей Суховским (с. Синявино).

⁶ Там же, стр. 148, рис. 17.

погрудные изображения с руками и сосудом (типа Кизи-тас и изваяния с р. Нени) — тюркские каменные изваяния в виде круглой скульптуры человека с сосудом в руках¹. Таким образом, не подлежит сомнению, что тюркские каменные изваяния VI—VIII и последующих веков зарождаются еще в предтюркское, таштыкское время. Любопытно, что центром их заро-

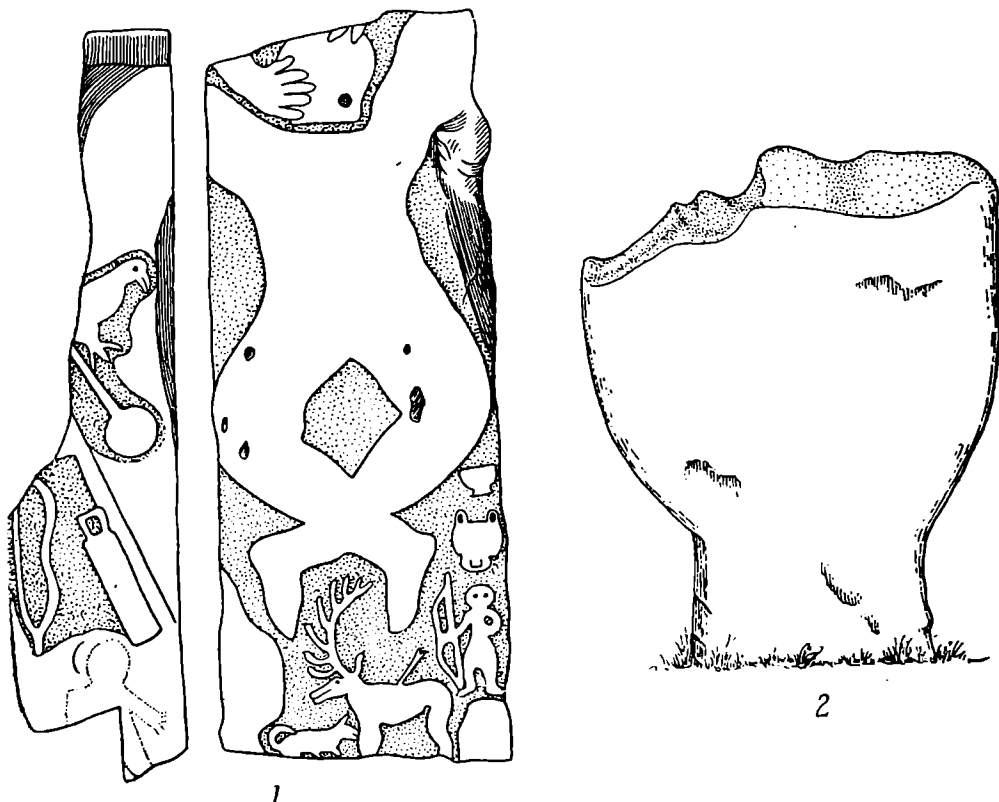

Рис. 59. Каменные изваяния:

1 — с р. Нени (Минусинский музей); 2 — из Уйбатского чаа-таса.

ждения было Алтае-Саянское нагорье (Хакасско-Минусинская котловина и, вероятно, Алтай, на котором, правда, ранние изваяния еще не найдены).

Изваяния Кизи-тас, Улук-Хыс-тас и с р. Нени относятся ко времени переходного этапа таштыкской эпохи, т. е. к IV—V вв. Такой датировке не противоречат не только высказанные соображения об их генезисе, но и другие данные. Так, копья с лопастными флагами (Кизи-тас) широко представлены уже на «кыргызских писаницах», например Сулекской², сосуды в руках (Кизи-тас и фигура с р. Нени) и положение ног «калачиком» мы видим у тюркских изваяний; кубковидные сосуды (изваяние с р. Нени) доживают до конца таштыкской эпохи и даже встречаются в раннекыргызских курганах VI—VIII вв.³, а котлы гуннского типа (изваяние с р. Нени) также характерны для IV—V вв. и, кроме того, несомненно от них происходят железные клепаные котлы на таких же прорез-

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА. № 24; см. также Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Изв. АН КазССР, № 108, серия археол., вып. 3, Алма-Ата, 1950.

² Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 187 и 193.

³ Например, глиняный кубок из каменного кургана № 3 (погребение 2) под Георгиевской горой у с. Тесь. Хранится в ГИМ; ср. Л. А. Евтюхова. Указ. соч., рис. 12 и стр. 95.

ных поддонах, встречающиеся в тюркских могилах VII в. на Алтае¹. По технике нанесения изображений эти изваяния также нельзя очень отдалять от тюркских, так как у последних та же техника (пусть пережиточная, вспомогательная, редкая и т. д.) все же встречается. Примером может служить изваяние с р. Таргалык (урочище Таарбол близ Арыг-Бажи), изданное Л. А. Евтюховой под № 34. Руки, сосуд, наборный пояс и меч изображены еще именно в этой технике, т. е. благодаря углублению фона, тогда как голова изваяна объемно².

Все эти факты определяют датировку перечисленных нами памятников в пределах IV—V вв.

Остановимся еще на одном изваянии, вероятно также относящемся к таштыкской эпохе. Оно известно по сделанной А. В. Адриановым фотографии, обнаруженной нами в материалах бывшего архива Археологической комиссии³. Стояло оно на одном из курганов Уйбатского чаа-таса и сфотографировано А. В. Адриановым в июне 1893 г.⁴ Ввиду того, что ни один из более поздних исследователей Уйбатского чаа-таса ничего не сообщает об этом памятнике, может быть он уже не существует. Изваяние — единственное в своем роде. Это нетолстая и невысокая плита, резко расширяющаяся кверху, на верхнем поперечном крае которой выбит профиль лица смотрящего вверх человека (рис. 59—2). Других изображений, кроме двух поперечных линий внизу на узкой грани, нет. Памятник ничего общего не имеет ни с андроновско-карасукскими, ни с тюркскими скульптурами. Других, кроме выделенных нами таштыкских, в Хакасско-Минусинской котловине нет. С таштыкскими его сближает, во-первых, техника, ибо все выступающие части профиля (лоб, нос, губы и подбородок) выделены благодаря углублению фона, во-вторых, изображено только лицо и притом оно обязательно должно было быть лежащим, иначе его можно было выбить и на боковой узкой грани. В данном случае, очевидно, нужно было получить также своего рода каменную «маску», но не типа масок-бюстов, а простую маску одного лишь лица по образцу аналогичных погребальных терракотовых масок, употреблявшихся только в лежащем положении. Поэтому изображение и было выбито на верхней узкой грани низкой плиты, на которой можно было лишь условно наметить черты лица. Таким образом, и эта плита подтверждает, что таштыкские каменные изваяния с изображениями людей произошли от погребальных масок.

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. 50, рис. 23.

² Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, № 24, стр. 82, рис. 18.

³ Архив ИИМК, д. № 43, 1897, л. 27, фото 1.

⁴ На обороте фотографии написано рукою А. В. Адрианова: «Камень в форме вазы и с человеческим профилем на верхнем крае, на одном из курганов в группе Уйбатского чаа-таса. Фотографиров. мною 4 июня 1893 г. Адрианов». Это изваяние также видел И. Р. Аспелин. Оно издано в материалах экспедиции Аспелина. Н. A r p e l g g e n - K i v a l o. Указ. соч., рис. 183.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ и А. И. ТЕРЕНОЖКИН

НОВАЯ НАХОДКА БЛЯХ С ЭМАЛЯМИ НА КИЕВЩИНЕ

Весной 1951 г. в окрестностях сел. Большая Салтановка, Васильковского района, Киевской области авторами были найдены бронзовые бляхи с выемчатыми эмалями. Место находки расположено на правом берегу Стугны, непосредственно против верхнего конца хут. Клепчи, в нескольких десятках метров ниже пруда (рис. 60). Оно представляет собой невысокую (до 6 м), засаженную молодым сосновым лесом песчаную террасу, переходящую во всхолмленную возвышенность. Край берега здесь был срыт при сооружении плотины, в результате чего в нем образовался неглубокий котлован (80 м длины, 50 м ширины и 1,5—2 м глубины), в который с возвышенности падает короткая обрывистая промоина.

Бляхи найдены на крутом склоне правого берега промоины (пункт 1) на глубине 0,8 м ниже поверхности поля. Конец одной из них торчал из песка. Всего оказалось три бляхи, соединенных между собою короткими цепочками. В земле они лежали плотно сложенными друг с другом, между ними находилась парная золоченая стеклянная бусина. Кроме того, в песке, выше места залегания блях, почти до поверхности встречались незначительные обломки глиняной лепной посуды и угольки.

По берегам оврага на всем его протяжении (до 100 м) также встречались подобные обломки лепной посуды, среди которых особо можно упомянуть только обломок низкой прямостенной жаровенки. Около вершины овражка (пункт 2) на смыве левого берега обнаружен большой сосуд, фрагменты которого залегали на глубине 0,6 м ниже поверхности на площадке 0,4 × 0,7 м.

Для изучения условий находки блях произведены небольшие раскопки. Площадь их была ограничена лесной посадкой.

Близ самого места находки, на мыске, образованном правым берегом овражка и котлованом (пункт 3), был заложен шурф (2 × 1 м), в котором с глубины 0,2—0,5 м встречались разнородные обломки глиняных сосудов, а на глубине 0,3 найдена пронизь из красной эмали. Против этого места на левом берегу овражка заложен раскоп площадью в 57 м². В нем наблюдалась следующая стратиграфия: 0—0,2 м сильно гумусированная, слегка задернованная почва, почти черного цвета; 0,2—0,7 м серый слабо гумусированный песок, в котором встречались обломки разновременных глиняных лепных сосудов и мелкие угольки; от 0,7 м и глубже — серый песчаный слой с отдельными редкими обломками глиняных сосудов (встречавшихся до глубины 0,9 м), постепенно переходящий в чистый светло-желтый песок без культурных остатков.

Судя по этим данным, культурный слой первоначально образовался на поверхности незадернованной дюны, так что разновременные остатки могли

свободно перемещаться. Этим же объясняется и полное отсутствие находок костей в культурном слое. Раскоп дал небольшое количество обломков лепной керамики, четыре незначительных обломка от амфор, пять целых и фрагментированных пряслиц, железную пряжку и кусочек железного шлака.

Керамика, происходящая из раскопа, отчетливо делится на четыре группы: раннескифского времени, подгорскую, зарубинецкую и керамику с заштрихованными поверхностями.

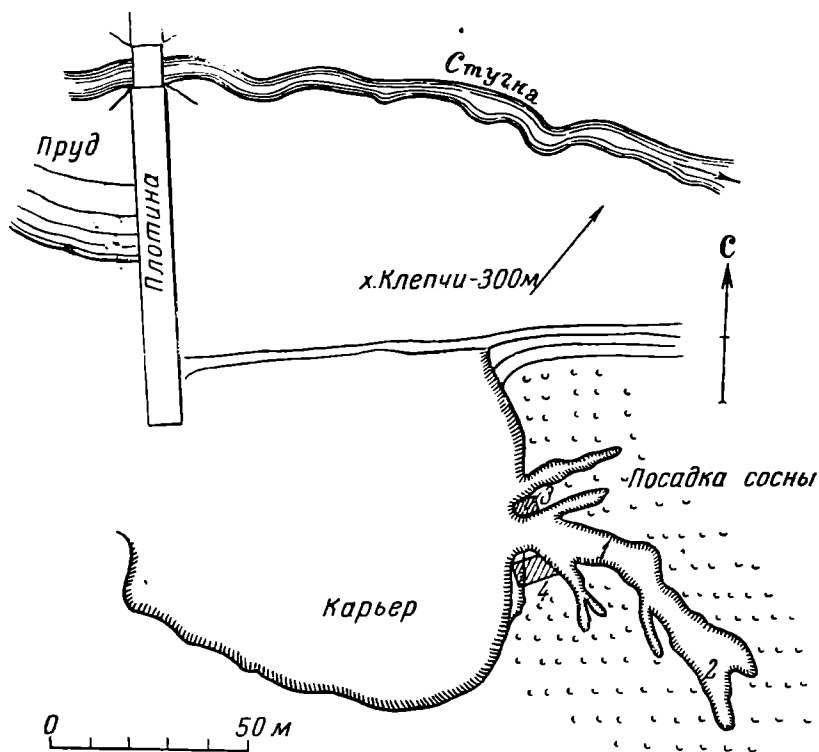

Рис. 60. Схематический план места находки эмалей:

1 — находки блях с эмалями; 2 — находка сосуда; 3 — находка эмалевой бусины; 4 — раскоп.

К раннескифскому времени могут быть точно отнесены два обломка сосудов: черепок сосуда красноватого цвета со слегка залощенной поверхностью, украшенного по краю налепным валиком с частыми пальцевыми вдавливаниями, и обломок края чернолощеного блюда, украшенного заштрихованными треугольниками и натертого с этой стороны графитом. Подобного рода чернолощеное блюдо с прочерченным узором и графитированной поверхностью известно, например, из Глевахского кургана (28 км к югу от Киева), относящегося к VI в. до н. э.¹

Подгорская керамика представлена десятью вполне типичными фрагментами верхних частей сосудов, изготовленных из довольно хорошо промешанной глины с небольшой примесью песка, с заглаженной, но все же шероховатой поверхностью; обжиг средний, черепки в изломе черные, с поверхности красноватые и желто-серые². Все обломки происходят от плоскодонных высоких сосудов с суженным горлом, обозначенным отгибом высокого прямого края и выпуклым туловом (рис. 61—1, 2); края закруглен-

¹ А. И. Тереножкин. Глевахский курган. Археология, т. IX, Киев, 1954.

² В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 199, рис. 19, 20.

ные, реже срезанные прямо, гладкие или украшенные небольшими частыми ямками от вдавлений пальцами. Самой характерной орнаментацией служат наколы с внутренней стороны, образующие снаружи выпуклины в виде ряда горошин, идущих под краем или, чаще, по самому перегибу, шейки.

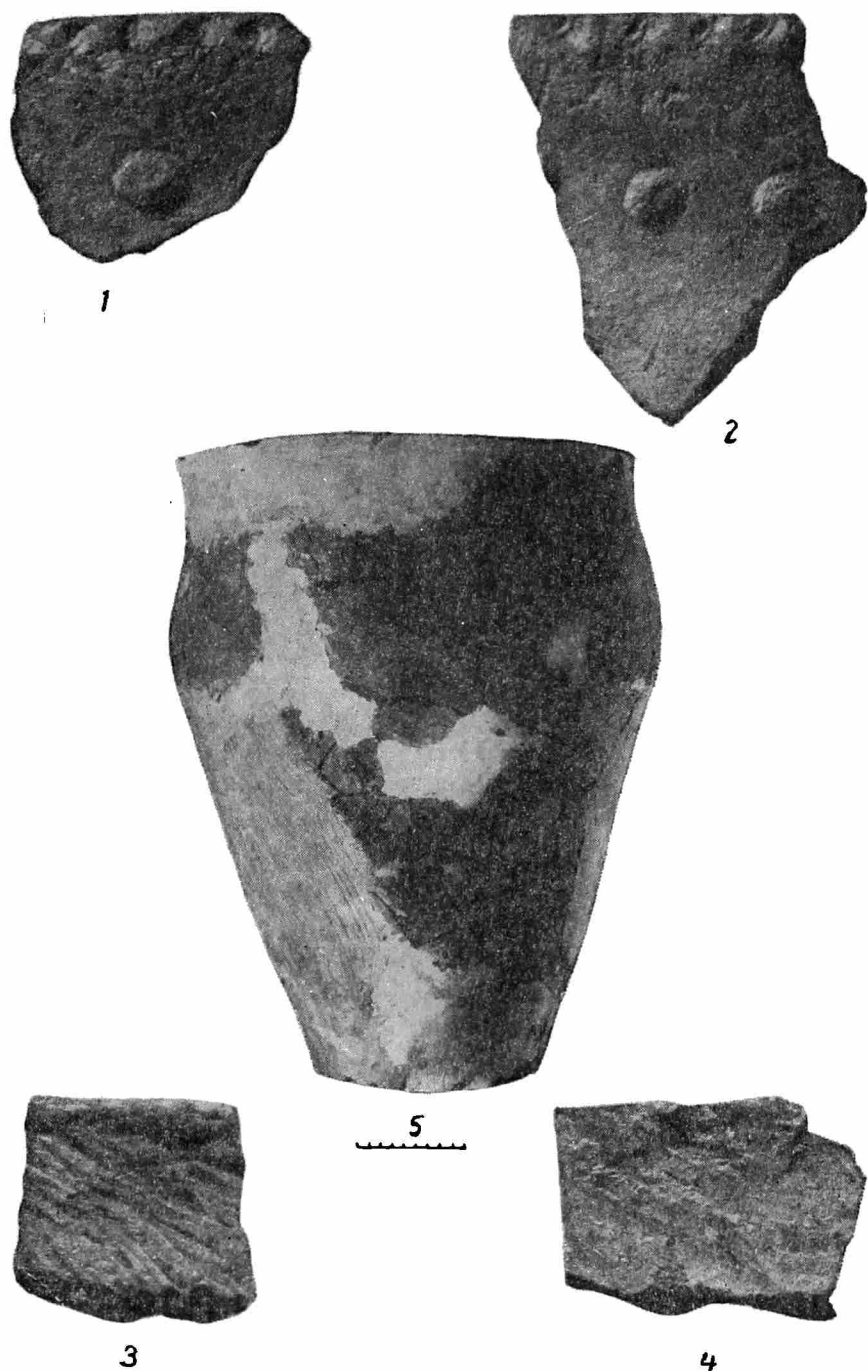

Рис. 61. Образцы подгорской и штрихованной керамики:
1, 2 — образцы подгорской керамики; 3, 4 — образцы штрихованной керамики;
5 — сосуд со штрихованной поверхностью.

К зарубинецкой поре относятся три маленьких обломка от типично профилированных мисок, покрытых буровато-черным лощением. Со скифским или с зарубинецким временем связано еще несколько обломков крупных чернолощенных сосудов и донная часть небольшого сосуда с черными заглаженными стенками.

Наиболее многочисленную группу керамики составили обломки сосудов со штриховой отделкой поверхности; таких оказалось более 40. В эту же группу входит и сосуд, найденный у вершины овражка. Глина этих черепков хорошо промешана и содержит небольшую, а в иных случаях более обильную примесь песка и мелко толченого гранита. Обжиг равномерный; черепки и в изломе и с поверхности одинакового красновато-желтого или буроватого цвета. Внутренняя поверхность заглажена руками, и на ней видны отпечатки пальцев; наружная, в большинстве случаев, покрыта резкой штриховкой. Штриховка бывает сплошная и с промежутками, прямая, косая и накрест идущая, преимущественно вертикальная (рис. 61 — 3,4). На шероховатых стенках сосудов изредка проступают зерна гранита.

Форма сосудов однообразная, полное представление о ней дает упомянутый сосуд (рис. 61 — 5). Высота его 50 см, диаметр венчика 38, диаметр дна 19 см. Он имеет вид высокой банки со слегка отогнутым наружу, несколько утончающимся краем, слегка обозначенными выпуклыми высоко поставленными плечиками, от которых стенки сужаются к небольшому плоскому дну. Сосуд сверху по обрезу края украшен косыми нарезками. Стенки его сплошь покрыты беспорядочной штриховкой.

Судя по обломкам, сосуды чаще имели приостренный край, реже закругленный и прямой. По обрезу края они украшались, кроме косых нарезок, маленькими вдавлениями пальцами. Существовала ли иная орнаментация, сказать трудно, можно лишь отметить, что на двух обломках имеются еще две широкие прочерченные линии.

Бляхи с эмалями, железная пряжка, бусы и пряслица, собранные нами, не находят аналогий среди известных материалов памятников скифского, зарубинецкого и подгорского типов. Это дает основание для включения их в культурный комплекс, представленный штрихованной керамикой, не известной ранее на территории УССР.

Три бронзовые бляхи с эмалью составляют часть изделия в виде цепи (рис. 62 — 1). Концевые бляхи продолговатые прямоугольные, не вполне одинаковые. На концах у них остатки бронзовых цепочек, которыми они были соединены с несохранившимися звеньями цепи. Бляхи соединяются парными цепочками с центральной кольцевидной, в которую вписана крестообразная фигура. Эмаль красная. Сохранность блях отличная.

Железная пряжка небольшая, с полукруглой дужкой из плоского в сечении стержня, снабжена прямой иглой (рис. 62 — 2). Она подвижно соединена с обоймицей, круглой снаружи, а снизу в виде узкой прямоугольной пластины с гвоздиком в центре, при помощи которого в обойме закреплялся ремень. Длина пряжки 3 см.

Бусина, найденная вместе с бляхами (рис. 62 — 3), белая стеклянная, как бы составленная из двух круглых золоченых (путем прокладки внутри) бусин.

Пронизь, обнаруженная в пункте 3 (рис. 62 — 4), сделана из такой же красной эмали, какая употреблена на отделку бронзовых блях, и имеет вид сужающегося к одному концу цилиндрика. Длина 1,6 см.

Пряслица (рис. 62 — 5) биконические и цилиндрические. Биконических найдено два целых и два обломка. Сделаны они из хорошо промешанной чистой глины и имеют вид низкого кружка с остро обозначенными гранями и гладкими до блеска заглаженными поверхностями (у одного шероховатыми). Цилиндрическое пряслице представлено обломком, — простое неотделанное, красновато-бурого цвета.

Клепчинская находка дополняет список изделий с выемчатой эмалью, главным сосредоточием которых служит Среднее Поднепровье, где, по мнению Б. А. Рыбакова, и был центр их производства¹.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 53.

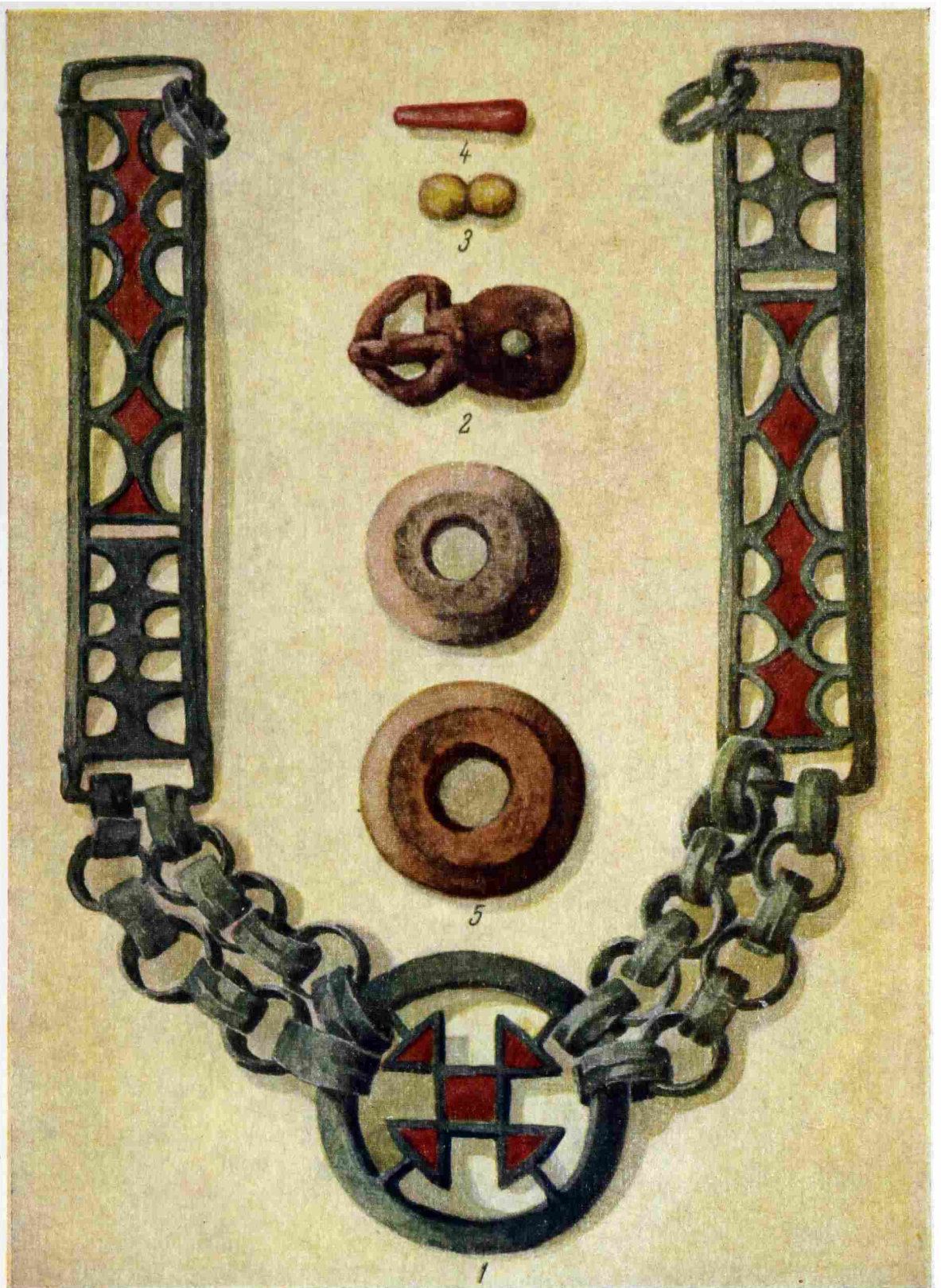

Рис. 62. Бронзовые бляхи с красной эмалью и другие вещи, найденные с ними:
1 — бляхи с эмалью; 2 — железная пряжка; 3 — стеклянная позолоченная бусина; 4 — пронызь из красной
эмали; 5 — глиняные пряслица.

Точная датировка киевских эмалей до сих пор еще не установлена, она, как известно, колеблется в очень широких хронологических рамках, охватывающих период III—IX вв.¹

Штрихованная керамика, сопровождающая новую находку, принадлежит к еще неизученной группе и сама нуждается в датировке. Можно пока только отметить, что она должна относиться к более поздней поре, чем период полей погребения зарубинецкого типа, конец которого падает на II в. н. э., но к более ранней, чем время славянских памятников типа поселения Лука Райковецкая, начальная дата которых VII век².

Время производства эмалей в Среднем Поднепровье, таким образом, суживается в рамках III—VI вв. К этому времени, точнее к поре полей погребений черняховского типа, относит их Б. А. Рыбаков. Однако ряд исследователей датируют эмали и более ранним временем³.

Железная пряжка из Клепчей находит себе параллели в черняховской культуре⁴ и в сарматских древностях III—IV вв.⁵ К этой же эпохе следует отнести стеклянную золоченую бусину, найденную вместе с эмалями. Ей же вполне соответствуют и низкие биконические пряслица, имеющие как бы заполированную поверхность, известные, например, по находкам в черняховских могильниках полей погребений⁶.

Приведенные параллели позволяют датировать находку эмалей и сопровождающую их штрихованную керамику у хут. Клепчи в основном III—IV вв., что соответствует также времени распространения римских эмалей.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 53.

² В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 13.

³ М. Ю. Брайчевский. Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений). Доклады VI научной конференции Ин-та археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 67; В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Там же, стр. 208; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 127.

⁴ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, 1961, т. XII, вып. 1 и 2, табл. XIX, рис. 18; П. Смолічев. Археологічні дослідження в околицях м-ка Златополя на Черкащині року 1926. Коротке звітчення ВУАК за 1926 рік, Киев, 1926, стр. 134 и сл., табл. XXXIII, рис. 4 и др.

⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, стр. 85—86, рис. 30, 6.

⁶ В. В. Хвойка. Указ. соч., табл. XIX, рис. 36.

В. И. МАРКОВИН и А. М. ТВЕРДОХЛЕБОВ

АКУШИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В мае 1951 г. при строительстве жилого дома в сел. Акуша Акушинского района Дагестанской АССР было обнаружено одно из погребений древнего могильника. Могильник расположен на западной окраине села у мусульманского кладбища, на склоне Акушинского хребта.

Дагестанский краеведческий музей совместно с Институтом истории, языка и литературы ДагФАН СССР произвел обследование этого погребения¹. К сожалению, оно было уже вскрыто местными жителями, вещи разошлись по рукам, а костяки заново погребены на современном мусульманском кладбище. Все же удалось собрать кое-какие предметы и восстановить общую картину погребения.

Нами было доследовано только это погребение, хотя местные жители (даргинцы) сообщают, что подобные могилы откапывались здесь и раньше.

Погребальное сооружение представляет собой вырытую в глинистом сланце на глубине 1,9 м камеру, имеющую в плане форму довольно правильного овала. Она ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. Ее длина 2,4 м, ширина 1,65 м, высота 1,2 м. Свод куполообразный; на стенах и сводах заметны следы кирки с рабочим концом в 2—3 см ширины. В юго-восточной стене, на высоте 0,3 м от пола, устроена небольшая ниша (40 × 35 × 15 см). С северо-восточной стороны в камеру вделана (возможно, вмазана) хорошо обработанная плита из песчаника (0,7 × 0,8 × 0,1 м) с высеченным в ней подквадратным входным отверстием. Отверстие (42 × 45 см) было прикрыто второй плитой из песчаника (60 × 60 × 15 см). Над ней возвышались две (одна над другой) узкие плиты мергеля. Дверь подпирали два контрфорса из массивных плит мергеля (58 × 32 × 12 см) со стесанными углами (рис. 63).

Плиты, закрывавшие вход, стояли несколько наклонно внутрь камеры. По словам местных жителей, снаружи вход не был виден.

По рассказам жителей, внутри камеры находилось пять костяков. Они лежали вытянуто, на спине, ногами к входу (с северо-востока на юго-запад) с вытянутыми вдоль туловища руками. Исследование скелетов показало, что в камере были захоронены две женщины, не старше 45—50 лет, и трое мужчин, 30—35, 40—50 и 55—60 лет². О расположении инвентаря приходится судить только по рассказу одного из очевидцев — А. Абдулаева. Он сообщил, что в центре стояли две мисочки и кувшинчик, у рук крайних покойников лежало по одному серебряному браслету, на руках двух средних костяков были надеты браслеты из стекла. В области груди костяка

¹ В обследовании приняли участие Л. Б. Панек, М. М. Ижилов, Г. Э. Росин и авторы настоящего сообщения.

² Костный материал определен Н. Н. Миклашевской.

у северо-западной стены находились две каменные печатки. В нише стояла фиала, покрытая синей глазурью.

Обе переданные нам мисочки изготовлены на гончарном круге; глина тщательно отмучена, красного цвета. По форме они напоминают современные гончарные миски из сел. Балхар: ребристые, с выступающим заостренным краем венчика и небольшим кольцевидным поддоном. В поддонах просверлены отверстия для подвешивания сосудов к стене. Ясно, что эти чаши ценились довольно высоко и служили украшением дома. Внутри и по краям венчиков миски покрыты поливой: одна — светлозеленой, другая — охристо-желтой. Размеры их почти совпадают: диаметр 15—16 см, высота 6 см.

У миски, покрытой зеленой поливой, на внутренней поверхности нанесен оригинальный орнамент: шесть раз повторяются строенные скобы, напоминающие арабские письмена. Каждый значок отделен от соседнего тремя вертикальными черточками (рис. 64—1).

На второй мисочке с внешней стороны у бортика заметно углубленное трехзначное число — 311, исполненное так называемыми индийскими цифрами (рис. 64—2). Если принять этот знак за дату Хиджры, то получим 923—924 гг. н. э. Но вряд ли эти цифры являются датой. Дело в том, что эти цифры сопутствуют наиболее распространенному арабскому почерку-написанию «несхи»¹, появляющемуся довольно поздно. Во всяком случае известно, что только с XIV в. квадратный «куфи», ранее наиболее распространенный, превращается в орнамент и исчезает².

До конца XVIII в., судя по надгробным стелам, в Дагестане вообще цифровые обозначения дат очень редки. Обычно числительные пишутся словами. Встречающиеся же даты пишутся квадратным или скорописным крючковатым почерком. Цифры, нанесенные на миске из погребения, получают наибольшее распространение в XIX в.³

Вероятно, чаши были вручены нам по недоразумению. Некоторое сомнение вызывает и фиала округлых форм (диаметр 9,7 см, высота 5 см), покрытая небесно-голубой глазурью. На стершемся кольцевидном поддоне также есть следы отверстий для подвешивания. На внутренней стороне сосуда отиснут знак, напоминающий цифру 6.

На средневековых поселениях Дагестана, датируемых позже X в., довольно часто встречается поливная керамика (поселения Тадраал и Чинна Хунзахского района, Ая-Мази-Махи Сергокалинского района)⁴. Среди

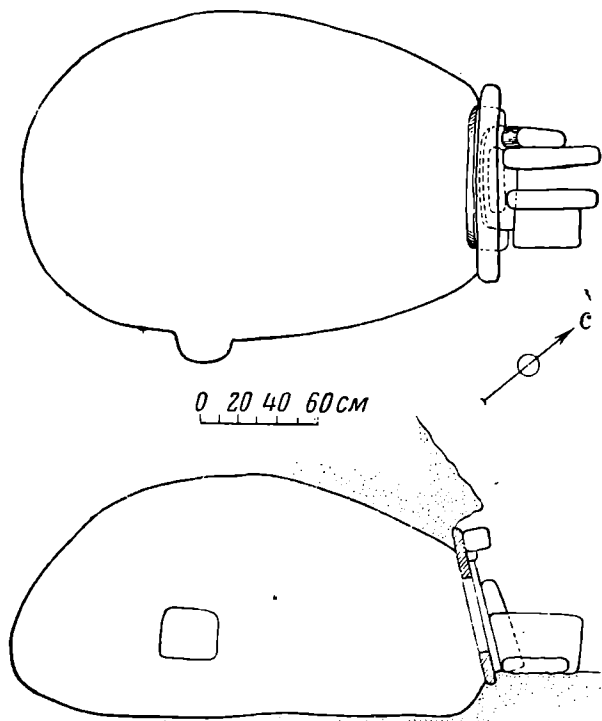

Рис. 63. План и профиль камеры в с. Акуша.

¹ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. 1914.

² В. А. Крачковская. Эволюция куфического шрифта в Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII, стр. 95.

³ К нашему мнению присоединяется сотрудник ИИЯЛ ДагФАН СССР С. Саидов.

⁴ Материалы разведок Дагестанской археологической экспедиции 1951 г. под руководством К. Ф. Смирнова. Используются с любезного разрешения К. Ф. Смирнова.

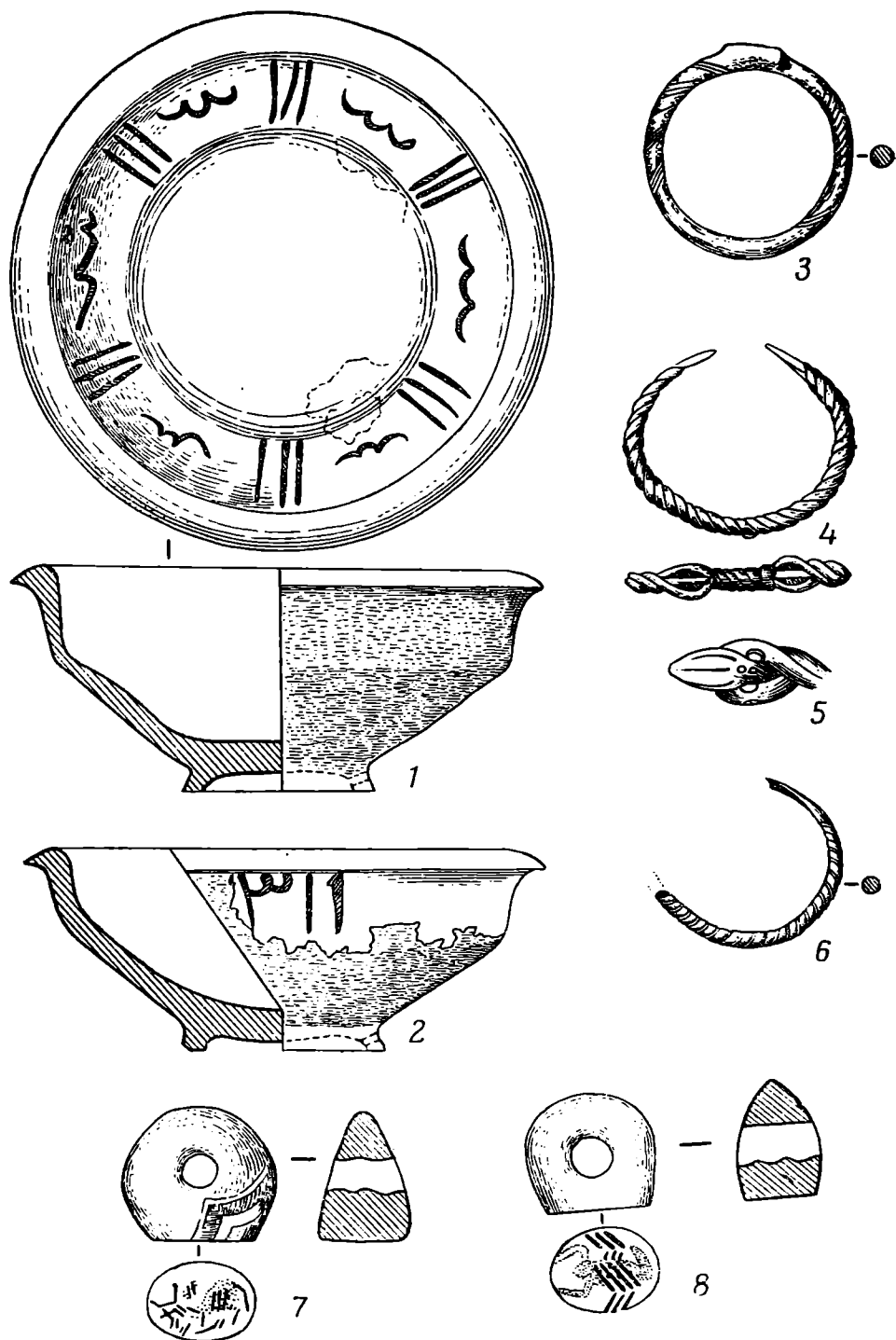

Рис. 64. Вещи из камеры в с. Акуша.

хорошо датированного материала Агач-калинского могильника и поселения (VIII—X вв.) поливная керамика не встречена¹.

Датирующими предметами служат стеклянные, слегка витые браслеты. Один из таких браслетов, диаметром 5,6 см, почти черного цвета сохранился целиком (рис. 64—3) и передан нам местными жителями; другой темнокрасного цвета разбит. Ближайшие аналогии им находим среди инвен-

¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 113—119; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XLV, стр. 93—96.

таря наиболее поздних погребений Агачкалинского могильника, датированного в целом VIII—X вв.¹ Стекланные браслеты встречаются также среди кавказских материалов и в XI в.²

Серебряные витые браслеты из Акушинской катакомбы изготовлены из проволоки, концы их несомкнуты, заканчиваются сильно стилизованными змеиными головками (рис. 63—4). Два подобных браслета из бронзовой проволоки, со змеиными головками на концах, трактованными с меньшей стилизацией, хранятся в фондах Дагестанского музея (инв. № 2323, 2271; рис. 64—5).

Серебряный браслет, аналогичный акушинскому, найден на старом кладбище у сел. Ахты³. Браслеты с звериными головками известны из катакомбных погребений Осетии (станция Балта)⁴.

Из Акушинского погребения происходит также небольшое медное кольцо (вероятно, от поясного набора) и литой ложновитой браслет с несомкнутыми сплюснутыми концами (рис. 64—6).

Переданные нам две бусины-печатки изготовлены из халцедона коричневых тонов. Площадки с геммами у них овальные; отверстия двустороннего сверления. На одной печатке изображен бык, опускающийся на передние ноги, на другой — скорпион (рис. 64—7, 8). Бусины-печатки с подобными изображениями известны из погребений Комунты и Кумбулты (Сев. Осетия)⁵, близки они и печаткам неизвестного происхождения, хранящимся в фондах Дагестанского музея (инв. № 2346); напоминающие акушинские, но с другими изображениями встречались и в Агачкалинском могильнике⁶. Печатки с изображениями скорпиона и быка вероятнее всего сасанидского происхождения⁷. Многие из них в дальнейшем стали даже мусульманскими символами, например изображение руки Фатьмы на печатке из могильника у с. Агач-Кала⁸, другие — талисманами и амулетами. Предпочтение отдавалось бусам из халцедона и его разновидностей (сердолика, агата и др.)⁹.

В целом весь сохранившийся инвентарь Акушинской катакомбы можно отнести к IX—XI вв. Этому не противоречит и тип погребения.

Подобные катакомбные погребения известны в Сев. Осетии (Кобань, Чми, Балта)¹⁰ и Грозненской области (у бывш. сел. Алхасте и в других местах). Е. И. Крупнов относит погребение в Алхасте к кругу памятников алаано-хазарской культуры VI—X вв. н. э., широко распространенной на Сев. Кавказе¹¹. Погребения типа Акушинской камеры не единичны в Дагестане. Н. О. Цилоссани описывает ряд подобных катакомбных могил в районе Дербента¹².

Сравнение агачкалинских склепов с катакомбой в сел. Акуши позволяет также говорить о некотором сходстве и в обряде погребения и в конструк-

¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник..., стр. 117.

² Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, стр. 300.

³ Р. Магомедов. Далекое прошлое Дагестана. Даггиз. Махачкала, 1940, рис. на стр. 7.

⁴ П. С. Уварова. Могильник Северного Кавказа. МАК, т. 8, 1900, стр. 134, табл. XV.

⁵ П. С. Уварова. Указ. соч., стр. 322—324, табл. XXVII.

⁶ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 114; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 94, рис. 39—12, 13.

⁷ Saige. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1943, стр. 53, табл. 142—14. 12.

⁸ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник..., стр. 114.

⁹ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929, стр. 19—20.

¹⁰ П. С. Уварова. Указ. соч., МАК, т. 8, стр. 91, 123, 134, рис. 102.

¹¹ Е. И. Крупнов. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции Гос. Исторического музея 1937—1938 гг. ВДИ, № 1, 1939, стр. 267.

¹² Н. О. Цилоссани. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 году. Пятый Археологический съезд в Тифлисе, I. Протоколы подготовительного комитета. М., 1879, стр. 464—470.

ции самих сооружений. Ориентировка акушинской катакомбы соответствует ориентировке склепов Агач-Калы (входом к склону). Конструкция «дверей» камеры напоминает «двери» агачкалинских склепов. В Агач-Кале покойники также погребались вытянуто, на спине, по длине камеры, и ногами к выходу¹. О сходстве могильного инвентаря уже говорилось.

Вместе с тем необходимо отметить сходство вещевых материалов из Агач-Калы и Акуши с материалами того же времени из катакомбных склепов Сев. Осетии и Грозненской области, особенно керамики, зеркал, бус, браслетов, бубенчиков, стремян и пр.²

Погребение в сел. Акуши близко по своему типу к погребениям, относящимся к салтовской культуре³. Сходство осетинских катакомб с салтовскими отмечено уже давно⁴. Новейшие исследования в этой области показали, что салтовская культура возникла на основе культуры сармато-аланских племен⁵. Отсюда ее близость с одновременными культурами Северного Кавказа.

Народы Дагестана, входя непосредственно в состав ранней Хазарии⁶, явились вместе с другими кавказскими народами создателями так называемой «хазарской культуры»⁷.

Близость материалов из селений Акуши, Агач-Калы и Южного Дагестана салтовским и осетинским (особенно типы стремян, керамика, серьги с гроздьями, а также в обрядах погребения и в устройстве катакомбы) объясняется взаимодействием аланских и родственных аланам дагестанских племен⁸.

Наблюдающиеся различия в характере инвентаря и погребальных сооружений (склепы и грунтовые погребения в Агач-Кале, катакомбы в Акуши), возможно, являются этническим признаком. К. Ф. Смирнов считает племена, оставившие агачкалинские памятники VII—X вв., предками современных кумыков⁹.

Возможно, что создатели катакомбных камер в сел. Акуше являются предками даргинцев, хотя на современной даргинской территории встречены склепы типа Агач-Калы (хутор Ая-Мази-Махи у сел. Дегва, Сергокалинский район)¹⁰.

Для решения всех возникших вопросов необходимы дальнейшие широкие работы по исследованию средневековых памятников Дагестана.

¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник..., КСИИМК, вып. XXXVIII; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд раннесредневекового Дагестана как исторический источник (по материалам Агачкалинского могильника). КСИИМК, вып. XLVI, стр. 101—102.

² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. 8, 1900, табл. XXXVI, XLVI, XLVIII и др.; В. Миллер. Терская область (археологические экскурсии). МАК, т. 1, 1888, табл. III—V, XIII и др.; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане. КСИИМК, вып. XLV, стр. 95.

³ В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на Юге России. Тр. XV АС в Новгороде 1911 г., т. I, 1914, стр. 437—445; его же. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС в Екатеринославе 1905 г., т. I, М., 1907, стр. 384 и сл.

⁴ В. А. Бабенко. Указ. соч.

⁵ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 27.

⁶ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз, Л., 1936.

⁷ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 53—61; К. Ф. Смирнов. Указ. соч...; Н. Я. Мерперт. Против извращения хазарской проблемы. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 189.

⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане..., КСИИМК, вып. XLV, стр. 96.

⁹ К. Ф. Смирнов. Указ. соч.

¹⁰ Материалы разведок Дагестанской археологической экспедиции 1951 г. под руководством К. Ф. Смирнова. Инвентарь склепа у хутора Ая-Мази-Махи близок предкам из Агач-Калы.

Э. И. ЯМПОЛЬСКИЙ

О СТАТУЕ, НАЙДЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

В 1946 г. во время пахоты в местности, именуемой Хинислы, на территории Шемахинского района Азербайджанской ССР, в 3 км от г. Шемахи, трактористом была извлечена из земли массивная человеческая фигура (рис. 65), высеченная из камня (местный известняк). Голова статуи не уцелела. Статуя монолитна с небольшим пьедесталом, высота ее 2,26 м, наибольшая ширина 47 см. Руки расположены спереди: правая кисть на левой стороне груди, левая рука на животе. Изображения одежды на статуе не прослеживается, не удается установить и принадлежность фигуры к какому-либо определенному полу.

Статуя оказалась настолько тяжелой и громоздкой, что ее пришлось вытаскивать из земли при помощи трактора. Академия наук АзербСССР обеспечила доставку найденной статуи в районный центр — гор. Шемаху, где она и была оставлена в местном краеведческом музее.

Эта находка представляет большой интерес для археологов, историков и искусствоведов, как единственный памятник скульптуры, возможно имевший религиозное значение, найденный на территории Кавказской Албании.

Автором настоящего сообщения произведено предварительное обследование места находки и самой статуи. Отсутствие сколько-нибудь точно датирующих материалов, несомненно, снижает значение этого памятника. Однако вопрос о его датировке очень интересен.

Местность Хинислы расположена на территории древней Кавказской Албании. Во всех, нередко противоречивых сообщениях античных авторов о границах Албании¹ зона современной Шемахи неизменно входит в пределы ее границ. Облик скульптуры и положение рук позволяют предположить, что она относится к древним статуям культового назначения. На грани нашей эры в Кавказской Албании преобладала политеистическая религия, характеристика которой, опирающаяся на свидетельства побывавших в I в. до н. э. в Албании, дана Страбоном². Этой древнеалбанской религии были свойственны культовые изваяния. В Албании, как сообщает летопись, было «злое служение идолам»³ и почитание «кумиров»⁴. Косвенным подтверждением наличия в древней Кавказской Албании культовых статуй является одновременное распространение и в Албании и в соседних с ней Армении и Иберии однотипных кувшинных погребений⁵; на

¹ См. Э. Ямпольский. Албания Кавказская. БСЭ, т. 2, 1950.

² Strabonius. Geographica (Parisii, 1858), XI, 4.

³ М. Каганкатвацци. История Агван. СПб., 1861, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 7 и 36.

⁵ М. М. Иващенко. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. Изв. АН АзербСССР, том I, 1947, стр. 78—80.

этих территориях отмечены также храмы со статуями богов¹. В Иберии, например, была культовая «статуя в рост, которую чествовали жертвами»².

В окрестностях Хинислы встречается довольно много подъемного археологического материала, датируемого первыми веками нашей эры, а в самой яме, где обнаружена статуя, нами найден фрагмент большого пористого кирпича, подобного тем, которые использовались в кувшинных погребениях

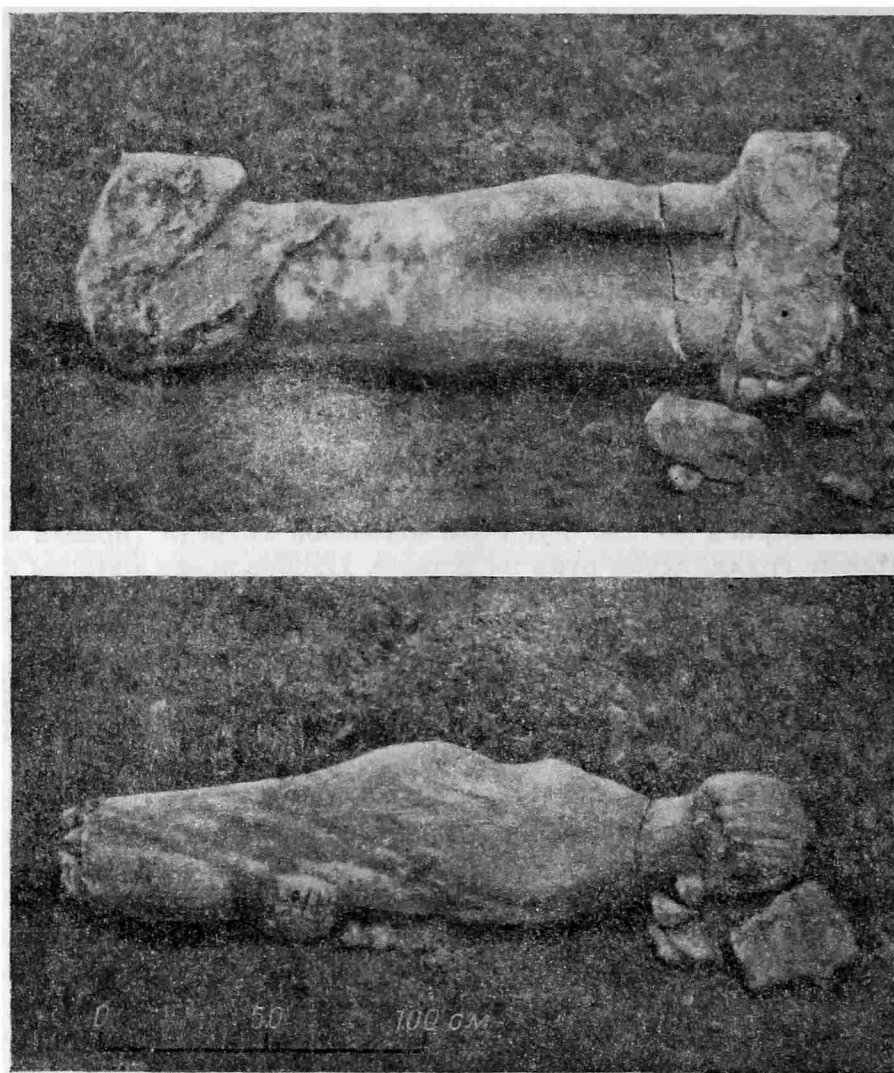

Рис. 65. Каменная статуя с территории Кавказской Албании.

ниях³. По сообщению Е. А. Пахомова, в древнем погребении у сел. Хинислы была обнаружена печать из красного с буроватым оттенком сердолика-сердера⁴, характерная для аршакидского и раннесасанидского времени.

В III—IV вв. изменения в общественном строе Албании и международные отношения способствовали проникновению в страну маздеизма и

¹ История Армении Моисея Хоренского, кн. II, гл. 8, М., 1893, стр. 60.

² Там же, кн. II, гл. 32, стр. 46; гл. 86, стр. 132; «История Агван», стр. 24, об «идолах» в Армении.

³ При обсуждении (6 октября 1953 г.) настоящей статьи в Отделе истории материальной культуры Института истории АН АзербССР Е. А. Пахомов сообщил, что в зоне хинислинской находки в 1946 г. им были раскопаны еще не опубликованные погребения, датируемые первыми веками нашей эры, и сделана первая фотография хинислинской статуи.

⁴ Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана. МКЯ, 1, Баку, 1949, стр. 106.

христианства¹. Христианство с IV в. становится господствующей религией Албании; в VII—VIII вв., в связи с нашествием арабов, внедряется новая религия — ислам, хотя и после этого здесь сохранялось христианство² и пережитки дохристианских культов³. Ни раннее христианство, ни ислам не признавали культовых статуй. Главным божеством религии, господствовавшей на грани нашей эры, у албанцев была луна⁴. Религия эта была весьма архаична в Закавказье и Малой Азии⁵. Поэтому если наиболее вероятная верхняя дата изготовления хинислинского «идола» может быть отнесена к первым векам нашей эры, то нижняя хронологическая грань остается неопределенной на всем протяжении I и, может быть, II тысячелетий до н. э.

По сообщению клинописного текста, ассирийский царь (IX в. до н. э.) Шамшиадат V предпринял поход в область Гизульбунд, и, после того как ассирийские войска перешли горы, там было поставлено изваяние этого правителя «в героическом виде»⁶. Это сообщение относится к смежной с Албанией территории (ибо область Гизульбунд находилась у албанских берегов Аракса), однако мы можем допустить предположение, что хинислинский «идол» также представляет скульптурный портрет реального лица и вовсе не является культовой статуей.

Для выяснения датировки и назначения хинислинской статуи следует обратить внимание на положение рук изучаемого изваяния.

Изображения египетских богов⁷ с неизменно определенным положением рук, многочисленные статуэтки из раскопок в Тел-Асмаре и других районов Месопотамии⁸, подобные же стандартно-канонические позы и положения рук буддийских изваяний и в христианской иконописи вполне определенно свидетельствуют о том, что положение рук у древних изваяний имеет многовековую устойчивую традицию на территории многих областей древнего мира.

Чтобы сделать определенные выводы, надо уточнить даты многих известных статуй, проследить географическое распространение их стилей и типов. Только тогда можно будет говорить о каких-то местных и общих закономерностях. В настоящем сообщении можно лишь поставить этот вопрос.

Просмотрев фотоснимки археологических памятников в ряде изданий⁹, ценность которых заключается в хороших иллюстрациях, а также ознакомившись с некоторыми древними скульптурными изображениями людей,

¹ История Египта. Тифлис, 1853; Агафангел, см. V. Langlois. Collection des historiens d'Arménie, v. II; C. Müller. Fragmenta historicarum graecorum, v. 5, p. II, Paris, 1884.

² Масуди, русск. перев. см. «Сборник материалов по описанию местности и племен Кавказа», вып. 38.

³ И. П. Петрушевский. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха. Баку, 1930.

⁴ Strabo, XI, 4, 5. „Θεούς δε τιμᾶδιν... διαφέροντων δέ τὴν εὐλήνην“.

⁵ A. Erbele. Der Kult der Ma-Artemis. Wien, 1860; A. Hartmann. Ma, Pauly Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, XVII—I (1928), s. 76.

⁶ D. D. Lickenbill. Ancient records of Assyria and Babylonia. Chicago, v. I, 1926, стр. 719.

⁷ См. табл. в кн.: Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. I, М.—Л., 1936, стр. 284—285.

⁸ G. Contenau. Manuel d'Archéologie orientale... Paris, 1947, v. IV, стр. 2116, 2023.

⁹ H. R. Hall. The ancient history of the Near East. 1950; G. Contenau. La civilisation des hittites. Paris, 1948; P. De Lougaza. S. Lloyd. Pre-Sargonid temples in the Diyala region. Chicago, 1948; G. Contenau. La civilisation d'Assur et de Babylone. Paris, 1937; A. T. Holmstead. The history of Persian empire. Chicago, 1948; H. Seyring. Antiquités syriennes. Paris, 1946; E. Pottier. L'art hittite, v. I. Paris, 1926; G. Contenau. La glyptique syro-hittite. Paris, 1922; O. Weber. Alto-orientalische Sigebilder. Lpz., 1920 и др.

найденными на Кавказе¹, можно отметить, что в областях Древнего Востока, близких к Закавказью, и на Кавказе существует около десяти основных типов положения рук у изваяний «богов», «правителей» и других человеческих изображений, может быть, связанных с первобытно-магическими обрядами.

Уточнение этих типов — самостоятельная большая работа. К. В. Тревер, например, указала мне на сходство положения рук хинислинской статуи с положением рук ряда терракотовых обнаженных фигурок, добытых при раскопках в Хорезме². Отметим, в частности, положение рук изваяния богини Иштар, которая связана с пантеоном древнейшего населения Закавказья.

Если хинислинская статуя является культовым изваянием, то она могла существовать и тогда, когда культ, к которому она принадлежала, притеснялся или даже был гонимым. Гонения могли вынудить приверженцев закопать «идола» в землю, причем закопать в почтительной позе, вертикально. Считать вертикальную позу «идола» случайной, пожалуй, нет оснований.

Хинислинская статуя — незаурядный памятник истории материальной культуры, искусства и, может быть, древнего культа.

¹ Фотографии двух из них присланы мне Е. И. Крупновым.

² Пользуюсь случаем поблагодарить К. В. Тревер за указания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА — Советская археология
СОРГО — Среднеазиатское отделение Русского географического общества
СЭ — Советская этнография
ФАН — Филиал Академии Наук СССР
-

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры
Вып. 51—59
(Содержание)

Вып. 51

Сессия Отделения истории и философии и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры АН СССР за 1951 год.

I. Доклады и сообщения

- А. Н. Рогачев. Раскопки Костенок I.
А. П. Окладников. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом
Н. Н. Гурина. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области
О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-Тапа
Т. С. Пассек. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре
А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре
Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция
В. И. Мошинская и В. Н. Чернецов. Городище «Андрюшин городок»
- Н. В. Анфимов. Исследования Семибратнего городища
Т. Н. Книпович. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции
М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории
М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории
И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика
И. Б. Зеест. Раскопки Феодосии
В. Д. Блаватский. Второй год работ Синдской экспедиции
И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы
Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Дукурского поселения на Тамани

II. Хроника

Памяти Александра Юрьевича Якубовского
А. М. Беленицкий и М. М. Дьяконов
Список печатных трудов А. Ю. Якубовского
Список сокращений

Вып. 52

Академик Борис Дмитриевич Греков

I. Статьи и доклады

- З. А. Володченко. К вопросу о технике черни на Руси
П. А. Раппопорт. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовый кладки
В. В. Косточкин. Русские военно-оборонительные сооружения XVI в. у устья реки Наровы
Е. И. Горюнова. Муромский могильник
- II. Полевые археологические исследования*
М. Ю. Брайчевский. Древнеславянское святилище в с. Иванковцы на Днестре

- Б. А. Тимощук. Подкарпатские курганы III—V вв. н. э.
Я. В. Станкевич. Исследование памятников I тыс. н. э. в верховьях р. Зап. Двины за 1949—1951 гг.
С. А. Изюмова. Археологическая разведка 1951 г. в Тульской области
Ф. Д. Гуревич. Раскопки на городище «Грачевка»
В. Ф. Генинг. Бродовский могильник
А. В. Никитин. Раскопки в Вологде в 1948 г.

III. Мелкие статьи и заметки

- В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов как исторический источник
В. Л. Янин. Печати ладожских наместников

Н. Д. Мец. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945—1952 гг.)

В. Б. Гиршберг. Эпиграфические заметки

IV. Хроника

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1951 г.

Список сокращений

Вып. 53

I. Статьи и доклады

Х. А. Моора. Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике

М. Ю. Браичевский и Д. Т. Березовец. К истории древнеславянского ювелирного ремесла

С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане

II. Полевые археологические исследования

А. Ф. Дубынин. Ковровский фатьяновский могильник

П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье

А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году

Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Приднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.)

Б. А. Тимошук. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины

Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области

В. В. Седов. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.)

А. Л. Яксбсон. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа)

III. Методика археологических исследований

С. С. Сорокин. О некоторых приемах нивелирования при археологических раскопках.

А. В. Кирьянов. Обработка берестяных грамот. (Опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции)

М. Н. Кислов. Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей

IV. Мелкие статьи и заметки

А. А. Формозов. Неолитическая керамика Нижнего Подонья

М. М. Трапш. Новая археологическая находка в Абхазии

Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле города Почепа

В. С. Ерохин. Щигровский клад

В. Л. Янин. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века

Список сокращений

Вып. 54

I. Статьи и доклады

Л. Ю. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР

В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы (по раскопкам И. А. Линниченко)

В. Л. Янин. Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода

II. Полевые археологические исследования

В. П. Любин. Палеолитические находки в Юго-Осетии

А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 г.

А. А. Щепинский. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя

Г. А. Чернов. Новые археологические находки в Большеземельской тундре

П. П. Хороших. Неолитическое погребение на реке Кае (окрестности г. Иркутска)

А. Н. Ляпский. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия)

А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР

Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне р. Сев. Донца

И. Н. Цицишвили. Гробница у станции Мцхета

Р. М. Ваидов. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур)

Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве. (Из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ)

Е. А. Шмидт. Раскопки длинных курганов в Смоленской обл.

Е. А. Горюнова. Мерянский могильник на Рыбинском море

А. Л. Яксбсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму

III. Мелкие статьи и заметки

Н. С. Гасюк. Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна

Ф. Д. Гуревич. Каменные идолы Себежского музея

П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века

Е. С. Щукина. Федор Алексеев — русский медальер и механик начала XVIII века

Список сокращений

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических исследований за 1952 год.
Информация

I. Доклады на сессии и пленуме

- П. Н. Третьяков. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье
А. П. Смирнов. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках
А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте
О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента
Х. А. Моора. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг.

II. Полевые археологические исследования

- К. Ф. Смирнов. Работа I Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции
И. В. Синецун. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции

- Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция
А. А. Мартиросян. О древнем поселении в могильнике близ Ленинакана
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция
В. А. Обориц. Раскопки Орла-городка на р. Каме
Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана

III. Мелкие статьи и заметки

- М. Р. Полесских. Могильник «Армиевского типа» в Пензенской обл.
В. Л. Янин. Печать Смоленского князя Вячеслава Ярославича (1154—1157 гг.)
В. Ф. Генриг. Новый могильник позднеродановского времени

IV. Хроника

- Памяти Михаила Михайловича Дьяконова
А. М. Беленицкий
Список печатных трудов М. М. Дьяконова
Список сокращений

I. Сообщения

Расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии.
Информация.

Я. С. Гросул. Вступительное слово.

II. Доклады и статьи

- Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии
Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхоя
В. А. Войцеховский. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII вв.
Э. А. Рикман. К вопросу о славянских

чертах в народной материальной культуре Молдавии

- А. И. Мелюкова. Результат раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии
О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы
Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии
И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 г.
С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у сс. Попенки и Журы на Днестре в 1952 г.
Е. К. Черныш. Раннетрипольские поселения Среднего Поднестровья
А. П. Черныш. Исследования палеолита на Днестре
А. П. Смирнов. Заключительное слово.
Резолюция

I. Статьи и доклады

- А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии волжских болгар
М. М. Якубцинер. О составе зерновых культур из Старой Ладogi
Э. А. Сымонович. О датировке поселения первых веков н. э. в Луке Врублевской
Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья
В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века

- В. Р. Тарасенко. Из материалов раскопок Минского замчища
П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли
Л. П. Семенов. Шлемы из Северной Осетии

II. Полевые археологические исследования

- А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции
М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы. (По раскопкам 1951 г.)

- Э. А. Рикман. Результаты археологических наблюдений в Зарядье. (По раскопкам 1949—1951 гг.)
- М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. (Памятники культуры полей погребения)
- С. А. Тараканова. Археологическая разведка по Неману
- Б. А. Тимощук. Древнерусские поселения Северной Буковины
- В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье
- И. А. Лунегов. Редикарский могильник

Вып. 58

I. Статьи и доклады

- В. И. Цалкин. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры
- Н. И. Сокольский. О боспорских щитах
- И. Т. Кругликова. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее
- Н. В. Анфимов. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа

II. Полевые археологические исследования

- Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане
- И. М. Лосева. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни
- Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды
- М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории
- В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 году

Вып. 59

I. Статьи и доклады

- А. А. Формозов. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века
- Е. И. Горюнова. К истории городов северо-восточной Руси
- П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества
- М. А. Ильин. Из истории военно-оборонительных мероприятий Московской Руси XVII века

II. Полевые археологические исследования

- И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка
- Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях
- Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка
- Д. Я. Телегин. Яремовская неолитическая стоянка
- П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши
- П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР

III. Мелкие статьи и заметки

- Л. В. Алексеев. Три пряслица с надписями из Белоруссии
- В. А. Оборин. Костяная рукоятка из Анюшкара (Кыласово)
- В. Ф. Генинг. Серебряный браслет из верхнего Прикамья

IV. Методика археологических исследований

- С. А. Семенов. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды
- Т. Н. Сильченко. К вопросу о применении рентгеноскопии для изучения археологических объектов
- Список сокращений

- В. Д. Блаватский. Третий год работ в Синдике
- Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.
- В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове
- И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы

III. Мелкие статьи и заметки

- Н. А. Онайко. Краснофигурный фрагмент из Фанагории
- М. М. Кубланов. Золотая бляшка из Чмырева кургана
- К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э.
- К. В. Голенко. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории

IV. Хроника

- Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1952 г.
- Прения по докладу В. И. Цалкина
- Список сокращений

- Р. Б. Ахмеров. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии
- А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки
- М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подольи в 1952—1953 гг.
- В. П. Шилов. Раскопки Калиновского курганного могильника

III. Мелкие статьи и заметки

- А. П. Черныш. Флейта палеолитического времени
- С. И. Успенский. Верхнеокская неолитическая стоянка «Туршинские дворики»
- А. В. Виноградов. Неолитические украшения из створок раковин *Didaspa*
- Е. К. Черныш. Резьбы с трипольских поселений
- Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области
- Г. С. Мартынов. Исыкская находка
- А. Н. Липский. Новый вид каменного изваяния из южной Сибири
- Е. П. Орлова. Археологические находки на Камчатке
- Список сокращений

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

- Е. И. Крупнов. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа 3

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- † В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинира (Юго-Осетия) 14
† О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии 23
† А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников у селения Атарбекян Армянской ССР 31
† А. О. Мнацаканян. Археологические находки в селении Басаргечар Армянской ССР 39
† Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью 45
† Г. И. Ионе. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием 54
† Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура 63
† Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии 73
А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.) 80
О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента. (По материалам раскопок 1953 г.) 97
А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака. (По раскопкам 1953 г.) 102
Т. М. Минаева. Городище Адюх в Черкесии 110

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

- Р. М. Жанполадян. Стекланный сосуд из Двина 120
Б. Я. Ставиский. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже 125
Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска 129
Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины 135
† Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния с изображениями людей 139
В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин. Новая находка блях с эмальями на Киевщине 145
В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник 150
Э. И. Ямпольский. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании 155
Список сокращений 159
Краткие сообщения ИИМК, 51—59 выпуски (содержание) 160

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР
Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Г. А. Астафьева. Корректор А. В. Утина

РИСО АН СССР № 11—138В. Сдано в набор 18/VII 1955 г. Подп. в печать 26/XI 1955 г. Формат бум. 70x108^{1/16}
Печ. л. 10,25 = 14,04. Уч.-изд. лист. 13,7. Тираж 2000. Т-08676. Изд. № 956. Тип. зак. № 217

Цена 8 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, дом 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
99	20 стр.	рпсу	рп̑у
122	2 стр.	Тесого	Тресого
125	8 стр.	№ 1504	№ 1404
153	6 стр.	(рис. 63 — 4)	(рис. 64 — 4)

Краткие сообщения ИИМК, вып. 60